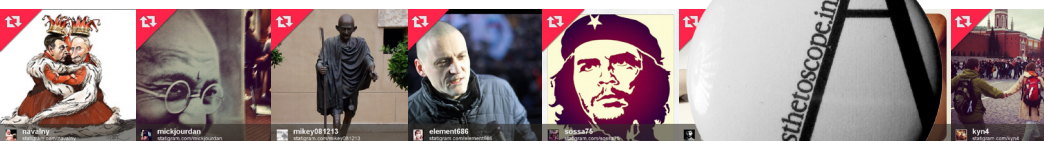

ЭСТЕТОСКОП. 31_В ПЕЧАТЬ

Мы выпустили этот альманах ограниченным тиражом и будем рады, если каждый экземпляр издания найдет своего заинтересованного читателя. Большая просьба – по прочтении альманаха передайте его знакомым или оставьте в месте, где его смог бы найти следующий читатель.

Эстетоскоп участвует в борьбе с диктатурой в России.

Нас раздражает тот факт, что мы и наши авторы вынуждены отвлекаться от нашей главной задачи – поисков прекрасного – и отвечать на навязываемые нам вызовы режима, стремительно скатывающегося в тоталитаризм. Эстетоскоп не верит в бога и в существование партии «Единая Россия», Эстетоскоп не ходит на митинги и не летает на юг с журавлями, Эстетоскоп не приемлет запретов на использование образов, слов и словосочетаний.

Для того, чтобы защитить свое право и право наших авторов свободно мыслить, писать и говорить, мы пользуемся теми же возможностями, которые используем для нашей основной деятельности – возможностями издательскими. На нашем сайте aesthetoscope.info, в специальном разделе проекта Эстетоскоп в печать – Aesthetoscope31 – мы размещаем издания, раскрывающие тему борьбы с диктатурой и способствующие ее крушению. Там вы можете скачать и распечатать полезные и актуальные работы, посвященные этому.

Сегодня мы собрали эти работы в отдельное бумажное издание и представляем его вашему вниманию.

ЭСТЕТОСКОП. 31_В ПЕЧАТЬ

Тексты этого альманаха взяты
из общедоступных источников.

© Aesthetoscope, формат издания,
2012

© navalny,
mickjourdan,
mikey081213,
element686,
sossa75,
кун4,
nikkiannepdx,
сервис Instagram, фотографии, 2012

Мы выпустили этот альманах
ограниченным тиражом
и будем рады, если каждый
экземпляр издания найдет своего
заинтересованного читателя.
Большая просьба – по прочтении
альманаха передайте его знакомым
или оставьте его в месте, где
его смог бы найти следующий
читатель.

ЭСТЕТОСКОП.31_В ПЕЧАТЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Фридрих Ницше
Так говорил Заратустра
(фрагмент).....5

Лев Толстой
Письмо к индусу.....9

Махатма Ганди
Избранные места из книги
«Моя жизнь»22

Генри Дэвид Торо
О гражданском
неповиновении.....35

Че Гевара
Партизанская война
(фрагмент).....44

Джин Шарп
От диктатуры к демократии.
Концептуальные основы
освобождения..... 58

Надежда Толоконникова,
Мария Алехина,
Екатерина Самуцевич
Последнее слово 119

Рафаэль Левчин. Старые эфебы..... 135
Эстетоскоп.2012_Проза..... 136

ЭСТЕТОСКОП.31_В ПЕЧАТЬ

ТАК ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА (ФРАГМЕНТ)

БЕСЕДА С КОРОЛЯМИ

1.

Заратустра не ходил еще и часу в горах и лесах своих, как вдруг увидел он странное шествие. Как раз по дороге, с которой он думал спуститься, шли два короля, украшенные коронами и красными поясами и пестрые, как птица фламинго; они гнали перед собой нагруженного осла. «Чего хотят эти короли в царстве моем?» – с удивлением говорил Заратустра в сердце своем и быстро спрятался за куст. Но когда короли подошли близко к нему, он сказал вполголоса, как некто говорящий сам с собой: «Странно! Странно! Как увязать это? Я вижу двух королев и только одного осла!»

Тогда оба короля остановились, улыбнулись, посмотрели в ту сторону, откуда исходил голос, и затем взглянули друг другу в лицо. «Так думают многие и у нас, – сказал король справа, – но не высказывают этого».

Король слева пожал плечами и ответил: «Это, должно быть, козопас. Или отшельник, слишком долго живший среди скал и деревьев. Ибо отсутствие всякого общества тоже портит добрые нравы».

«Добрые нравы? – с негодованием и горечью возразил другой король. – Кого же сторонимся мы? Не „добрых ли нравов“? Не нашего ли „хорошего общества“?»

Поистине, уж лучше жить среди отшельников и козопасов, чем среди нашей раззолоченной, лживой, нарумяненной черни, – хотя бы она и называла себя «хорошим обществом»,

хотя бы она и называла себя «аристократией». Но в ней все лживо и гнило, начиная с крови, благодаря застарелым дурным болезням и еще более дурным исцелителям.

Я предпочитаю ей во всех смыслах здорового крестьянина – грубого, хитрого, упрямого и выносливого: сегодня это самый благородный тип.

Крестьянин сегодня лучше всех других; и крестьянский тип должен бы быть господином! И однако теперь царство толпы, – я не позволяю себе более обольщаться. Но толпа значит: всякая всячина.

Толпа – это всякая всячина: в ней все перемешано, и святой, и негодяй, и барин, и еврей, и всякий скот из Ноева ковчега.

Добрые нравы! Все у нас лживо и гнило. Никто уже не умеет благоговеть: этого именно мы все избегаем. Это заискивающие, назойливые собаки, они золотят пальмовые листья.

Отвращение душит меня, что мы, короли, сами стали поддельными, что мы обвешаны и переодеты в старый, пожелтевший прадедовский блеск, что мы лишь показные медали для глупцов и пройдох и для всех тех, кто ведет сегодня торговлю с властью!

Мы не первые – надо, чтобы мы казались первыми: мы устали и пресытились наконец этим обманом.

От отребья отстранились мы, от всех этих горлодеров и пишущих навозных мух, от смрада торгашей, от судороги честолюбий и от зловонного дыхания: тьфу, жить среди отребья,

тьфу, среди отребья казаться первыми! Ах, отвращение! отвращение! отвращение! Какое значение имеем еще мы, короли!»

«Твоя старая болезнь возвращается к тебе, – сказал тут король слева, – отвращение возвращается к тебе, мой бедный брат. Но ты ведь знаешь, кто-то подслушивает нас».

И тотчас же вышел Заратустра из убежища своего, откуда он с напряженным вниманием слушал эти речи, подошел к королям и начал так:

«Кто Вас слушает, и слушает охотно, Вы, короли, тот называется Заратустра.

Я – Заратустра, который однажды сказал: «Что толку еще в королях!» Простите, я обрадовался, когда Вы сказали друг другу: «Что нам до королей!»

Но здесь мое царство и мое господство – чего могли бы Вы искать в моем царстве? Но, быть может, дорогою нашли Вы то, чего я ищу: высшего человека».

Когда короли услышали это, они ударили себя в грудь и сказали в один голос: «Мы узнаны!»

Мечом этого слова рассекаешь ты густейший мрак нашего сердца. Ты открыл нашу скорбь, ибо – видишь ли! – мы пустились в путь, чтобы найти высшего человека, –

человека, который выше нас, – хотя мы и короли. Ему ведем мы этого осла. Ибо высший человек должен быть на земле и высшим повелителем.

Нет более тяжкого несчастья во всех человеческих судьбах, как если сильные мира не суть также и первые люди. Тогда все становится лживым, кривым и чудовищным.

И когда они бывают даже последними и более скотами, чем людьми, – тогда поднимается и поднимается толпа в цене, и наконец говорит даже добродетель толпы: «смотри, лишь я добродетель!» –

«Что слышал я только что? – отвечал Заратустра. – Какая мудрость у королей! Я восхищен, и поистине, мне очень хочется облечь это в рифмы:

то будут, быть может, рифмы, которые едва ли придутся по ушам каждого. Я разучился давно уже обращать внимание на длинные уши. Ну что ж! Вперед!

(Но тут случилось, что и осел также заговорил: но он сказал отчетливо и со злым умыслом И-А.)

Однажды – в первый год по Рождестве Христа –

Сивилла пьяная (не от вина) сказала:

«О, горе, горе, как все низко пало!

Какая всюду нищета!

Стал Рим большим публичным домом,

Пал Цезарь до скота, еврей стал – Богом!»

2.

Короли наслаждались этими рифмами Заратустры; но король справа сказал: «О Заратустра, как хорошо сделали мы, что пришли повидать тебя!

Ибо враги твои показывали нам образ твой в своем зеркале: там являлся ты в гримасе демона с язвительной улыбкой его; так что мы боялись тебя.

Но разве это помогло! Ты продолжал проникать в уши и сердца наши своими изречениями. Тогда сказали мы наконец: что нам до того, как он выглядит!

Мы должны его слышать, его, который учит: «любите мир как средство к новым войнам, и короткий мир больше, чем долгий!»

Никто не произносил еще таких воинственных слов: «Что хорошо? Хорошо быть храбрым. Благо войны освящает всякую цель».

О Заратустра, кровь наших отцов заволновалась при этих словах в нашем теле: это была как бы речь весны к старым бочкам вина.

Когда мечи скрещивались с мечами, подобно змеям с красными пятнами, тогда жили отцы наши полною жизнью: всякое солнце казалось им бледным и холодным, а долгий мир приносит позор.

Как они вздыхали, отцы наши, когда они видели на стене совсем светлые, притупленные мечи! Подобно им, жаждали они войны. Ибо меч хочет упиваться кровью и сверкает от желания». —

Пока короли говорили с жаром, мечтая о счастье отцов своих, напало на Заратустру сильное желание посмеяться над пылом их: ибо было очевидно, что короли, которых он видел перед собой, были очень миролюбивые короли, со старыми, тонкими лицами. Но он превозмог себя. «Ну что ж! — сказал он. — Вот дорога, ведущая к пещере Заратустры; и пусть у сегодняшнего дня будет долгий вечер! А теперь мне пора, меня зовет от Вас крик о помощи.

Пещере моей будет оказана честь, если короли будут сидеть в ней и ждать: но, конечно, долго придется Вам ждать!

Так что ж! Где же учатся сегодня лучше ждать, как не при дворах? И вся добродетель королей, какая у них еще осталась, — не называется ли она сегодня умением ждать?»

Так говорил Заратустра.

I.

Все, что существует, едино: люди только называют это единое разными именами.

Веды

Бог есть любовь; пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.

1-е Послание Иоанна

Бог есть одно целое; мы только части его.

Изложение учения Вед Вивекананды

Не ищи спокойствия, отдыха в той земной области, которая порождает рассуждения и желания, потому что, если будешь искать этого там, ты будешь влеком через пустыню жизни, чуждой мне. Когда ты почувствуешь, что ноги твои путаются в свисшихся корнях жизни, знай, что ты сбился с пути, на который я призывал тебя, потому что я поставил тебя на пути широком, легком, усыпанном цветами, и дал свет, за которым ты всегда можешь идти и следуя которому никогда не споткнешься.

Кришна

Получил ваше письмо и два номера журнала. И то и другое мне было в высшей степени интересно, так как угнетение и неизбежно вытекающее из этого развращение одних людей другими, малым числом большого числа, есть явление, всегда занимавшее и особенно живо занимающее меня последнее время. Постараюсь высказать вам то, что я думаю об этом вообще и в частности по отношению к тем причинам, вследствие которых произошли и происходят те страшные бедствия, о которых вы говорите в вашем письме и говорится в присланных вами мне номерах индийского журнала.

Причины, по которым происходит то удивительное явление, что большинство трудящегося народа подчиняется кучке праздных людей, распоряжающихся не только трудами, но и жизнью большинства, всегда и везде одни и те же, как там, где угнетаемые и угнетенные принадлежат к одному и тому же народу, так и там, где, как это происходит в Индии и в других странах, угнетатели принадлежат к иной, чем угнетенные, нации. В Индии это кажется особенно странным, так как здесь более чем 200-миллионный, высокоодаренный и духовными и телесными силами народ находится во власти совершенно чуждого ему небольшого кружка людей, стоящих в религиозно-нравственном отношении неизмеримо ниже тех людей, над которыми они властвуют. Причины эти, как видно из вашего письма и из статей «Free Hindusthan», и из весьма интересных сочинений индусского писателя Свами Вивека-нанды и других, состоят в том же, в чем причины бедствий всех народов нашего времени: в отсутствии разумного религиозного учения, которое, одинаково уясняя людям смысл их существования, определяло бы и высший закон, долженствующий руководить их поступками, и в замене и того и другого теми, более чем сомнительными положениями, ложной религии и ложной науки и вытекающими из того и другого безнравственными выводами, называемыми цивилизацией.

Как видно из вашего письма и из статей не только «Free Hindusthan», но и из всей политической индийской литературы нового времени, большинство руководителей общественного мнения вашего народа, не приписывая уже никакого значения религиозным учениям, которые исповедовались и исповедуются индийским народом, видят единственную возможность избавления этого народа от претерпеваемого им угнетения в приобщении его к тем антирелигиозным и глубоко безнравственным формам общественного устройства, в которых живут теперь английские и другие мнимо-христианские народы. Ничто очевиднее этого стремления внушить индусскому народу усвоение форм жизни европейских народов не показывает в теперешних руководителях индусского народа полного отсутствия религиозно-

го сознания. А между тем в этом отсутствии религиозного сознания и вытекающего из него руководства поведения, — отсутствии, общем в наше время всем народам и запада и востока, от Японии до Англии и Америки, и заключается главная, если не единственная причина порабощения индусского народа англичанами.

II.

О вы, видящие бедствия над вашими главами и под вашими ногами и справа и слева! Вечно вы будете загадкой для самих себя, пока не сделаетесь смиренными и радостными, как ребенок. Тогда признаете меня, и, познавши меня в себе, вы будете управлять мирами и, глядя из великого мира внутри себя на малый мир вне себя, вы будете благословлять все, что есть, и будете знать, что все хорошо и в вас и вне вас.

Кришна

Для того, чтобы уяснить мою мысль, должен начать немного изда-лека.

Как жило человечество за миллионы, хотя бы десятки тысяч лет тому назад, мы не знаем и не можем (смело скажу, и не нуждаемся) знать; но то, что человечество с тех пор, как мы что-нибудь знаем о нем, всегда жило отдельными соединениями семей, родов, народов, в которых большинство покорно и охотно, считая это неизбежно необходимым, подчинялось насилию одного или нескольких лиц, самого малого меньшинства, это мы верно знаем. Такое устройство жизни людей, несмотря на внешнее разнообразие событий и лиц, проявлялось одинаково во всех народах, о прежней жизни которых мы что-нибудь знаем. И такое устройство жизни, чем дальше назад, тем больше считалось как властвующими, так и подвластными необходимым условием возможности согласного сожития людей между собою.

Так это происходило везде.

Но, несмотря на то, что такое устройство жизни в своих внешних формах продолжалось веками, продолжается и теперь, еще очень давно, за тысячи лет до нашего времени, среди держащегося на насилии устройства жизни, была высказываема в различные времена, среди различных народов одна и та же мысль о том, что в каждом отдельном человеке проявляется одно и то же духовное начало, дающее жизнь всему существующему, и что это-то духовное начало стремится к единению со всем однородным ему и достигает этого единения любовью. Мысль эта в разных формах и с большей или меньшей полнотой и ясностью выражалась в разные времена и в разных местах. Выражалась она и в браманизме, и в еврействе, и в маздеизме (учение Зороастра), и в буддизме, и в таосизме, и в конфуцианстве, и в писаниях грече-

ских и римских мудрецов, и в христианстве, и в магометанстве. Уже то одно, что мысль эта, одна и та же, высказывалась среди самых различных народов и в различное время, показывает то, что мысль эта была свойственна человеческой природе и заключала в себе истину. Но истина эта, провозглашавшаяся среди людей, считавших возможным соединение людей в общества только посредством употребления насилия одних над другими, была так несогласна с существующим устройством и, кроме того, была выражаема первое время своего появления так отрывочно и неясно, что люди, хотя отвлеченно и признавали ее, не могли принять ее как обязательное руководство поведения. Кроме того, со всеми выражениями этой истины, по мере того, как она высказывалась среди основанного на насилии устройства жизни людей, происходило одно и то же, а именно то, что люди, пользовавшиеся выгодами власти, чувствуя то, что признание людьми этой истины разрушало их положение, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, как могли, извращали истину, одевая ее самыми чуждыми ей прибавлениями, толкованиями, и, кроме того, прямым насилием противодействовали ее распространению. Так что свойственная человеческой природе истина о том, что жизнь человеческая должна быть руководима тем духовным началом, которое составляет основу жизни человеческой и проявляется любовью, для того, чтобы войти в сознание людей, должна была, кроме своей неясности выражения, бороться еще с умышленными и неумышленными извращениями ее, а также и с прямым насилием, заставлявшим людей наказаниями и гонениями признавать установленную властью понимание религиозного закона, противное открытой истине. Такое извращение и затемнение новой, не доведенной еще до полной ясности истины происходило везде: и в конфуцианстве, и в таосизме, и в буддизме, и в христианстве, и в магометанстве, и в вашем браманизме.

III.

Моя рука рассеяла любовь повсюду, предлагая ее тем, кто хочет взять ее. Благо дано всем моим детям, но часто в своей слепоте они не видят его. Только немногие поднимают те дары, которые в изобилии лежат у их ног, но еще больше тех людей, которые в своем самодовольном легкомыслии отворачиваются от них и с плачем жалуются на то, что у них нет того, что я дал им. Многие из них отрицают не только дары мои, но и меня. Меня, источника всех благ, творца их жизни.

Кришна

О, остановись хоть на время, от суеты и борьбы мира, и я украшу твою жизнь любовью и радостью, потому что свет души — это любовь. Там, где есть любовь, есть довольство и мир, а где есть довольство и мир, там и я среди них.

Кришна

Решение безгрешного состоит в том, чтобы не причинять печали другим, хотя бы он мог через это получить великую власть. Решение безгрешного в том, чтобы не делать зла тем, кто сделал зло ему.

Если человек заставит страдать даже тех, которые без причины ненавидят его, он в конце концов будет иметь неустрашимую печаль.

Наказание делающим зло состоит в том, чтобы сделанным им великим добром заставить их устыдиться своих дел.

Какая польза в учености того, кто не старается избавиться от страданий своего ближнего столько же, как и самого себя.

Если человек поутру хочет сделать зло другому, ввечеру зло посетит его.

Индийский Кюрал

Так это происходило везде. Везде истина о том, что любовь есть высшее нравственное чувство, не отвергалась и не опровергалась, но везде так искусно соединялась с таким количеством самой разнообразной лжи, извращающей ее, что от признания любви высшим нравственным чувством ничего не оставалось, кроме слов. Внушалось то, что это высшее нравственное чувство применимо только для личной жизни, годно, так сказать, для домашнего обихода, для общественной же жизни признавалось необходимым для блага большинства людей употребление против злых людей всякого рода насилия, тюрем, казней, войн, поступков, прямо противоположных самому слабому чувству любви. Несмотря на то, что здравый смысл говорил то, что, если одни люди могут быть родителями того, каких людей надо подвергать всякого рода насилиям ради предполагаемого блага многих, то и эти некоторые люди могли решать то же самое по отношению тех, кто их подвергал насилию, несмотря и на то, что великие религиозные учителя — и браминские, и буддийские, и в особенности христианские, предвидя это извращение закона любви, прямо указывали на неизбежное условие любви: перенесение обид, оскорблений, всякого рода насилий без противления злу злом, люди продолжали признавать несовместимое: благодетельность любви и, вместе с тем, противление злу насилием, прямо противоположное любви. И такие учения, несмотря на явное заключающееся в них противоречие, так укоренились, что

люди, признавая благодетельность любви, признают вместе с тем и законность устройства жизни, основанного на насилии, включающем нанесение одними людьми другим не только истязаний, но и смерти.

Люди долгое время жили в этом явном противоречии, не замечая его. Но пришло время, когда противоречие это все чаще и чаще стало поражать мыслящих людей разных народов. И древняя простая истина о том, что людям свойственно помогать и любить, а не мучить и убивать друг друга, все более стала выясняться, и все менее и менее могли люди верить в те жетокования, которыми оправдывались отступления от нее.

В старинные времена главным средством оправдания употребления насилия, противного любви, было признание особенных, сверхъестественных прав за так называемыми государями, царями, султанами, раджами, шахами и т. п. главами государств. Но чем дольше жили люди, тем все больше и больше стала ослабевать вера в особенные, освященные богом права государей. Ослабевала эта вера одинаково и почти одновременно и в христианском, и в браминском, и в буддийском, и в конфуцианском мире, а в последнее время уже так ослабела, что не могла уже служить, как прежде, оправданием поступков, явно противных и здравому смыслу и истинному религиозному чувству. Люди все яснее и яснее и уже теперь в большинстве вполне ясно видят бессмысленность и безнравственность подчинения своей воле воле таких же, как они, людей, требующих от них поступков, противных не только их выгоде, но и нравственному чувству. И потому, казалось бы, естественно людям, потеряв веру в поддерживаемую религией божественность власти всякого рода властителей, освободиться от подчинения ей. Но, к сожалению, выгодами властвования над народами пользовались не одни эти считавшиеся сверхъестественными существами государи, но везде вследствие существования этих мнимо-сверхъестественных существ образовалось в продолжение их царствования все большее и большее количество людей, пристраивавшихся к властителям и, под видом управления народом, живших его трудами. И вот эти-то люди позаботились о том, чтобы по мере того, как ослабевал старый религиозный обман о сверхъестественном и самим богом определенном властвовании государей, вырастал такой новый обман, который мог бы, заменив старый, продолжать так же, как и старый, держать народы в рабстве немногих властителей.

Хотите знать, дети, чем должны быть руководимы сердца ваши! Оставьте ваши желания и стремления к тому, что ничтожно и пусто; откиньте ваши невежественные мысли о счастье, о мудрости, о пустых и неискренних желаниях. Откиньте все это, и вы познаете любовь.

Кришна

Не будьте уничтожателями самих себя. Поднимитесь к вашему истинному я, поднимитесь до него, и тогда вам нечего бояться.

Кришна

На место устарелых, отживших религиозных оправданий явились новые. Оправдания эти так же неосновательны, как и прежние, но они еще новы, так что несостоятельность их еще не сразу может быть признана большинством, и, кроме того, люди, пользующиеся властью, так искусно распространяют и поддерживают их, что оправдания эти многим, даже тем, которые страдают от того, что они оправдывают, кажутся неопровержимыми. Новые оправдания эти называются научными. Под словом же «научное» разумеется то же самое, что разумеется под словом «религиозное», а именно то, что так же, как все то, что называлось религией, уже по одному тому, что называлось религией, всегда было несомненно истинно, так точно и все то, что называется наукой, уже по одному тому, что оно называется наукой, всегда несомненно истинно. Так в данном случае отжившее религиозное оправдание насилия, заключавшееся в признании особенности, сверхъестественности лиц, стоящих во власти и утверждаемых во власти богом («нет власти не от бога»), заменилось научным оправданием, заключающимся, во-первых, в том, что всегдашнее существование среди людей насилия одних людей над другими доказывает то, что такое насилие должно всегда существовать. В этом, то есть в том, что люди должны жить не согласно с разумом и с совестью, а с тем, что долгое время происходило между ними, — в этом состоит то, что «наукой» называется «историческим законом». Второе же «научное» оправдание насилия состоит в том, что так как среди растений и животных происходит борьба за существование, оканчивающаяся всегда переживанием наиболее приспособленных, то эта же самая борьба должна происходить и между людьми, существами, одаренными свойствами разума и любви, — свойствами, отсутствующими у существ, подчиняющихся закону борьбы и отбора. В этом другом «научное» оправдание насилия.

Третье же, самое главное и самое, к сожалению, распространенное научное оправдание насилия есть, в сущности, самое старое религиозное оправдание, только несколько видоизмененное, состоящее в том,

что, так как в общественной жизни бывает неизбежно необходимо употребление насилия против некоторых для блага многих, то, как ни желательна любовь людей между собою, насилие все-таки необходимо. Отличие оправдания насилия лженаукой от оправдания лжерелигией состоит только в том, что на вопрос о том, почему те, а не другие люди имеют право определять, кто именно те люди, против которых может и должно быть употреблено насилие, наука отвечает уже не то, что отвечала религия: что определения эти справедливы потому, что делаются лицами, имеющими сверхъестественную власть, а то, что определения эти представляют волю народа, которая будто бы при избирательном образе правления выражается во всех решениях и поступках людей, в данную минуту находящихся во власти.

Таковы научные оправдания насилий. Оправдания эти не только неосновательны, но прямо нелепы, но они так нужны людям, занимающим привилегированное положение, что они слепо верят в них, как прежде верили в бессеменное зачатие, и так же уверенно распространяют эту веру.

Несчастное же, задавленное трудом большинство так ослеплено той важностью, с которой передаются ему эти «научные истины», что, находясь под этим новым внушением, принимают, так же, как прежде принимали лжерелигиозные оправдания, все эти научные глупости за священную истину и продолжают рабски подчиняться своим новым, столь же жестоким, только несколько увеличившимся по численности властителям.

V.

Кто я? Я то, чего ты искал с тех пор, как твой детский взгляд с удивлением смотрел на мир, пределы которого скрывают от тебя истинную жизнь. Я то, о чем ты молил в своем сердце, чего ты требовал, как право своего рождения, хотя и не знал, что это такое. Я то, что лежало в твоём сердце веками, тысячелетиями. Иногда я лежало в тебе с печалью о том, что ты не узнаешь меня. Иногда я поднимало голову, открывало глаза и простирало руки, призывая тебя, то тихо, то громко требуя от тебя, чтобы ты возмутился против тех железных цепей земли, которые притягивали тебя к праху.

Кришна

Так это происходило и происходит в христианском мире. Можно было надеяться, что в огромном брамино-буддийском, конфуцианском мире новое научное суеверие это не будет иметь места, и китайцы, японцы, индусы, поняв ложь религиозных обманов, оправдывающих насилие, прямо перейдут к сознанию свойственного человечеству за-

кона любви, так сильно провозглашенного великими учителями Востока, но оказывается, что научное суеверие, заменившее религиозное, захватило и захватывает все больше и больше восточные народы. Оно захватило уже с особенной силой и страну крайнего востока, Японию, и, кажется, уже не одних руководителей, но и большинство этого народа, готовя ему величайшие бедствия; захватило и 400-миллионный Китай и вашу 200-миллионную Индию, или, по крайней мере, большинство людей, считающих себя, так же как и вы, руководителями этих народов.

Вы в своем журнале, как основной принцип, долженствующий руководить деятельностью вашего народа, ставите эпитафией такую мысль: Resistance to aggression is not simply justifiable, but imperative; not resistance hurts both Altruism and Egoism (Противодействие нападению не только справедливо, но и обязательно: непротивление вредит одинаково и альтруизму и эгоизму).

Любовь есть единственное средство спасения людей от всех претерпеваемых ими бедствий. В данном случае единственное средство освобождения вашего народа от порабощения только в любви. Любовь, как религиозная основа жизни людей, с особенной силой и ясностью была еще в далекой древности провозглашена в вашем народе. Любовь при допущении противления злу насилем есть внутреннее противоречие, так что теряет всякий смысл и значение. И что же? В 20-м веке вы, член одного из самых религиозных народов, с легким сердцем и уверенностью в своем научном просвещении и потому несомненной правоте отрицаете этот закон, повторяя ту — простите меня — поразительную глупость, которую внушили вам защитники насилия, враги истины, сначала служители богословия, потом науки, ваши европейские учителя.

Вы говорите, что англичане поработили и держат в порабощении индусов потому, что индусы недостаточно противились и противятся насилению силою.

Но ведь это совершенно наоборот. Если англичане поработили индусов, то только потому, что индусы признавали и признают главными, основными принципами своего общественного устройства насилие. Во имя этого принципа подчинялись своим царькам, во имя его боролись между собой, боролись с европейцами, с англичанами и теперь стараются бороться с ними.

Торговая компания поработила 200-миллионный народ. Скажите это человеку, свободному от суеверия, он не поймет, что значат эти слова. Что значит то, что 30 тысяч людей, не силачей, даже скорее слабых и дурных людей, поработили 200 миллионов живых, умных, сильных, любящих свободу людей? Разве не ясно по одним цифрам, что

не англичане, а сами индусы поработили себя. Индусам жаловаться на то, что англичане поработили их, все равно, что людям, предающимся пьянству, жаловаться на то, что поселившиеся среди них продавцы вина поработили их. Вы говорите им, что они могут не пить, но они отвечают вам, что они так привыкли, что не могут воздержаться, что им стало необходимо поддерживать свою энергию вином. Разве не то же самое со всеми людьми, с миллионами людей, покоряющихся тысячам, сотням людей своих или чужих народов.

Если индусы поработены насилеи, то только оттого, что они сами жили насилеи, живут насилеи и не признают вечного, свойственного человечеству закона любви.

«Жалок и невежествен тот человек, который ищет того, что он имеет, но не знает, что имеет его. Да, жалок и невежествен человек, который не знает блага той любви, которая окружает его, которую я дал ему» (Кришна).

Только живи человек согласно с свойственным его сердцу и открытым уже ему законом любви, включающей в себя непротивление, и потому естественно не участвуя в каком бы то ни было насилии, и не только сотни не поработят миллионы, но миллионы не поработят одного. Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас.

VI.

О вы, сидящие в заключениях и страдающие о свободе и ищущие ее, ищите только любви. Любовь есть мир в самом себе, и мир, дающий полное удовлетворение. Я — тот ключ, который открывает дверь в ту редко открываемую страну, в которой одной живет довольство.

Кришна

С человечеством нашего времени, одинаково с восточным, как и с западным, совершается то же, что совершается с каждым отдельным человеком, когда он, переходя от одного возраста в другой (ребенок в юношу, юноша в мужа), теряет прежнее руководство в жизни и, не уяснив себе еще нового, свойственного его возрасту, живет без всякого руководства и придумывает, какие может, суеты, заботы, развлечения, раздражения, одурманивания, которые бы скрыли от него бедственность и бессмысленность его жизни. Такое состояние может продолжаться долго.

Но как при переходе одного человека от одного возраста к другому неизбежно должно наступить время, когда жизнь не может уже продолжаться по-прежнему, в бессмысленной суете и раздражении,

и человек должен понять, что если прежнее руководство жизни уже несвойственно ему, то это не значит то, что ему надо жить без всякого разумного руководства в жизни, а только то, что надо постараться уяснить себе то понимание жизни, которое свойственно его возрасту, и, уяснив его, руководствоваться им в своем новом возрасте. Точно такие же времена должны наступать и для движущегося и изменяющегося человечества.

И я думаю, что время такого перехода человечества от одного возраста к другому наступило теперь, и теперь не в том смысле, что оно наступило именно в 1908 году, а в том, что то внутреннее противоречие жизни людей: сознания благодетельности закона любви и устройства жизни на противном закону любви насилии, вызвавшее бессмысленную, раздраженную, суетливую и страдальческую жизнь человечества, продолжавшееся столетия, в наше время дошло до того напряжения, при котором оно не может уже более продолжаться и неизбежно должно разрешиться, и разрешиться, очевидно, не в пользу отжившего свое время закона насилия, а в пользу с самых древних времен уже создаваемой всем человечеством истины о том, что закон жизни людей есть закон любви.

Признание же этой истины во всем ее значении возможно для людей только тогда, когда они вполне освободятся от всех, как религиозных, так и научных, суеверий и вытекающих из них лжетолкнований, извращений и нагромождений, посредством которых столько веков она скрывалась от человечества.

Для того, чтобы спасти тонущий корабль, надо выбросить из него тот балласт, который если и был, может быть, когда-нибудь нужен, теперь губит его. То же и с религиозными и научными суевериями, скрывающими от людей спасительную для них истину. Для того, чтобы люди могли воспринять истину уже не так смутно, как она представлялась им в период их детства, и не так односторонне и превратно, как она истолковывалась для них религиозными и научными учителями, а так, чтобы она стала высшим законом жизни людей, для этого нужно полное освобождение этой истины от всех, всех тех суеверий, как лжерелигиозных, так и лженаучных, которые теперь скрывают ее, освобождение не частичное, робкое, считающееся с священным древностью преданием, с привычками народа, такое, какое в области религиозной сделано у вас Гуру Нанака, основателем религии сейков, а в христианстве Лютером и такими же реформаторами в других религиях, а полное освобождение религиозной истины от всех, как древних религиозных, так и новых научных, суеверий.

Только освободи себя люди от верования в разных ормуздов, брам, Саваофов, в воплощения их в кришнах и Христах, от верований в рай

и ад, ангелов и демонов, от перевоплощений и воскресений, от вмешательства бога во внешнюю земную жизнь; освободи себя, главное, от признания непогрешимости разных вед, библий, евангелий, трипитак, коранов и т. п.; освободи себя люди точно так же и от слепого верования в разные научные учения о бесконечно малых атомах, молекулах, о разных бесконечно великих и бесконечно удаленных мирах, их движениях и происхождении их, силах, от слепой веры в несомненность разных научных мнимых законов, которым будто бы подчинено человечество, — законов исторических, экономических, законов борьбы и переживания и т. п.; освободи себя только люди от этого страшного нагромождения праздных упражнений низших способностей ума и памяти, называемых науками, от всех этих бесчисленных отделов разных историй, антропологии, гомилетик, бактериологии, юриспруденции, космографии, стратегий, им же имя легион, — только освободись люди от этого губительного, одуряющего их балласта, и тот простой, ясный, доступный всем и разрешающий все вопросы и недоумения закон любви, который так свойствен человечеству, станет сам собой ясным и обязательным.

VII.

Дети, смотрите на цветы под вашими ногами, не топчите их. Смотрите на любовь между вами, не отвергайте ее.

Кришна

Есть один высший разум, превосходящий все человеческие умы. Он далек и близок. Он проникает все миры и вместе с тем до бесконечности выше их.

Человек, который видит, что все вещи содержатся в высшем духе и что высший дух проникает все существа, не может относиться с презрением ни к какому существу.

Для того, для кого все духовные существа одинаковы с высшим, не может быть места для обмана и для печали. Те, кто невежественны, преданы одним обрядам религии, находятся в густом мраке, но те, кто преданы только бесплодным размышлениям, находятся вещи большей темноте.

Упанишады из Вед

Да, в наше время людям для избавления себя от наносимых ими самим себе, дошедших до высшей степени бедствий: индусу ли, ищущему своего освобождения от английского порабощения, или какому бы то ни было человеку в борьбе его с насильниками, будут ли эти насильники люди своего или чужого народа, в борьбе или негра с североамериканцами, или персиянина, русского, турка со своим персидским,

русским, турецким правительством, как и вообще для каждого человека, ищущего наибольшего блага как для себя, так и для всех людей, нужны не новые объяснения и оправдания старых религиозных суеверий, как это делали у вас Вивеканан-ды, Баба-Барати и другие, и у нас, в христианстве, бесчисленное количество таких же новых толкователей и разъяснителей того, что никому ни на что не нужно; и не бесчисленные науки о предметах не только никому не нужных, но большею частью вредных (в духовной области не бывает безразличного, а то, что не полезно, всегда вредно). Нужны как индусу, так и англичанину, и французу, и немцу, и русскому не конституции, не революции, не какие-либо конференции, не конгрессы, не новые хитрые изобретения подводного плавания, воздушного летания, могущественных взрывов или различного рода удобств для удовольствия богатых, властвующих классов, не новые училища, университеты с преподаванием бесчисленных наук, не увеличение газет и книг, и граммофонов, и кинематографов, не те ребяческие, большею частью развратные глупости, которые называются искусствами, а нужно только одно: знание той простой, ясной, укладывающейся в душе каждого человека, не одуренного религиозными и научными суевериями, истины о том, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающий высшее благо как отдельному человеку, так и всему человечеству. Только освободись люди в сознании своем от тех гор чепухи, которые скрывают теперь от них истину, и та, несомненно вечная, всегда свойственная всем людям истина, которая одна и та же во всех великих религиях мира, сама собой выделится из всей той лжерелигиозной чепухи, которая теперь скрывает ее. А выделится эта истина так, что войдет в сознание людей, и сама собой исчезнет вся та чепуха, которая скрывает ее, и вместе с ней и то зло, от которого теперь страдает человечество.

«Дети, взгляните вверх своими ослепленными глазами, и мир, полный радости и любви, откроется вам, разумный мир, сделанный моей мудростью, один мир действительный. Тогда вы узнаете, что любовь сделала с вами, чем наградила вас любовь и чего она от вас хочет» (Кришна).

14 декабря 1908

МАХАТМА ГАНДИ ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ КНИГИ «МОЯ ЖИЗНЬ»

ЗАКОНОПРОЕКТ РОУЛЕТТА И МОЯ ДИЛЕММА

Врачи и друзья уверили меня, что перемена места быстро восстановит мои силы. Шанкарлал Банкер, взявший на себя заботу о моем здоровье, убедил меня посоветоваться с д-ром Далалом, и тот сказал:

– Берусь восстановить ваше здоровье, если только вы будете пить молоко. Если, кроме того, вы согласитесь на инъекции мышьяка и железа, гарантирую вам обновление всего организма.

– Можете делать мне инъекции, – ответил я, – но молоко – другой вопрос. Я дал обет не пить молока.

Я рассказал ему всю историю и сообщил о причинах, побудивших меня дать этот обет. Я сказал, что с тех пор как узнал, что коровы и буйволы подвергаются процессу пхунка*, у меня появилось сильное отвращение к молоку. Более того, я всегда считал, что молоко не является естественной пищей для человека. Поэтому я совершенно отказался от молока. Кастурба**, стоявшая у моей постели, слышала весь разговор.

– Но тогда у тебя не может быть никаких возражений против козьего молока, – вмешалась она.

* Пхунка – опрыскивание вымени коровы специальным составом, чтобы увеличить. надой молока.

** Ганди, Кастурба (1869–1944) – супруга Махатмы Ганди.

Доктор ухватился за эту мысль.

– Если вы согласитесь пить козье молоко, этого будет достаточно, – сказал он.

Я сдался. Огромное желание принять непосредственное участие в сатьяграхе* породило жажду жизни, и потому я удовлетворился приверженностью букве своего обета, пожертвовав его духом. Дав клятву не пить молока, я имел в виду лишь молоко коровы и буйволицы, но ведь мой обет естественно относился и к молоку всех других животных. Неправильно было пить молоко еще и потому, что я не считал его естественной пищей для человека. И, несмотря на все, я стал пить козье молоко. Жажда жизни оказалась сильнее приверженности истине, и последователь истины изменил своему идеалу из желания принять участие в сатьяграхе. До сих пор меня мучает совесть при воспоминании об этом. Я постоянно размышляю над тем, как отказаться от козьего молока. Но не могу освободиться от самого сильного искушения своей жизни – служить людям.

Мои опыты в области питания дороги мне и как часть моих поисков ахимсы**. Они дают мне радость и силу. Но в настоящее время тот факт, что я пью козье молоко, волнует меня не столько с точки зрения соблюдения ахимсы в пище, сколько с точки зрения верности истине, так как это нарушение клятвы. Мне кажется, что я понял идеал истины лучше, чем идеал ахимсы; опыт мне подсказывает, что, если я позволю себе действовать вопреки истине, я никогда не смогу разрешить загадку ахимсы. Идеал истины требует, чтобы соблюдался как дух, так и буква обетов. В данном случае я убил дух – душу своего обета – тем, что стал следовать только внешней форме его, и это тревожит меня.

<...> Не успев еще окончательно поправиться, я случайно прочел в газетах только что опубликованный отчет комиссии Роулетта***. Я был просто ошеломлен его рекомендациями. Шанкарлал Банкер и Умар Собани посоветовали мне немедленно начать действовать. Приблизительно

* Сатьяграха – (санскр., «стремление к истине», «упорство в истине») в Индии в период английского колониального господства тактика ненасильственной борьбы за независимость в двух формах: несотрудничества и гражданского неповиновения.

** Ахимса (санскр.) – поведение и образ действий, при которых первым требованием является нанесение вреда – ненасилие. А. определяется как поведение, ведущее к уменьшению зла в мире, поведение, направленное против самого зла, а не против людей его творящих (отсутствие ненависти).

А., непричинение вреда, состоит в неубиении, ненасилии, непричинении вреда всему живому (людям, животным, растениям) никогда и никаким образом – ни мыслью, ни словом, ни делом.

*** Отчет комиссии под председательством английского судьи С. Роулетта об антиправительственной деятельности в Индии, выводы и предложения отчета заключались в усилении репрессий против борцов за освобождение Индии, они легли в основу специального законодательного акта, известного как «закон Роулетта».

тельно через месяц я поехал в Ахмадабад. Там я поделился своими соображениями с Валлабхаи, который навещал меня почти каждый день.

– Нужно что-то предпринять, – сказал я ему.

– Но что можно сделать при подобных обстоятельствах? – спросил он.

– Надо найти хотя бы горстку людей, которые согласятся подписать протест, и если, вопреки этому протесту, предложенное мероприятие войдет в силу как закон, мы тотчас начнем сатьяграху, – ответил я. – Если бы я чувствовал себя лучше, то начал бы борьбу против этого закона один, надеясь, что другие последуют моему примеру. Однако при теперешнем моем состоянии задача эта мне не по силам.

В результате этого разговора решено было созвать близких мне лиц на небольшое совещание. Предложения комиссии Роулетта казались мне не соответствующими содержанию опубликованного ею отчета и носили такой характер, что ни один уважающий себя народ не мог их принять.

Собрались на совещание в ашраме*. Было приглашено не более двадцати человек. Среди присутствовавших кроме Валлабхаи, помнится, находились шримати Сароджини Найдю, м-р Горниман, ныне покойный м-р Умар Собани, адвокат Шанкарлал Банкер и шримати Ана-суябехн. На совещании было принято решение начать сатьяграху. Под решением, насколько помню, подписались все присутствующие. В то время я еще не издавал никакой газеты, но иногда излагал свою точку зрения в печати. Так поступил я и теперь. Шанкарлал Банкер всей душой отдался агитационной работе, и я узнал о его удивительной работоспособности и организаторском таланте.

Я не надеялся, что какая-нибудь из общественных организаций воспользуется таким новым оружием, как сатьяграха; поэтому по моему настоянию была создан комитет «Сатьяграха сабха». Ее штаб-квартира находилась в Бомбее, так как здесь проживало большинство ее членов. Через некоторое время стали толпами приходиться сочувствующие. Они давали клятву верности сатьяграхе. «Сабха» начала выпускать бюллетени, повсюду устраивались митинги, что во многом напоминало кампанию в Кхеде.

Председателем «Сатьяграха сабха» был я. Однако вскоре я понял, что у меня мало шансов достичь соглашения с представителями интеллигенции, вошедшими в «Сабху». Я настаивал на своих особых методах работы и на том, чтобы средством языка общения в «Сабхе» был язык гуджарати, а их это приводило в недоумение и доставляло немало бес-

* Ашрам (санскр.) – обитель мудрецов и отшельников в древней Индии, которая обычно располагалась в отдаленной местности – в горах или в лесу, место для медитации, молитвы, совершения ритуала и духовного обновления.

покойства. Должен все же признать, что большинство весьма великодушно мирилось с моими чудачествами.

С самого начала, однако, мне было ясно, что «Сабха» недолговечна. Я чувствовал, что моя любовь к истине и стремление к ахимсе многим членам организации не нравились. Тем не менее, первое время работа шла полным ходом и движение развивалось быстрыми темпами.

ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

В то время как агитация против отчета комиссии Роуллетта принимала все более широкий размах, правительство, со своей стороны, твердо решило провести предложения комиссии в жизнь. Законопроект Роуллетта был опубликован. Всего раз в жизни я присутствовал на заседании индийской законодательной палаты – как раз при обсуждении этого законопроекта. Шастриджи произнес пылкую речь, в которой торжественно предостерегал правительство. Казалось, вице-король слушал как зачарованный, не спуская с него глаз, когда тот извергал горячий поток своего красноречия. На мгновение мне показалось, что вице-король даже тронут его речью: столько было в ней искренности и живого чувства.

Но разбудить человека можно только тогда, когда он действительно спит; если же он только притворяется спящим, все попытки напрасны. Примерно такой была позиция правительства. Оно стремилось только проделать комедию юридических формальностей. Решение уже было принято. Поэтому торжественное предостережение Шастриджи совершенно не подействовало на правительство.

При подобных обстоятельствах мое выступление тоже было бы лишь гласом вопиющего в пустыне. Я со всей искренностью обращался к вице-королю. Я писал ему частные и открытые письма, в которых ясно заявлял, что правительство своим поведением вынуждает меня прибегнуть к сатьяграхе. Но все было напрасно.

Новый закон еще не был опубликован. Я получил приглашение приехать в Мадрас, и хотя чувствовал себя все еще очень слабым, отважился на длительное путешествие. В то время я еще не мог выступать с речами на митингах. Здоровье было сильно подорвано, и в течение долгого времени при попытке говорить стоя у меня начиналась дрожь и сильное сердцебиение.

На юге я всегда чувствовал себя как дома. Благодаря работе в Южной Африке, мне казалось, что я имею какие-то особые права на телугу и тамилы, и эти славные народы юга никогда не обманывали моих ожиданий. Приглашение пришло за подписью ныне покойного адвоката Кастури Ранга Айенгара. Но, как я узнал уже на пути в Мадрас, инициатором приглашения был Раджагопалачария. Можно сказать,

что это было мое первое знакомство с ним. Во всяком случае, мы впервые встретились лично.

<...> Ежедневно мы обсуждали с ним планы предстоящей борьбы, но тогда не приходило в голову ничего, кроме организации митингов. Никакой другой программы не было. Я прекрасно понимал, что и сам не знаю, в какую форму должно вылиться гражданское неповиновение против билля Роулетта, если он все же получит силу закона. Ведь неповиновение этому закону будет возможно только в том случае, если правительство своими действиями создаст подходящую обстановку. Если же этого не случится, имеем ли мы право оказать гражданское неповиновение другим законам? Если да, то в каких пределах? Эти и множество подобных вопросов являлись предметом нашего обсуждения.

Кастури Ранга Айенгар созвал небольшое совещание лидеров. Среди них особенно выделялся адвокат Виджаярагхавачария. Он предложил поручить мне составить исчерпывающее, детальное руководство по сатьяграхе. Я считал, что это мне не по силам, и откровенно признался в этом.

Пока мы размышляли и спорили, билль Роулетта был опубликован, т. е. стал законом. В ту ночь я долго думал над этим вопросом, пока наконец не заснул. Утром я проснулся раньше обычного. Я все еще пребывал в сумеречном состоянии полубодствования-полусна, когда меня внезапно осенила идея – это было как сон. Я поспешил утром же рассказать обо всем Раджагопалачария:

– Ночью во сне мне пришла в голову мысль, что мы должны призвать страну к всеобщему харталу*. Сатьяграха представляет собой процесс самоочищения, борьба наша – священна, и я считаю, что нужно начать борьбу с акта самоочищения. Пусть все население Индии оставит на один день свои занятия и превратит его в день молитвы и поста. Мусульмане не постятся больше суток, поэтому пост должен длиться двадцать четыре часа. Трудно сказать, получит ли наш призыв отклик во всех провинциях, но за Бомбей, Мадрас, Бихар и Синд я ручаюсь. И будет хорошо, даже если только эти провинции как следует проведут хартал.

Мое предложение захватило Раджагопалачария. Остальные друзья также приветствовали его, когда им рассказали о нем. Я набросал краткое воззвание. Хартал был вначале назначен на 30 марта 1919 года, а затем перенесен на 6 апреля. Население было лишь кратко оповеще-

* Хартал (хинди, буквально – закрытие лавок), в Индии прекращение всякой деловой активности в знак протеста против чего-либо. В условиях национально-освободительного движения в Индии приобрело значение всеобщей забастовки. В Х. участвовали рабочие, средние слои города, торговцы, студенты, школьники. Хартал включает в себя также проведение митингов и демонстраций протеста.

но о хартале. Вряд ли было возможно широко осведомить население: времени у нас было в обрез.

Кто может сказать, как все это произошло? Вся Индия от края до края, все города и села – все провели в назначенный день полный хартал. Это было великолепное зрелище!

НЕЗАБЫВАЕМАЯ НЕДЕЛЯ

Совершив небольшое путешествие по Южной Индии, я, если не ошибаюсь, 4 апреля прибыл в Бомбей, куда Шанкарлал Банкер настоятельно просил меня приехать для участия в проведении дня 6 апреля.

В Дели хартал начался уже 30 марта. Там было законом слово покойного ныне свами Шраддхананджи и Хакима Аджмала Хана Сахиба. Телеграмма относительно переноса хартала на 6 апреля пришла в столицу слишком поздно. В Дели еще не видели подобного хартала. Индусы и мусульмане сплотились как единая семья. Свами Шраддхананджи был приглашен произнести речь в Джамии Масджиде, что он и сделал. Власти, конечно, не могли примириться со всем происходящим. Полиция преградила путь процессии хартала, направлявшейся к железнодорожной станции, и открыла по ней огонь. Были раненые и убитые. По Дели прокатилась волна репрессий. Шраддхананджи вызвал меня туда. Я ответил, что выеду тотчас после проведения хартала в Бомбее 6 апреля.

События, подобные делийским, произошли также в Лахоре и Амритсаре. Из Амритсара д-р Сатьяпал и д-р Китчлу прислали мне настоятельное приглашение приехать туда. В то время я их совершенно не знал, однако ответил, что приеду в Амритсар уже из Дели.

Утром 6 апреля жители Бомбея тысячными толпами направились в Чаупати, чтобы совершить омовение в море, и затем огромной процессией продолжили свой путь в Тхакурдвар. В процессии приняли участие женщины и дети. Большими группами присоединялись мусульмане. Из Тхакурдвара мусульманские друзья пригласили нас в мечеть, где убедили м-с Найду и меня произнести речи. Адвокат Витхалдас Джераджани настаивал, чтобы мы тут же предложили народу дать клятву о свадеши* и об индусско-мусульманском единстве, но я запротестовал, заявив, что подобные клятвы не дают в спешке. Мы должны довольствоваться тем, что уже сделано народом. Если клятва дана, ее нельзя нарушить. Поэтому необходимо, чтобы все как следует поняли значение клятвы о свадеши и полностью учли бы ту огромную ответственность, которую налагает клятва об индусско-мусульманском

* Свадеши – от бенг. хинди «самостоятельность». Стратегия свадеши заключалась в бойкотировании британских товаров и возрождении их домашнего производства, эмблемой движения свадеши в Индии была прялка.

единстве. Я предложил, чтобы желающие дать такую клятву собрались на другой день утром.

Нужно ли говорить, что хартал в Бомбее увенчался полным успехом. Подготовившая кампанию гражданского неповиновения, мы обсудили два-три вопроса. Было решено, что гражданское неповиновение коснется только тех законов, которые массы сами склонны нарушать. Так, в высшей степени непопулярен был соляной налог, и совсем недавно проходило движение за его отмену. Я предложил, чтобы население, игнорируя закон о соляной монополии, само выпаривало соль из морской воды домашним способом. Второе мое предложение касалось продажи запрещенной литературы. Для этого пригодились только что запрещенные мои книги «Хинд сварадж» и «Сарвадайя» (пересказ книги Раскина «Последнему, что и первому» на гуджарати). Отпечатать их и открыто продавать было самым простым актом гражданского неповиновения. Было отпечатано достаточное число экземпляров и приготовлено для распродажи на грандиозном митинге 6 апреля вечером, после окончания хартала.

Вечером 6 апреля целая армия добровольцев взялась за распродажу запрещенных книг. С этой целью шримати Сароджини Деви и я поехали на автомобиле. Книги были распроданы быстро. Вырученные деньги предполагалось передать на поддержку кампании гражданского неповиновения. Ни один человек не купил книгу за назначенную цену в четыре аны: каждый давал больше; иные отдавали за книжку все, что было в кармане. Сплошь и рядом давали пять и десять рупий, а один экземпляр я сам продал за пятьдесят рупий! Мы предупреждали покупателей, что их могут арестовать и посадить в тюрьму за покупку запрещенной литературы. Но в тот момент люди утратили всякий страх перед тюрьмой.

Но затем мы узнали, что правительство решило считать, что запрещенные им книги фактически не продавались, книги же, которые продавали мы, не относились к категории запрещенной литературы. Перепечатку правительство рассматривало как новое издание запрещенных книг, а продажа нового издания не являлась нарушением закона. Известие это вызвало всеобщее разочарование.

На следующее утро мы созвали митинг, чтобы принять резолюцию о свадеши и индуССко-мусульманском единстве. Тут Витхалдас Джераджани впервые понял, что не все то золото, что блестит. На митинг явилась лишь небольшая горсточка людей. Я отчетливо помню нескольких женщин, присутствовавших на этом собрании. Мужчин было тоже очень мало. Со мной был заранее составленный проект резолюции. Прежде чем прочитать его, я подробно разъяснил значение этой резолюции. Малочисленность присутствовавших не смутила и не удивила

меня. Я давно заметил пристрастие людей к активной деятельности и нелюбовь к спокойным конструктивным усилиям.

Но этому я посвящу отдельную главу. Теперь же продолжу свой рассказ. В ночь на 7 апреля я выехал в Дели и в Амритсар. По приезде в Матхуру 8 апреля до меня дошли слухи о возможном аресте. На следующей станции после Матхуры встречавший меня Ачарья Джидвани сказал мне вполне определенно, что я буду арестован, и предложил свои услуги. Я поблагодарил, обещав воспользоваться ими в случае необходимости.

Поезд был еще на пути к станции Палвал, когда мне вручили приказ о запрещении въезда в Пенджаб на том основании, что мое присутствие в этой провинции может вызвать там беспорядки. Полиция предложила мне немедленно сойти с поезда. Я отказался сделать это, заявив:

– Я еду в Пенджаб по настоятельной просьбе, причем не для того, чтобы вызвать беспорядки, а наоборот, прекратить их. Поэтому подчиниться вашему приказу я, к сожалению, не могу.

Наконец поезд прибыл в Палвал. Меня сопровождал Махадев. Я предложил ему поехать в Дели с тем, чтобы предупредить о случившемся свами Шраддхананджи и обратиться к народу с просьбой сохранять спокойствие. Он должен был разъяснить, почему я решил не подчиниться приказу и пострадать за свое неповиновение, а также почему полнейшее спокойствие в ответ на любое наложенное на меня наказание будет залогом нашей победы.

В Палвале меня высадили из поезда и взяли под стражу. Вскоре прибыл поезд из Дели. Меня в сопровождении полицейского посадили в вагон третьего класса. В Матхуре меня высадили и поместили в полицейские казармы, причем никто из полицейских не мог сказать, что со мной будет дальше и куда меня повезут. В 4 часа утра меня разбудили и посадили в товарный поезд, направлявшийся в Бомбей. Днем меня заставили сойти в Савай-Мадхопуре. Я поступил в распоряжение инспектора полиции м-ра Боуринга, который прибыл почтовым поездом из Лахора. Меня посадили вместе с ним в вагон первого класса. Из обыкновенного арестанта теперь я превратился в арестанта-«джентльмена». Инспектор начал с длинного панегирика сэру Майклу О'Двайеру. Сэр Майкл, дескать, против меня лично ничего не имеет: он только боится, что мой приезд в Пенджаб вызовет там беспорядки и т. д. В заключение он предложил мне добровольно вернуться в Бомбей и дать обещание не переступать границу Пенджаба. Я ответил, что, по всей вероятности, не смогу выполнить этот приказ и вовсе не намерен возвращаться добровольно.

Видя, что со мной сделать ничего нельзя, инспектор заявил, что в таком случае ему придется действовать согласно закону.

– Что же вы со мной собираетесь делать? – спросил я.

Он ответил, что пока еще не знает, но ждет дальнейших распоряжений.

– Пока что, – сказал он, – я везу вас в Бомбей.

Мы прибыли в Сурат. Здесь меня сдали другому полицейскому офицеру.

– Вы свободны, – сказал он мне, когда мы подъезжали к Бомбею, – но было бы лучше, если бы вы вышли у Мерин-Лайнс, я остановлю там для вас поезд. В Колабе может оказаться слишком много народу.

Я ответил, что рад исполнить его желание. Ему это понравилось, и он поблагодарил меня. Я вышел у Мерин-Лайнс. Как раз в тот момент проезжал в своей коляске один мой приятель. Он посадил меня к себе и довез до дома Реваншанкара Джхавери. Друг рассказал, что слухи о моем аресте очень взбудоражили народ, привели его в неистовство.

– Ожидают, что с минуты на минуту вспыхнет восстание в районе Пайдхуни. Судья и полиция уже там, – добавил он.

Не успел я прибыть на место, как ко мне явились Умар Собани и Ана-суюбехн и предложили поехать тотчас же на автомобиле в Пайдхуни.

– Народ так возбужден, что мы не в состоянии умиротворить его, – говорили они. – Подействовать может лишь ваше присутствие.

Я сел в автомобиль. Около Пайдхуни собралась огромная толпа. Увидев меня, люди буквально обезумели от радости. Мгновенно организовалась процессия. Раздавались крики «Банде Матарам»* и «Аллах-и-акбар»**. В Пайдхуни мы столкнулись с отрядом конной полиции. Из толпы полетели обломки кирпичей. Я убеждал толпу сохранять спокойствие, но, казалось, град кирпичей неиссякаем. С улицы Абдур Рахмана процессия направилась к Кроуфорд Маркет, где столкнулась с новым отрядом конной полиции, преградившей ей дорогу к Форту. Толпа сжалась и почти что прорвалась через полицейский кордон. Поднялся такой шум, что моего голоса совершенно не стало слышно. Начальник конной полиции отдал приказ рассеять толпу. Конные полицейские, размахивая пиками, бросились на людей. В какой-то момент мне показалось, что я пострадаю. Но мои опасения были напрасны. Уланы пронесли мимо, только грохнув пиками по автомобилю. Вскоре ряды процессии смешались, возник полнейший беспорядок. Народ обратился в бегство. Некоторые были сбиты с ног и раздавлены, другие сильно изувечены. Выбраться из бурлящего скопления человеческих тел было невозможно. Уланы, не глядя, пробивались через толпу. Не ду-

* «Банде Матарам!» – «Привет тебе, Родина-мать!» – Начальные слова гимна бенгальского поэта Б. Ч. Чаттерджи (1838-1894).

** «Аллах-и-акбар!» («Велик Аллах!») – восклицание, принятое у мусульман.

маю, чтобы они отдавали себе отчет в своих действиях. Зрелище было страшное. Пешие и конные смешались в диком беспорядке.

Так толпа была рассеяна, и дальнейшее шествие приостановлено. Наш автомобиль получил разрешение двинуться дальше. Я остановился перед резиденцией комиссара и направился к нему, чтобы пожаловаться на полицию.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ НЕДЕЛЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Итак, я отправился к комиссару м-ру Гриффиту. Лестница, ведущая в кабинет, была запружена солдатами, вооруженными с ног до головы словно для военных действий. На веранде царило возбуждение. Когда я вошел в кабинет комиссара, я увидел м-ра Боуринга, сидевшего рядом с м-ром Гриффитом.

Я рассказал комиссару о сценах, свидетелем которых был. Он резко ответил:

– Я не хотел допустить толпу к Форту – беспорядки были бы тогда неизбежны. Увидев, что толпа не поддается никаким увещаниям, я вынужден был отдать приказ конной полиции рассеять толпу.

– Но, – возразил я, – вы ведь знали, каковы будут последствия. Лошади буквально топтали людей. Я считаю, что не было никакой необходимости высылать так много конных полицейских.

– Не вам судить об этом, – сказал комиссар. – Мы, полицейские офицеры, хорошо знаем, какое влияние на народ имеет ваше учение. И если бы мы вовремя не приняли жестких мер, мы не были бы господами положения. Уверяю вас, что вам не удастся удержать народ под своим контролем. Он очень быстро усвоит вашу проповедь неповиновения законам, но не поймет необходимости сохранять спокойствие. Лично я не сомневаюсь в ваших намерениях, но народ вас не поймет. Он будет следовать своим инстинктам.

– В этом я не согласен с вами, – сказал я. – Наш народ по природе противник насилия, он миролюбив.

Так мы спорили довольно долго. Наконец, м-р Гриффит спросил:

– Предположим, вы убедитесь, что народ не понимает вашего учения, что вы тогда станете делать?

– Если бы я в этом убедился, я бы приостановил гражданское неповиновение, – ответил я.

– Что же вы хотите этим сказать? Вы сказали м-ру Боурингу, что поедете в Пенджаб, как только вас освободят.

– Да, я хотел отправиться туда следующим же поездом. Но сегодня об этом не может быть и речи.

– Подождите еще немного и вы убедитесь, что народ не понимает ваше учение. Знаете ли вы, что делается в Ахмадабаде? А что было

в Амритсаре? Народ буквально обезумел. Я еще не располагаю полной информацией. Телеграфные провода в некоторых местах перерезаны. Предупреждаю, что ответственность за эти беспорядки ложится на вас.

– Уверю вас, я охотно возьму на себя ответственность, если в этом будет необходимость. Я был бы очень огорчен и удивлен, если бы узнал, что в Ахмадабаде произошли беспорядки. Но за Амритсар я не отвечаю. Там я никогда не был, и ни один человек меня там не знает. Я вполне убежден, что если бы пенджабское правительство не препятствовало моему приезду в Пенджаб, мне удалось бы оказать значительную помощь в поддержании спокойствия в этой провинции. Задержав меня, правительство только спровоцировало население на волнения.

Так мы спорили и никак не могли договориться. Я заявил комиссару, что решил выступить на митинге в Чоупати с обращением к населению сохранять спокойствие. На этом мы распрощались.

Митинг состоялся на чоупатийских песках. Я говорил о необходимости ненасилия, об ограниченности сатьяграхи, заявив:

– Сатьяграха, в сущности, есть оружие верных истине. Сатьяграх клянется не прибегать к насилию, и до тех пор, пока народ не будет соблюдать это в мыслях, словах и поступках, я не могу объявить массовой сатьяграхи.

Анасуябехн также получила сведения о беспорядках в Ахмадабаде. Кто-то распространил слух, что и она арестована. Фабричные рабочие при этом известии буквально обезумели, бросили работу, совершили ряд насильственных актов и избили до смерти одного сержанта.

Я поехал в Ахмадабад. Я узнал, что была попытка разобрать рельсы около Надиада, что в Вирамгаме убит правительственный чиновник, а в Ахмадабаде объявлено военное положение. Люди были охвачены ужасом. Они позволили себе совершить насилие и с избытком расплачивались за это.

На вокзале меня встретил полицейский офицер и проводил к правительственному комиссару Пратту. Тот был в бешенстве. Я вежливо заговорил с ним, выразив при этом сожаление по поводу происшедших беспорядков. Я заявил, что в военном положении нет никакой необходимости, и выразил готовность приложить все силы для восстановления спокойствия. Я попросил разрешения созвать митинг на территории ашрама Сабармати. Ему понравилось мое предложение. Митинг состоялся в воскресенье 13 апреля, а военное положение было отменено то ли в тот же день, то ли на другой день. Выступая на митинге, я старался показать народу его неправоту и, наложив на себя знак покаяния, трехдневный пост, предложил всем также поститься один день, а виноватым в совершении насилия покаяться в своей вине.

Мои обязанности были мне совершенно ясны. Для меня было невыносимо думать, что рабочие, среди которых я провел так много времени, которым я служил и от которых ожидал лучшего, принимали участие в бунте. Я чувствовал, что должен полностью разделить их вину.

Предложив народу покаяться, я вместе с тем предложил правительству простить народу эти преступления. Но ни та, ни другая сторона моих предложений не приняла.

Ко мне явился ныне покойный сэр Раманбхай и несколько других граждан Ахмадабада с просьбой приостановить сатьяграху. Это было излишне, я и сам уже решил сделать это, пока народ не усвоит урока мира. Друзья мои ушли совершенно счастливые.

Но были и такие, которые по той же самой причине почувствовали себя несчастными. Они считали, что массовая сатьяграха никогда не осуществится, если я ставлю неперенным условием проведения сатьяграхи мирное поведение населения. К сожалению, я не мог согласиться с ними. Если даже те, среди которых я работал и которых считал вполне подготовленными к ненасилию и самопожертвованию не могли воздержаться от насилия, то ясно, что сатьяграха невозможна. Я был твердо убежден, что тот, кто хочет руководить народом в сатьяграхе, должен уметь удерживать его в границах ненасилия. Этого мнения я придерживаюсь и теперь.

«ОШИБКА ОГРОМНАЯ, КАК ГИМАЛАИ»

Почти сразу же после митинга в Ахмадабаде я уехал в Надиад. Там-то я впервые употребил выражение «Ошибка огромная, как Гималаи», которому суждено было стать крылатым. Еще в Ахмадабаде у меня было смутное чувство, что я сделал ошибку. Но когда в Надиаде я ознакомился с положением дел и узнал, что многие жители дистрикта Кхеда арестованы, то внезапно понял, что совершил серьезную ошибку, преждевременно, как мне казалось, призвав население Кхеды и других мест к гражданскому неповиновению. Все это я высказал публично на митинге. Мое признание навлекло на меня немало насмешек. Но я никогда не сожалел о своем признании, ибо всегда считал, что только тот, кто рассматривает свои собственные ошибки через увеличительное стекло, а ошибки других через уменьшительное, – способен постичь относительное значение того и другого. Я убежден и в том, что неукоснительное и добросовестное соблюдение этого правила обязательно для всякого, кто хочет быть сатьяграхом.

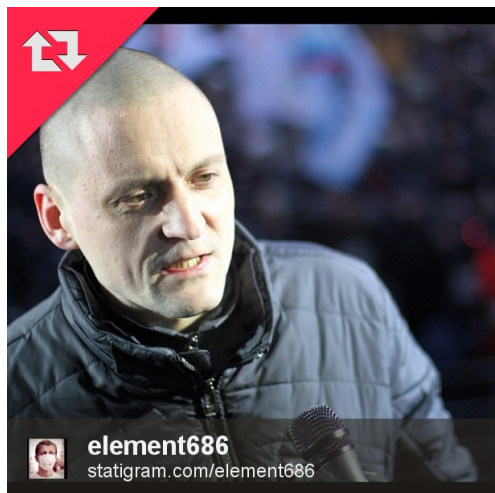
В чем же заключалась моя «огромная ошибка»? Чтобы стать способным к проведению на практике гражданского неповиновения, человек должен прежде всего пройти школу добровольного и почтительного повиновения законам страны. Ибо в большинстве случаев мы повиную-

емя законам только из боязни наказания за их нарушение. Особенно это верно в отношении законов, основанных не на нравственных принципах. Поясню это на примере. Честный, уважаемый человек не начнет вдруг воровать, независимо от того, имеется закон, карающий за кражу, или нет. Но этот же самый человек не будет чувствовать угрызений совести, если нарушит правило, запрещающее с наступлением темноты ездить на велосипеде без фонаря. Он вряд ли даже внимательно прислушается к совету соблюдать в этом отношении осторожность. Но любое обязательное предписание по этому поводу он будет соблюдать, чтобы за нарушение его избежать судебного преследования. Однако такое соблюдение законов не является добровольным, и не это требуется от сатьяграха. Сатьяграх повинуется законам сознательно и по доброй воле, потому что он считает это своим священным долгом. Только человек, неукоснительно выполняющий законы общества, в состоянии судить, какие из них хороши и справедливы, а какие дурны и несправедливы. И только тогда он получает право оказывать в отношении некоторых законов при определенных обстоятельствах гражданское неповиновение. Моя ошибка была в том, что я не учел всего этого. Я призвал народ начать гражданское неповиновение прежде, чем он был к нему подготовлен. И эта ошибка казалась мне величиной с Гималайские горы. По прибытии в Кхеду на меня нахлынули старые воспоминания в связи с сатьяграхой, и я удивлялся, как я мог упустить из виду столь очевидное обстоятельство. Я понял: чтобы быть готовым к проведению гражданского неповиновения, народ должен основательно постигнуть его глубочайший смысл. И потому-то я и считал, что прежде, чем вновь начинать гражданское неповиновение в массовом масштабе, нужно создать группу прекрасно обученных, чистых душой добровольцев, полностью усвоивших истинный смысл сатьяграхи. Они смогут разъяснить его народу и благодаря своей неослабной бдительности не дадут народу сбиться с правильного пути.

Я приехал в Бомбей, одолеваемый этими мыслями. Здесь с помощью «Сатьяграха сабха» я организовал отряд добровольцев-сатьяграхов и вместе с ними начал разъяснять народу значение и внутренний смысл сатьяграхи. Эта работа велась главным образом посредством распространения листовок, в которых давались соответствующие разъяснения.

В ходе работы мне пришлось убедиться, что очень трудно заинтересовать народ мирной стороной сатьяграхи. Добровольцев также оказалось немного. Записавшиеся же не желали учиться систематически, а в дальнейшем число новобранцев сатьяграхи не увеличивалось, а уменьшалось с каждым днем. Воспитание в духе гражданского неповиновения шло не так быстро, как я ожидал.

О ГРАЖДАНСКОМ НЕПОВИНОВЕНИИ

Я всецело согласен с утверждением: «Лучшее правительство то, которое правит как можно меньше,» – и хотел бы, чтобы оно осуществлялось быстрее и более систематически. Существенное, оно сводится в конце концов – и за это я тоже стою – к девизу: «Лучшее правительство то, которое не правит вовсе», а когда люди будут к этому готовы, то именно такие правительства у них и будут. Правительство является в лучшем случае всего лишь средством, но большинство правительств обычно – а иногда и все они – являются средствами недейственными. Возражения, приводившиеся против постоянной армии, а они могут быть многочисленны и вески и должны бы восторжествовать – могут быть выдвинуты также против правительства. Постоянная армия – это всего лишь рука постоянного правительства. Само правительство, являющееся формой, в которой народу угодно осуществлять свою волю, тоже ведь может быть обращено во зло, прежде, чем народ совершит через него то, что хочет...

Если говорить конкретно и как гражданин, а не как те, кто отрицает всякое правительство, я требую не немедленной отмены правительства, но его немедленного улучшения. Пусть каждый объявит, какое правительство он готов уважать, и это уже будет шагом к такому правительству.

Когда народ, получив в свои руки власть, передает ее большинству и долгое время позволяет ему править, это происходит не потому, что оно правит наиболее справедливо, и не потому, что это представляется всего справедливее по отношению меньшинства, но по той простой причине, что оно физически сильнее. Но правительство, где правит большинство, не может быть основано на справедливости даже в том ограниченном смысле, в каком ее понимают люди. Неужели невозможно такое правительство, где о правде и неправде судило бы не большинство, а совесть? Где большинство решало бы лишь те вопросы, к которым приложима мерка целесообразности? Неужели гражданин должен, хотя бы на миг или в малейшей степени, передавать свою совесть в руки законодателя? К чему тогда каждому человеку совесть? Я считаю, что мы должны быть сперва людьми, а потом уж подданными правительства. Желательно воспитывать уважение не столько к закону, сколько к справедливости. Единственная обязанность, какую я имею право на себя брать – это обязанность всегда поступать так, как мне кажется правильным... Закон никогда не делал людей сколько-нибудь справедливее; а из уважения к нему даже порядочные люди ежедневно становятся орудиями несправедливости...

Именно так служит государству большинство – не столько люди как люди, сколько в качестве машин, своими телами. Они составляют постоянную армию, милицию, тюремщиков, служат понятыми шерифу и т. п. В большинстве случаев им совершенно не приходится при этом применять рассудок или нравственное чувство: они низведены до уровня дерева, земли и камней; быть может, удастся смастерить деревянных людей, которые будут не менее пригодны. Такие вызывают не больше уважения, чем соломенные чучела или глиняные идолы. Они стоят не больше, чем лошади или собаки. Однако даже они считаются обычно за хороших граждан. Другие, как, например, большинство законодателей, политических деятелей, юристов, священников и чиновников, служат государству преимущественно мозгами; и так как они редко бывают способны видеть нравственные различия, то сами того не сознавая, могут служить как дьяволу, так и богу. Очень немногие – герои, патриоты, мученики, реформаторы в высоком смысле и настоящие люди – служат государству также и своей совестью, а потому чаще всего оказывают ему сопротивление, и оно обычно считает их за своих врагов...

Всякое голосование подобно игре, вроде шашек или триктрака, с некоторым моральным оттенком, игре с правдой и неправдой, с нравственными проблемами, и естественно, что делаются ставки. Репутация играющих на кон не ставится. Я, может быть, и голосую, как считаю справедливым, но не заинтересован кровно в том, чтобы спра-

ведливость победила. Я готов предоставить это решению большинства. Поэтому дело не идет дальше соображений целесообразности. Даже голосовать за справедливость еще не значит действовать за нее. Вы всего лишь тихо выражаете ваше желание, чтобы она победила. Мудрый не оставляет справедливость на волю случая и не хочет, чтобы она победила силою большинства. В действиях человеческих масс не много силы. Когда большинство проголосует наконец за отмену рабства, то потому, что оно безразлично к рабству, или потому, что останется очень мало рабства, подлежащего отмене. Тогда единственным рабом будет оно само. Приблизить уничтожение рабства может только тот голосующий, который утверждает этим собственную свободу. Человек не обязан непременно посвятить себя искоренению даже самого большого зла; он имеет право и на другие заботы; но долг велит ему хотя бы сторониться зла и если не думать о нем, то не оказывать поддержки. Если я предаюсь иным занятиям и размышлениям, мне надо хотя бы убедиться прежде, не предаюсь ли я им, сидя на чьей-либо спине. Я должен сперва слезть с нее, чтобы и тот, другой, мог предаться созерцанию. Смотрите, какова непоследовательность. Я слышал, как иные из моих земляков говорят: «Пушкай попробуют послать меня подавлять восстание рабов или в Мексику – так я и пойду!» – и, однако, каждый из этих людей прямо, своей поддержкой правительства, или, по крайней мере косвенно, своими деньгами, обеспечивает вместо себя заместителя. Хвалят солдата за отказ участвовать в несправедливой войне, а сами не отказываются поддерживать несправедливое правительство, которое эту войну ведет; хвалят того, кто бросает вызов их поведению и авторитету, как если бы штат настолько каялся в грехах, что нанял кого-то бичевать себя, но не настолько, чтобы хоть на миг перестать грешить. Вот так, под видом порядка и гражданского повиновения, всем нам приходится оказывать поддержку и уважение собственной подлости. Сперва грешник краснеет, потом становится равнодушен к своему греху, а безнравственность становится как бы безотносительной к нравственности и не бесполезной для той жизни, какую мы создали...

Как может человек иметь определенное мнение и на этом успокоиться? Можно ли успокоиться, если ваше мнение состоит в том, что вас обидели? Если сосед обманул вас на доллар, вы не довольствуетесь сознанием того, что обмануты, или заявлением об этом, или даже петициями о возвращении причитающейся вам суммы; вы сразу же предпринимаете практические шаги, чтобы получить ее сполна и не быть обманутым впредь. Поступок, продиктованный принципом, осознание справедливости и ее свершение изменяют вещи и отношения; он революционен по своей сути и не совместим вполне ни с чем, что было

до того. Он не только раскалывает государства и церкви, он разделяет семьи; более того: вносит раскол в отдельную душу, отмежевывая в ней дьявольское от божественного.

Несправедливые законы существуют; будем ли мы покорно им повиноваться, или попытаемся их изменить, продолжая пока что повиноваться им, или же нарушим их сразу? При таком правительстве, как наше, люди чаще всего считают, что следует ждать, пока не удастся убедить большинство изменить законы. Они полагают, что сопротивление было бы большим злом. Но если это действительно большее из двух зол, то виновато в этом само правительство. Именно оно делает его большим злом. Отчего оно неспособно идти навстречу реформам? Отчего не ценит разумное меньшинство? Зачем сопротивляется и кричит раньше, чем его ударили?

Отчего не поощряет в своих гражданах бдительность к своим недостаткам и более правильные поступки, чем те, на которые оно их толкает? Зачем оно всегда распинает Христа, отлучает Коперника и Лютера и объявляет мятежниками Вашингтона и Франклина?

По-видимому, обдуманное и подкрепленное действием непризнание его власти является единственным проступком, которого правительство не сумело предусмотреть; иначе почему за него не положено определенной и соразмерной кары? Если человек, не имеющий собственности, хоть однажды откажется заработать для правительства девять шиллингов, его заключат в тюрьму на срок, не ограниченный никаким известным мне законом и определяемый только по усмотрению лиц, которые его туда заключили; а если он украдет у государства девяносто раз по девяти шиллингов, его скоро выпускают на свободу.

Если несправедливость составляет неизбежную часть трения правительственной машины, то пусть себе вертится, пусть; авось трение мало-помалу уменьшится, и, уж конечно, износится машина. Если несправедливость зависит от какой-то одной пружины, или шкива, или троса, или рычага, быть может, придется задуматься, не будет ли исправление зла злом еще худшим; но если она такова, что требует от вас вершить несправедливость в отношении другого, тогда я скажу: такой закон надо нарушить. Пусть твоя жизнь станет тормозящей силой и остановит машину. Я, во всяком случае, должен позаботиться, чтобы не поддаться злу, которое я осуждаю.

Что касается средств исправления зла, предлагаемых государством, то мне такие средства неизвестны. Слишком много времени они требуют, на это уйдет вся жизнь. А у меня есть другие дела. Я явился в этот мир не столько затем, чтобы сделать его местом, удобным для жилья, сколько затем, чтобы в нем жить, хорош он или плох. Человеку дано сделать не все, а лишь что-то; и именно потому, что он не может сде-

лать всего, не надо, чтобы это что-то он делал неправильно. Не мое дело слать петиции губернатору или законодательным учреждениям, как и не их дело – слать петиции мне; и если на мою петицию они не обратят внимания, что мне делать тогда? В этом случае государство не предусматривает никакого выхода; именно его конституция и является злом. Это, быть может, звучит резко, упрямо и непримиримо, но именно так я проявляю наибольшую бережность и уважение к той человеческой сущности, которая этого заслуживает или может понять. Таковы все перемены к лучшему, как, например, рождение и смерть, от которых тело содрогается в конвульсиях...

С американским правительством, или его представителем – правительством штата, я встречаюсь непосредственно и лицом к лицу раз в году – не чаще – в образе сборщика налогов; такова единственная обязательная встреча с ним для человека в моем положении; и оно при этой встрече явственно говорит: «Признай меня!» И самый простой и действенный, а при нынешнем положении дел самый необходимый способ говорить с ним, выразить ему, как вы им недовольны и как его не любите, это – отказать ему. Мой учтивый сосед, сборщик налогов – вот с кем мне приходится иметь дело, потому что, в сущности, мои претензии обращены к людям, а не к пергаменту, а он добровольно стал агентом правительства. Разве сможет он узнать, что он собой представляет и как правительственный чиновник и как человек, пока ему не придется подумать, как отнестись ко мне, своему соседу, которого он уважает – как к соседу и порядочному человеку или как к сумасшедшему нарушителю спокойствия – и попробовать преодолеть это препятствие для добрососедских отношений, не позволяя себе при этом необдуманных и грубых слов и мыслей. Зато я хорошо знаю, что если бы тысяча, или сто, или десять человек, которых я мог бы перечислить – всего десять честных людей – или даже один честный человек в нашем штате Массачусетс отказался владеть рабами, вышел бы из этого сообщества и был бы за это посажен в тюрьму, это означало бы уничтожение рабства в Америке. Не важно, если начало скромное; что однажды сделано хорошо, то сделано навечно. Но мы предпочитаем говорить и в этом усматриваем свою миссию. На службе Реформы состоят дюжины газет, но ни одного человека. Если бы мой уважаемый сосед, посланник штата, который посвятил свою жизнь вопросу о правах человека в верховном суде, вместо того чтобы считать главной угрозой тюрьмы в Каролине, имел в виду Массачусетс, старающийся свалить грех рабовладения па другой штат – хотя до сих пор поводом для ссоры между ними может быть только недостаток гостеприимства – законодательные власти не стали бы будущей зимой снимать этот вопрос с повестки. При правительстве, которое несправедливо

заклучает в тюрьму, самое подходящее место для справедливого человека – в тюрьме... Если кто-либо думает, что здесь он утратит свое влияние, и его голос не дойдет до ушей штата, и он не в этих стенах представлять собой противника, значит, он не знает, насколько истина сильнее заблуждения, и насколько красноречивее и успешнее может бороться с несправедливостью тот, кто хоть отчасти испытал ее на себе. Подавать голос надо не в виде бумажного бюллетеня, а всего своего влияния. Меньшинство бессильно, когда подчиняется большинству; тогда оно даже и не меньшинство, но оно всеильно, когда противится изю всех сил. Если штату предоставится выбор – держать всех справедливых людей в тюрьме или отказаться от войны и рабствования, он не поколеблется. Если бы в этом году тысяча человек отказались платить налоги, не было бы ни насилия, ни кровопролития, какие вызовет уплата налога, которая позволит штату совершать насилия и проливать невинную кровь. Это была бы именно мирная революция, если такая возможна. Когда сборщик налогов или другой чиновник спрашивает меня, как уже сделал один из них: «Но что я могу сделать?» – я отвечаю: «Если действительно хотите что-то сделать, подайте в отставку». Если подданный отказывается повиноваться, а чиновник отказывается от должности, революция свершилась. Но положим даже, что прольется кровь. А разве из раненой совести не льется кровь? Из этой раны вытекает все мужество и бессмертие человека, истекая этой кровью, он умирает навеки. Вот эта кровь и льется сейчас...

Я уже шесть лет не плачу избирательный налог. Однажды я был за это заключен в тюрьму на одну ночь; разглядывая прочные каменные стены толщиной в два-три фута, окованную железом дверь толщиной в фут, я был поражен глупостью этого учреждения, которое обращалось со мной так, словно я всего лишь кровь, плоть и кости, которые можно держать под замком. Я подивился, что выбрали именно этот способ меня использовать и не додумались, что я могу пригодиться на что-нибудь другое. Я понял, что если меня отделяет от моих сограждан каменная стена, то им нужно пробиться или перелезть через еще более высокую стену, чтобы достичь свободы, какую располагаю я. Ни на миг я не почувствовал себя лишенным свободы, а стены были просто напрасной тратой камня и известки. Я почувствовал себя так, как будто один лишь я уплатил налог. Они явно не знали, как со мной обращаться, и вели себя как дурно воспитанные люди. Как угрозы, так и уговоры были ошибкой; ибо они думали, что моим главным желанием было оказаться по другую сторону этой каменной стены. Я невольно улыбался, глядя, как старательно они запирали дверь за моими мыслями, которые выходили беспрепятственно, а ведь только они и представляли опасность. Бессильные добраться до меня самого, они решили

покарать мое тело; совсем как мальчишки, которые, если не могут справиться с кем-нибудь, на кого они злы, вымещают это на его собаке. Я понял, что государство слабоумно, что оно трясется, как одинокая женщина за свои серебряные ложки, и не отличает друзей от врагов; я потерял к нему последние остатки уважения и почувствовал жалость.

Итак, государство никогда намеренно не угрожает разуму или нравственному чувству человека, а только его телу или пяти чувствам. Оно вооружено не превосходящей мудростью или честностью, а только физической мощью. А я не затем родился, чтобы терпеть насилие. Я хочу дышать по-своему. Посмотрим же, кто сильнее. Какой силой наделена толпа? Принудить меня могут только те, кто подчиняется высшему, чем я, закону. А они принуждают меня уподобиться им самим. Я не слышал, чтобы множеству удавалось принудить человека жить именно так, а не этак. Какая это была бы жизнь? Когда мне встречается правительство, которое говорит мне: «кошелек или жизнь?», к чему мне спешить отдавать кошелек? Быть может, оно находится в крайней нужде и не знает, что делать; но я тут не причем. Пускай выпутывается само, как делаю я. Хныкать над этим не стоит...

Дорожный налог я никогда не отказываюсь платить, потому что также хочу быть хорошим соседом, как плохим подданным; а что касается налога в пользу школы, то именно сейчас я и вношу свою долю в воспитание сограждан. Я отказываюсь платить не из-за того или иного пункта в налоговой ведомости. Я просто отказываюсь повиноваться требованиям государства и не хочу иметь с ним ничего общего. У меня нет охоты проследивать путь моего доллара, если бы даже это было возможно, пока на него не купят человека или ружье, чтобы убить человека – доллар не виноват, – но мне важно проследить последствия моего повиновения. В общем, я по-своему объявил государству тихую войну, хотя, как принято в подобных случаях, намерен тем не менее извлекать из него возможную пользу и выгоду...

Такова моя нынешняя позиция. Но в подобных случаях человек должен быть настороже, чтобы на его поступок не влияло упрямство или чрезмерная оглядка на мнение окружающих. Пусть он выполняет только свой долг перед самим собою и перед временем.

Иногда я думаю: да ведь эти люди имеют добрые намерения, они просто не знают; они поступали бы лучше, если бы знали, как надо; зачем огорчать своих ближних, вынуждая их поступать с тобою так, как им не хотелось бы? Но затем я думаю: это не причина, чтобы и мне делать, как они, или причинять другим гораздо большие страдания иного рода. И еще я говорю себе иногда: если многомиллионная масса людей без злобы, без какого-либо личного чувства требует от тебя всего несколько шиллингов и не может, так уж она устроена, отказаться

от этого требования или изменить его, а ты не можешь аплодировать к другим миллионам, к чему бросать вызов неодолимой стихийной силе? Ведь не сопротивляешься же ты с таким упрямством холоду и голоду, ветрам и волнам; и спокойно покоряешься множеству других неизбежностей. И голову в огонь ты тоже не суешь. Но именно потому, что эта сила не представляется мне целиком стихийной, а отчасти человеческой, и что с этими миллионами я связан как с миллионами людей, а не бесчувственных предметов,, именно поэтому я вижу возможность апеллировать, во-первых, к их создателю, а во-вторых, к ним самим. А когда я сознательно сую голову в огонь, то не могу апеллировать ни к огню, ни к создателю огня и должен винить только себя. Если бы я мог убедить себя, что я вправе довольствоваться людьми как они есть и относиться к ним соответственно, а не согласно моим понятиям о том, каковы должны быть и они и я, тогда, как добрый мусульманин и фаталист, я постарался бы удовлетвориться существующим положением вещей и говорил бы, что такова божья воля. Но между сопротивлением людям и чисто стихийной силе природы прежде всего та разница, что первым я могу сопротивляться с некоторым успехом, но не надеюсь уподобиться Орфею и изменить природу скал, деревьев и зверей.

Я не хочу враждовать ни с людьми, ни с народами. Не хочу заниматься казуистикой, проводить тонкие различия или выставлять себя лучше других. Скорей, я ищу предлога, чтобы подчиниться законам страны. Я даже слишком склонен им подчиняться. Эту склонность я сам в себе замечаю и каждый год при появлении сборщика налогов бываю готов пересмотреть действия и точку зрения правительств страны и штата, а также общественные настроения, чтобы найти повод повиноваться.

К отчизне надобно сыновнее почтение, И если мне когда-нибудь случится Священным этим долгом пренебречь, Пусть это будет только по велянию Души моей, и совести, и веры, Но не затем, чтоб выгоду искать.

Я полагаю, что государство скоро избавит меня от всей такой работы, и тогда я буду не лучшим патриотом, чем мои соотечественники. Если рассматривать ее с неизменной точки зрения. конституция при всех ее недостатках очень хороша; законы и суды – весьма почтенны; даже правительства Америки и штата во многом заслуживают восхищения, очень многими так и описаны, и мы должны быть за них благодарны; но с точки зрения хоть немного более высокой они именно таковы, какими их описал я, а с еще более высокой и с высшей кто скажет, каковы они и стоят ли вообще того, чтобы смотреть на них или о них думать?

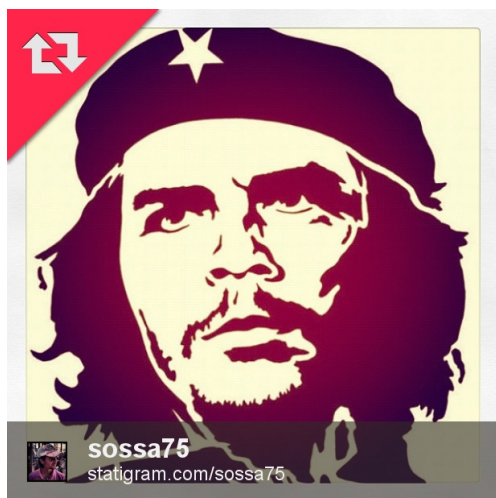
Впрочем, до правительства мне мало дела, и я намерен думать о нем как можно меньше. Даже в этом мире я не часто бываю подданным правительства. Если человек свободен в своих мыслях, привязанностях и воображении и то, чего нет, никогда надолго не предстает ему как то, что есть, ему не страшны неразумные правители и реформаторы.

Я знаю, что большинство людей думает иначе, чем я; но с теми, кто посвятил себя изучению этих или подобных вопросов, я согласен не больше. Государственные деятели и законодатели, находящиеся целиком внутри здания, никогда не видят его ясно. Они намерены сдвинуть общество с места, а сами не имеют опоры вне его. Они, быть может, обладают определенным опытом и проницательностью, и, наверное, изобрели остроумные и даже полезные системы, за что мы им искренне благодарны; но все их остроумие и полезность ограничены известными, отнюдь не широкими рамками...

Власть правительства, даже такого, которому я готов повиноваться – ибо охотно подчинюсь тем, кто знает больше и поступает лучше меня, а во многом даже тем, кто меня не лучше, – чтобы быть вполне справедливой, она должна получить санкцию и согласие управляемых. Правительство имеет лишь те права на меня, какие я за ним признаю. Прогресс от абсолютной монархии к ограниченной, а от нее – к демократии приближает нас к подлинному уважению к личности. Даже китайский философ понимал, что личность основа империи. И разве демократия в том виде, какой известен нам, является последним возможным достижением? Разве нельзя сделать еще шаг к признанию и упорядочению прав человека? Подлинно свободное и просвещенное государство невозможно, пока оно не признает за личностью более высокую и независимую силу, источник всей его собственной власти и авторитета, и не станет обходиться с ней соответственно. Мне нравится воображать такое государство, которое сможет наконец позволить себе быть справедливым ко всем людям и уважать личность как ближнего своего; и которое даже не станет тревожиться, если несколько человек чуждаются его и держатся в стороне, лишь бы выполняли свой долг в отношении ближних. Государство, приносящее такие плоды и позволяющее им падать с дерева, когда созреют, подготовило бы почву для Государства еще более совершенного, которое я тоже воображаю, но еще нигде не видел.

ЧЕ ГЕВАРА

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА (ФРАГМЕНТ)

СУЩНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ

Победа кубинского народа над диктатурой Батисты была не только триумфом, весть о котором подхватили информационные агентства всего мира, эта победа опрокинула устаревшие представления о народных массах Латинской Америки, наглядно продемонстрировав способность народа путем партизанской борьбы освободиться от правительств, которое его угнетает.

Мы считаем, что из опыта кубинской революции следует извлечь три основных урока для революционного движения на латиноамериканском континенте:

1. народные силы могут победить в войне против регулярной армии;
2. не всегда нужно ждать, пока созреют все условия для революции: повстанческий центр может самих создать;
3. в слаборазвитых странах американского континента вооруженную борьбу нужно вести главным образом в сельской местности.

Из этих трех уроков два первых разоблачают пассивную позицию тех революционеров, или, вернее, псевдореволюционеров, которые оправдывают свою бездеятельность разговорами о непобедимости регулярной армии, а также позицию тех, кто намерен ждать, пока все необходимые объективные и субъективные условия для революции создадутся сами собой, ничего не делая для того, чтобы ускорить их

созревание. Эти две непреложные в наши дни истины в свое время были предметом обсуждения на Кубе и, возможно, обсуждаются также в других странах Америки. Конечно, когда речь идет об условиях, необходимых для революции, нельзя думать, что они могли быть целиком созданы партизанским центром. Но надо исходить из того, что всегда существует минимум необходимых условий, которые делают возможным создание и укрепление первого партизанского центра.

Иными словами, надо ясно показать народу, что борьбу за социальные требования невозможно вести лишь мирными средствами. Ведь мир нарушается именно эксплуататорскими силами, которые незаконно удерживаются у власти.

В этих условиях недовольство народа принимает все более решительные формы и размах и выливается в сопротивление, которое в определенный момент приводит к началу борьбы, вызванной действиями властей.

Там, где правительство пришло к власти более или менее демократическим путем (пусть даже при этом дело и не обошлось без фальсификации) и где поддерживается, по крайней мере, видимость конституционной законности, возникновение партизанского движения исключено, поскольку еще не исчерпаны возможности борьбы мирными средствами.

Третий урок кубинской революции имеет главным образом стратегическое значение и должен привлечь внимание тех, кто намерен, руководствуясь догматической точкой зрения, сконцентрировать борьбу масс в городах, совершенно забывая об огромной роли сельского населения в жизни всех слаборазвитых стран Америки. Это не значит, что нами не принимается во внимание борьба организованных масс пролетариата. Мы просто анализируем реальные возможности ведения вооруженной борьбы в тех трудных условиях, когда гарантии, которые наши конституции склонны преувеличивать, на деле отменены или не признаются. При таком положении рабочим приходится действовать подпольно, без применения оружия, подвергаясь огромной опасности. Менее сложна обстановка в сельской местности, где жители имеют поддержку вооруженного партизанского отряда, и в местах, недоступных для карательных сил.

<...> Прежде всего, необходимо установить, что представляют собой в партизанской войне воюющие стороны.

На одной стороне – горстка угнетателей и их слуга в лице регулярной армии, хорошо вооруженной и дисциплинированной, которая к тому же во многих случаях может рассчитывать на иностранную помощь, а также небольшие бюрократические группы, находящиеся на службе у этой горстки угнетателей. На другой стороне – население той

или иной страны либо района. Важно подчеркнуть, что партизанская борьба – это борьба масс, народная борьба; партизанский отряд как вооруженное ядро является боевым авангардом народа, его главная сила в том и состоит, что он опирается на население. О численном превосходстве противника не может быть речи даже и тогда, когда огневая мощь партизанского отряда ниже, чем у противостоящих ему регулярных войск. Поэтому необходимо прибегать к партизанской войне, когда имеется значительная группа мало-мальски вооруженных людей. Таким образом, партизаны должны располагать всемерной поддержкой местного населения. Таково неперемнное условие. Это будет понятно, если взять для примера шайку разбойников, орудующую в том или ином районе; такая шайка имеет как будто бы все признаки партизанского отряда: тут и монолитность, и уважение к атаману, и смелость, и знание местности, а зачастую даже правильное применение тактики. Не хватает ей только поддержки народа, и именно поэтому власти всегда сумеют выловить или уничтожить такую шайку.

Проанализировав характер действий партизан, формы их борьбы и поняв значение масс как основы этой борьбы, нам остается выяснить, за что борется партизан. Мы неизбежно придем к выводу, что партизан – это преобразователь общества. Он берет в руки оружие, повинуясь гневному протесту народа, выступившего против своих угнетателей, он борется за изменение общественного строя, который обрекает его безоружных братьев на бесправие и нищету. Партизан выступает против существующих в данный момент институтов и, если позволяют условия, со всей решительностью разрушает основу этих институтов. Если мы более глубоко проанализируем тактику партизанской войны, мы увидим, что партизан обязан в совершенстве знать местность, на которой он действует, пути подхода и отхода войск, должен действовать быстро и, конечно, располагать поддержкой народа, а также знать места, где можно укрыться.

<...> Несмотря на особые условия всех этих выступлений, придающие им характер военных действий, и принимая во внимание возможности развития партизанской войны, которая с усилением мощи основной действующей группы превращается в позиционную войну, необходимо рассматривать этот вид борьбы как зародыш, как начало войны. Возможности увеличения партизанского отряда и изменения вида боя вплоть до наступления обычной войны так же велики, как и возможности уничтожения врага в каждом отдельном сражении, бою или небольшом вооруженном столкновении. Поэтому главное заключается в том, чтобы ни в коем случае не начинать военных действий любого масштаба, если заведомо известно, что успех не будет обеспечен. Существует не совсем лестное выражение:

«Партизан – иезуит войны». Этим хотят сказать, что партизанам присущи такие качества, как дерзость, внезапность, склонность действовать под покровом ночи, которые, по-видимому, являются основными элементами партизанской борьбы. Конечно, это особый иезуитизм, который вызывается обстоятельствами, в силу чего приходится принимать решения, отличные от тех либо романтических, либо спортивных концепций, с помощью которых пытаются убедить, что именно так делается война.

Война всегда является борьбой, где каждая из двух сторон стремится уничтожить другую. При этом, кроме силы, они прибегают и ко всякого рода уловкам и маневрам, чтобы добиться результата. Военная стратегия и тактика – это выражение целей и задач рассматриваемой военной группировки, а также способов их достижения и решения, с учетом использования всех слабых сторон противника. Если рассмотреть боевые действия каждого подразделения огромной регулярной армии, можно обнаружить те же самые характерные особенности ведения боя, что и в партизанской войне. Здесь и дерзость, и ночной бой, и внезапность. Если же эти факторы не всегда используются, то причина кроется в том, что не всегда возможно усыпить бдительность противника. Но так как партизанский отряд является отдельной самостоятельной группой и, кроме того, в партизанской войне имеется обширная территория, не контролируемая противником, партизаны всегда могут использовать фактор внезапности, и их долг сделать это.

«Укусит и убежит» – так в пренебрежительном тоне нередко отзываются о действиях партизанского отряда. Да, именно так он действует: укусит, убежит, ждет, подстерегает, снова кусает и снова бежит, не давая покоя врагу. На первый взгляд может показаться, что эта тенденция к отступлению, к уклонению от открытого боя является отрицательной. На самом же деле это просто особенность стратегии партизанской войны, конечная цель которой подобна конечной цели любой другой войны – добиться победы, уничтожить противника. Точно установлено, что партизанская война является лишь этапом обычной войны и поэтому одной партизанской борьбой нельзя добиться конечной победы. Партизанская война является одним из начальных этапов войны, она развивается вплоть до момента, когда постоянно увеличивающаяся партизанская армия приобретает характер армии регулярной. С этого момента она готова нанести решительные удары по врагу и добиться победы. Окончательная победа всегда будет результатом действий регулярной армии, хотя зарождается она в борьбе партизанской армии.

Так же как командир какой-либо дивизии не вправе рисковать своей жизнью для воодушевления своих солдат, так и партизан не должен

без нужды рисковать своей жизнью. Он готов отдать свою жизнь, но только самой дорогой ценой. Особенность партизанской войны в том и заключается, что каждый ее участник готов умереть, но умереть не во имя защиты какого-то идеала, а за то, чтобы своей смертью превратить этот идеал в действительность. В этом основа, сущность партизанской борьбы. Этим и объясняется то чудо, что небольшой отряд людей, вооруженный авангард народных масс, которые его поддерживают, всегда идет дальше непосредственной тактической задачи. Он решительно борется за уничтожение старого общества и утверждение нового, короче говоря, за достижение социальной справедливости.

Если помнить об этой конечной цели, то все презрительные слова в адрес партизана теряют отрицательный смысл и приобретают свое подлинное величие. Поэтому говорить о недостойных средствах, к которым мы прибегаем для достижения цели, – значит искажать истину. Способы ведения борьбы, никогда не ослабевающая стойкость, непреклонность перед лицом огромных трудностей, стоящих на пути к достижению конечной цели – все это говорит только о величии партизана.

ПАРТИЗАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ

В военной терминологии под стратегией подразумевается изучение и определение намеченных задач по ведению войны и военных действий, принимая во внимание общую военную обстановку, и разработка на этой основе общих форм и способов для решения данных задач.

Для правильной оценки стратегии партизанской войны необходимо тщательно проанализировать действия врага. Если говорят, что в войне конечная цель состоит в полном уничтожении сил противника, то гражданская война рассматриваемого типа является тому классическим примером. Противник будет стремиться полностью уничтожить каждую партизанскую группу. Поэтому партизаны для достижения своей цели должны хорошо знать средства, которые использует противник. Партизаны должны иметь представление о численном составе противника, о его транспортных средствах, о том, пользуется ли он поддержкой населения, о его вооружении, о способности командования вести боевые действия. В соответствии с этим анализом мы и должны строить нашу стратегию, всегда имея в виду конечную цель – уничтожение вражеской армии.

Необходимо изучить следующее: вооружение противника (например, методы применения этого вооружения), значение танков и самолетов в партизанской войне, боеприпасы и особенности действий противника. Необходимо помнить, что поставки оружия партизанам происходят в основном за счет вооружения противника. Если имеется

возможность выбора, следует предпочесть такой тип оружия, который применяется противником. Самым страшным бичом для партизанского отряда является отсутствие боеприпасов. Им партизан также должен «обеспечить» противник.

Определив степень важности намеченных задач и проанализировав их, нужно разработать план мероприятия для достижения конечной цели. При этом необходимо учитывать непредвиденные обстоятельства, которые могут возникнуть в ходе войны.

На первом этапе борьбы главное для партизан заключается в том, чтобы не дать себя уничтожить; день за днем партизанам, объединенным в партизанские отряды, будет все легче приспосабливаться к новому образу жизни. Таким образом, им будет легче скрыться, сбить со следа противника, брошенного на преследование партизанского отряда. После того как данная цель достигнута, нужно занять неприступные для противника позиции и добиваться того, чтобы противник отказался от намерения атаковать отряд, постепенно изматывать, ослаблять его силы, брошенные в первый момент против партизан в места, наиболее близкие к очагам активной борьбы. А затем, проникая вглубь территории противника, совершая налеты на его коммуникации, атакуя, а также не давая ему покоя в районах боевых действий на его основных базах, нужно преследовать, насколько позволяют возможности партизан.

Удары должны наноситься непрерывно. Вражескому солдату, находящемуся в районе боевых действий, нужно не давать покоя. Следует систематически нападать на вражеских связных и ликвидировать их. У противника постоянно должно создаваться впечатление, что он попал в окружение, и днем и ночью, и в горно-лесистой местности и на равнинных, легко просматриваемых вражескими патрулями местах. Для всего этого необходимо полное взаимодействие с населением и отличное знание местности. Вот те два условия, которые партизан должен постоянно иметь в виду.

Наряду с созданием органов по изучению нынешних и будущих районов боевых действий нужно вести интенсивную работу среди населения, объясняя причины и цели революции, пропагандируя ту непреложную истину, что, в конечном счете, народ непобедим. Кто не постиг этой истины, не может быть партизаном.

Эта работа среди населения должна сосредоточиваться, прежде всего, на разъяснении значения бдительности. Каждого крестьянина, каждого жителя местности, где действуют партизаны, нужно попросить не передавать другим того, что он видит или слышит. Затем следует заручиться сотрудничеством тех жителей, верность которых революции не вызывает никаких сомнений. В дальнейшем этих людей можно

использовать для связи, для доставки продуктов и оружия, а также в качестве проводников в хорошо им известных районах. Позднее можно начать работу с организованными массами в рабочих районах, конечным результатом чего явится всеобщая забастовка.

Забастовка – это важнейший фактор в гражданской войне. Но чтобы прийти к ней, необходим целый ряд дополнительных условий, которые не всегда имеются налицо и редко возникают стихийно. Эти условия нужно создавать, разъясняя причины и цели революции, показывая силы народа и его возможности.

Можно использовать также определенные, тесно сплоченные группы (которые должны предварительно продемонстрировать на менее опасных участках свою способность к действию) для проведения саботажа – еще одного мощного оружия в руках партизанского отряда. Используя такие группы, можно парализовать целые армии, нарушить промышленную жизнь района, полностью прекратить работу в городе, оставив его без света, воды, средств сообщения с тем, чтобы жители осмеливались выходить на улицу лишь в определенные часы. Если все это будет достигнуто, моральный дух противника упадет, а благодаря этому скорее созреет плод, который можно будет сорвать в нужный момент.

Все это предполагает расширение территории, на которой действуют партизанские отряды. Но никогда не следует добиваться чрезмерного расширения этой территории. Нужно всегда сохранять надежную базу для развертывания боевых действий и укреплять ее в ходе войны. Нужно использовать все формы политической работы среди населения, проводить в жизнь мероприятия, направленные против непримиримых врагов революции и в пределах этого района совершенствовать такие оборонительные средства, как, например, траншеи, минновзрывные заграждения, различные коммуникации.

Когда партизанский отряд достигнет достаточной огневой мощи и численного состава, следует заняться формированием новых групп. Это похоже на пчелиный улей, который в определенный момент выпускает новую матку, и та, с частью роя, отправляется на новое место. Партизанский «улей» во главе с наиболее способным командиром остается в менее опасных местах, в то время как новая партизанская группа проникает на вражескую территорию, повторяя описанный уже цикл.

Наступает такой момент, когда территория, занятая партизанскими отрядами, становится для них тесной, и тогда они проникают в районы, где сталкиваются с крупными силами противника. В этом случае отряды объединяются, образуют монолитный фронт, переходят к позиционной войне – войне, какую обычно ведет регулярная армия. Од-

нако нельзя допускать, чтобы ядро партизанской армии оторвалось от своей базы. Следует создавать новые партизанские отряды в тылу врага, которые действовали бы так же, как и другие отряды, то есть проникали в глубь территории противника, чтобы овладеть ею.

Действуя подобным образом, можно предпринимать наступление и окружение гарнизонов противника, уничтожать его подкрепления, опираться на все более энергичные действия масс на территории всей страны, что ускорит достижение конечной цели войны – победы.

ПАРТИЗАНСКАЯ ТАКТИКА

На военном языке тактика означает практический способ решения стратегических целей и задач.

Тактика подчинена стратегии и служит для достижения целей, которые стратегия ставит перед тактикой, причем на каждом этапе борьбы требуется применять средства более гибкие и изменчивые, чем те, что рассчитаны на достижение конечной цели. Имеются тактические цели, которые остаются постоянными в течение всей войны, а также цели, которые изменяются. Первое, что необходимо рассмотреть, это действия партизан с учетом намерений противника.

Основной особенностью партизанского отряда является подвижность, позволяющая ему в случае необходимости за несколько минут уйти на значительное расстояние от района боевых действий, и, за несколько часов, – быть вне зоны этих действий. Тем самым отряд имеет возможность постоянно изменять фронт и избегать окружения. В отдельные периоды войны партизанский отряд может заниматься исключительно этой задачей, – не попасть в окружение, потому что для противника окружение отряда – единственный способ навязать ему решающий бой, который для отряда может иметь весьма неблагоприятный исход. Но партизанский отряд может провести также операцию по встречному окружению противника. Этот маневр состоит в следующем. Небольшие группы партизан посылаются в какой-либо район, чтобы служить приманкой для вражеских войск. Окруженные противником, они упорно обороняются, и тут в дело вступают крупные силы партизан, которые окружают неприятеля, уничтожают его и захватывают предназначенное для вражеских войск снаряжение. Можно провести аналогию между этой мобильной войной и известным танцем – менуэтом. Эта ее особенность сводится к следующему. Партизанские отряды окружают вражескую позицию, например передовое подразделение противника. Окружают полностью, с четырех сторон, силами по пять или шесть человек с каждой стороны и на достаточном удалении, чтобы не быть в свою очередь окруженными. На каком-нибудь из этих участков завязывается бой, и противник сосредоточивает там основ-

ные усилия; партизанский отряд затем отступает, постоянно ведя наблюдение за противником, и начинает наступать в другом пункте. Подразделение противника повторяет указанное выше действие, и тогда партизанский отряд еще раз повторяет свой маневр. Так, действуя последовательно, не подвергая себя большому риску, можно сковать действия целой вражеской колонны, заставив ее израсходовать большое количество боеприпасов и подорвав моральный дух ее войск.

Так же следует действовать и в ночное время, но при большем сближении с противником и с проявлением большей дерзости, ибо в этих условиях окружение осуществить значительно труднее. Ночное время – это другой важный фактор в действиях партизанского отряда, благоприятствующий продвижению отряда к позициям, предназначенным для атаки, и операциям на территории недостаточно знакомой, где существует опасность доноса о действиях партизан. Конечно, небольшая численность отряда вынуждает проводить всегда неожиданные налеты на противника. В этом огромное преимущество, которое позволяет партизанам нанести урон противнику, не имея потерь в собственных рядах. А ведь в бою, где с одной стороны участвует сто человек, а с другой – десять, потери для каждой из сторон будут не одинаково чувствительны. Противник может быстро восстановить свои потери, причем один потерянный солдат соответствует в данном случае всего лишь одному проценту, партизанскому отряду требуется больше времени для восстановления сил, потому что каждый его солдат более ценен и составляет десять процентов.

Когда в бою гибнет партизан, нельзя оставлять на поле боя его оружие и боеприпасы. Долг каждого партизана в случае гибели товарища – немедленно подобрать эти ценнейшие средства борьбы. Особенно большое значение имеют боеприпасы, поэтому к ним нужно относиться с особой заботой. Правильное расходование боеприпасов – это еще один важный фактор в партизанской войне. В любом бою между регулярными войсками и партизанскими отрядами ту и другую сторону всегда легко различить по ее манере вести огонь: сильная концентрация огня со стороны регулярных войск и точные одиночные выстрелы партизан.

<...> В первую очередь нужно занимать неприступные позиции, удобные для мобильной обороны, в местах, где ожидается появление противника. Часто можно наблюдать удивление противника, который, продвигаясь вперед и легко преодолевая трудности, вдруг встречает упорное сопротивление, и не имеет возможности продолжать движение. Позиции, обороняемые партизанами, когда есть возможность хорошо изучить местность, являются неприступными. Тут важно не то, сколько солдат наступает на позицию, а сколько может оборонять ее.

Малыми силами можно обороняться против батальона, и почти всегда, если не сказать всегда, успешно. Поэтому командир партизанского отряда должен своевременно занять наиболее выгодную позицию и обеспечить ее надежную оборону.

Наступление партизанских войск также имеет свою особенность. Оно начинается внезапной яростной мощной атакой и затем вдруг прекращается. Уцелевшие войска противника, восстанавливая свои силы, считают, что партизаны ушли, и начинают приходить в себя; жизнь в гарнизоне или осажденном городе налаживается, и вдруг в другом месте их атакуют подобным же образом, в то время как основные силы партизанского отряда ожидают предполагаемых подкреплений противника. Или же организуется внезапное нападение и захват поста, охраняющего казарму, которая попадает в руки партизанского отряда. Главное – это внезапность и быстрота атаки.

Большое значение имеют акты саботажа. Нужно четко различать саботаж как революционную, высокоэффективную форму борьбы и террор довольно неэффективный способ вообще, порочный по своим последствиям, поскольку он во многих случаях приводит к гибели ни в чем не повинных людей, а наряду с этим и к гибели многих патриотов, принимающих участие в революционном движении. Террор является ценным фактором тогда, когда его используют для расправы с каким-либо высокопоставленным главарем угнетателей, известным своей жестокостью, особыми «заслугами» в проведении репрессий и другими подобными качествами. Ликвидация такого главара приносит только пользу. Однако прибегать к террору для устранения рядовых людей из лагеря противника ни в коем случае не следует. Это приводит только к новым репрессиям и жертвам.

Существуют самые различные оценки террора. Многие считают, что усиление полицейских репрессий в результате актов террора мешает установлению легальной и полULEГальной связи с массами и препятствует их объединению для развертывания действий, необходимых в определенный момент. Само по себе это правильно. Однако случается и так, что в некоторые периоды гражданской войны и в определенных населенных пунктах репрессии со стороны властей и без того настолько сильны, что вся легальная деятельность по существу подавлена и действия народных масс становятся невозможными, если они не поддерживаются оружием. Поэтому при решении вопроса о применении средств этого типа следует заранее учитывать, будут ли полученные результаты полезны для революции. Что же касается саботажа, он всегда является эффективным средством. Не следует, однако, прибегать к саботажу в том случае, если вывод из строя оборудования и машин лишь оставляет людей без работы и в то же время не ока-

зывает никакого влияния на нормальную жизнь населенного пункта в целом. Нелепо устраивать саботаж на заводе прохладительных напитков. Вместе с тем можно только рекомендовать саботаж на электростанции. В первом случае определенное число рабочих останется без работы, а ритм промышленной деятельности ничуть не изменится; во втором случае, хотя рабочие и лишатся работы, но на этот раз подобная мера полностью оправдывается тем, что вся жизнь населенного пункта будет парализована. <...>

Одним из наиболее слабых мест противника является передвижение его транспортных средств по шоссейными и железным дорогам, ибо практически невозможно охранять каждый метр шоссейной или железной дороги и каждое транспортное средство. На любом участке дороги можно заложить заряд взрывчатого вещества, чтобы вывести ее из строя. Или же, взорвав этот заряд в момент прохождения транспорта противника, нанести ему значительные потери в живой силе и технике.

<...> Применение засад на дорогах, в задачу которых входит подрыв мин и уничтожение оставшихся в живых солдат противника, приносит большую пользу, поскольку партизаны, находящиеся в засаде, захватывают оружие и боеприпасы; противник, застигнутый врасплох, не может применить своего оружия и не имеет времени для отхода. Таким образом, при небольшом расходе боеприпасов достигаются большие результаты.

По мере того как наносятся удары по противнику, его тактика меняется. Вместо отдельных грузовых транспортных средств он использует целые моторизованные колонны. Однако и в этом случае, если умело выбрать местность, можно достигнуть того же результата, расколов колонну и сосредоточив затем огонь по отдельным машинам. При этом нужно всегда использовать основные элементы партизанской тактики, а именно: превосходное знание местности, наблюдение, наличие запасных путей отхода, знание всех второстепенных путей, по которым наступающие войска могут подойти к данному пункту, и наблюдение за этими путями; знание населения зоны; помощь этого населения партизанам продуктами, транспортом, путем предоставления временного, а также постоянного убежища (в случае, когда необходимо оставить раненых товарищей): численное превосходство определенным моментом действий: максимальную подвижность и возможное наличие резервов.

При соблюдении всех вышеуказанных элементов партизанской тактики внезапные боевые действия на вражеских коммуникациях дают значительные результаты.

Вопрос об отношениях со всеми жителями зоны является важной стороной партизанской тактики. Большое значение имеет и вопрос об отношении к противнику. Нормой отношений, которой следует придерживаться во время боя, является абсолютная непреклонность. Эту абсолютную непреклонность следует проявлять ко всем ненавистным элементам, которые занимаются доносами или осуществляют убийства. Милосердие, если позволяют условия, следует проявлять к солдатам, которые лишь выполняют свой воинский долг или, вернее, думают, что выполняют таковой. Пока нет значительных партизанских баз и хорошо защищенных районов, пленных, как правило, брать не следует. Оставшиеся в живых должны отпущаться на свободу. К раненым нужно проявлять заботу, применяя все имеющиеся в данный момент средства. Поведение по отношению к гражданскому населению должно определяться высоким уважением традиций и обычаев жителей данной области. При этом надо показывать на деле моральное превосходство партизана над солдатом диктаторской армии. За исключением особых случаев, не следует применять смертную казнь к преступнику, не дав ему возможности искупить свою вину. <...>

ДЕЙСТВИЕ ПАРТИЗАН В ПРИГОРОДАХ

Партизаны, которые на одном из этапов войны проникают в окрестности города, и могут расположиться там в относительной безопасности, предварительно должны пройти особую подготовку, иными словами, быть специально организованы.

Следует, прежде всего, указать, что партизанский отряд, действующий в пригороде, не может возникнуть стихийно. Он создается лишь после того, как будут налицо необходимые условия для его существования. Партизанский отряд, действующий в пригороде, подчиняется приказам командиров, находящихся в других зонах. Поэтому в задачу такого партизанского отряда не входит проведение самостоятельных операций. Он должен действовать в полном соответствии со стратегическими планами, согласно которым задачей отряда такого – типа должна явиться поддержка действий крупных групп, находящихся в другом районе, особенно помощь и содействие выполнению поставленной тактической задачи без того оперативного размаха, которым характеризуются действия других партизанских отрядов. Это значит, что партизанский отряд, действующий в пригородном районе, не должен самостоятельно предпринимать, например, такие действия, как нарушение телефонной связи, совершение диверсии в другом пункте или внезапное нападение на вражеский патруль на отдаленной дороге. Он должен точно выполнять только ту задачу, которая перед ним поставлена. Если в его задачу входит спилить телефонные столбы, вы-

вести из строя линию электропередачи, канализацию, железнодорожные пути или водопроводную систему, то он и должен ограничиться безукоризненным выполнением данных задач.

Численный состав этого отряда не должен превышать четырех – пяти человек. Это ограничение очень важно, потому что партизанский отряд, действующий в пригороде, следует рассматривать как отряд, находящийся на местности, исключительно неблагоприятной для действий партизанских войск, где бдительность противника значительно выше и где увеличивается возможность репрессивных актов, а также доноса. Необходимо иметь в виду и такой неблагоприятный фактор: отряд в этих условиях не может сильно удаляться от мест, где ему надлежит действовать. С быстротой действий и перемены места он должен сочетать относительно небольшое удаление от места действий и абсолютную маскировку днем. Данный отряд действует преимущественно ночью, и притом у него нет возможности изменить форму своих действий до того момента, пока повстанческое движение не станет настолько широким, что он сможет участвовать в осаде города и городских операциях в качестве активного боевого подразделения.

Дисциплина и выдержка членов такого отряда должны быть выше, чем у какого-либо другого солдата. Друзей, снабжающих продуктами, следует иметь не более как в двух-трех домах. В таких условиях окружение почти равносильно смерти. Рассматриваемый отряд отличается от других и своим оружием. Это – оружие личной обороны, которое не мешает быстрому отходу и надежному укрытию. Часть отряда должна иметь на вооружении один карабин, одно – два ружья с укороченными стволами, другая часть – пистолеты, как наиболее удобное для них оружие.

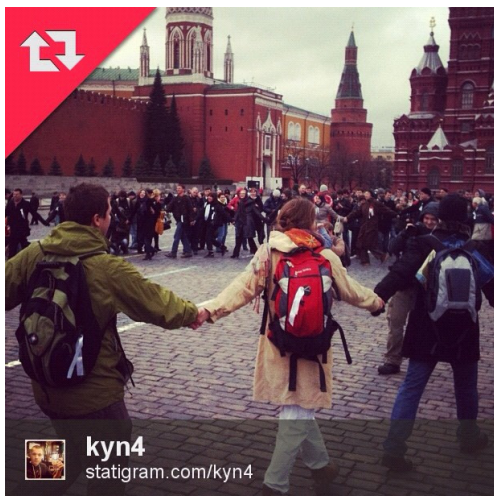
Вооруженные действия могут совершаться лишь путем внезапно-го нападения на одного-двух солдат или офицеров противника или его службы осведомителей. Акты саботажа следует совершать лишь по приказу свыше. Для этого необходимо иметь разнообразные инструменты, у партизан должны быть соответствующие пилы, большое количество динамита, ломы и лопаты, специальные инструменты для снятия железнодорожных рельсов – короче говоря, набор инструментов, необходимых для работы и надежно укрытых с таким расчетом, чтобы в нужную минуту они всегда были под рукой.

Если имеется несколько таких отрядов, все они подчиняются одному командиру, который через испытанных связных из гражданского населения руководит проведением необходимых работ. В отдельных случаях партизан может заняться своей гражданской профессией, однако это очень трудно. Практически партизанский отряд, действующий в пригороде – это группа людей, которая находится на неле-

гальном положении, имеет армейскую организацию и действует в неблагоприятных условиях, ранее описанных нами.

Значение партизанской борьбы в пригородной зоне кое-чем недооценивается, а между тем оно крайне велико. Должным образом организованная, эта борьба, охватывающая обширную территорию, почти полностью парализует торговую и промышленную жизнь в данном секторе, порождает среди населения беспокойство, тревогу и до известной степени даже примиряет их с мыслью о необходимости принятия решительных мер, способных положить конец тревожному состоянию неопределенности. Если с самого начала войны заблаговременно все учесть и подготовить специалистов этого вида борьбы, то будут гарантированы молниеносные действия и, следовательно, будут сохранены многие жизни и сбережено ценное для страны время.

ДЖИН ШАРП
ОТ ДИКТАТУРЫ К ДЕМОКРАТИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автора на протяжении многих лет волновали вопросы того, как можно предотвратить или ликвидировать диктатуру. Такой интерес частично объясняется убеждением, что человеческая личность не должна подавляться и уничтожаться такими режимами. Убеждение же укреплялось публикациями о важности соблюдения прав человека, о природе диктатуры (от Аристотеля до аналитиков тоталитаризма) и истории диктатур.

Знание террора коммунистического правления в различных странах в основном получено из литературы и в меньшей степени от личных контактов. Ужас данных режимов показался автору тем более страшным, что диктатура устанавливалась во имя освобождения от гнета и эксплуатации.

За последние десятилетия реальность современных диктатур в таких странах, как Панама, Польша, Чили, Тибет и Бирма, стала более зримой благодаря встречам с людьми, приехавшими из этих стран. От жителей Тибета, борющихся с китайской коммунистической агрессией, россиян, победивших переворот приверженцев старого режима в августе 1991 г. и тайцев, которые мирным путем предотвратили воз-

врат к военному правлению, мы часто получали описание коварной природы диктатуры.

Чувства пафоса и гнева против жестокостей, а также восхищения хладнокровным героизмом бесконечно храбрых мужчин и женщин, укреплялись посещением мест, где опасность все еще оставалась большой, но сопротивление храбрецов продолжалось. Это поездки в Панаму во время правления Норьеги, в Вильнюс, Литва, в период продолжавшихся советских репрессий, на площадь Тяньаньмынь в Пекине во время праздничной демонстрации свободы и в момент, когда в ту страшную ночь впервые были введены бронированные машины пехоты, а также в штаб демократической оппозиции «демократической Бирмы» в джунглях у Мейнерплау.

Иногда автор посещал места, где погибли люди, например, телевышка и кладбище в Вильнюсе, публичный парк в Риге, где расстреливали людей, центр Феррара в северной Италии, где фашисты построили и расстреляли членов сопротивления, а также простую могилу в Мейнерплау, заполненную телами людей, которые так рано погибли. Грустно думать о том, что любая диктатура оставляет за собой столько смертей и разрушений.

Чувство озабоченности и приобретенный опыт породили твердую надежду, что есть возможности предотвратить наступление тирании, что можно вести успешную борьбу против диктатуры без массового оboюдного истребления, что диктатуру можно победить и предотвратить возникновение из пепла новой диктатуры.

Мы попытались тщательно продумать наиболее эффективные способы успешного разрушения диктатуры с минимальными страданиями и жертвами. При этом мы пользовались результатами многолетнего изучения диктатур, движений сопротивления, революций, политической мысли, систем правительства, и в особенности реалистичной ненасильственной борьбы.

В результате появилась данная публикация. Мы убеждены, что она далека от совершенства. Но, возможно, она окажет помощь в организации и планировании освободительного движения, которое окажется более мощным и эффективным, чем было бы без нее.

По необходимости и намеренно главное внимание уделяется общим проблемам разрушения диктатуры и недопущения новой. Автор не берется представить анализ и советы к действию для какой-то определенной страны. Однако надеемся, что данный общий анализ может оказаться полезным для людей из, к сожалению, слишком многих стран, которые оказались лицом к лицу с реальностями диктаторского режима. Им необходимо оценить применимость этого анализа к своей

ситуации и ту степень, в которой ее основные рекомендации являются или могут быть пригодными в их освободительной борьбе.

Необходимо высказать благодарность за создание настоящей работы. Брюс Дженкинс, специальный помощник автора, сделал неоценимый вклад определением проблем содержания и презентацией работы и настоятельными рекомендациями более энергичного и четкого представления трудных аспектов (в особенности в отношении стратегии), помощью в структурной реорганизации и внесении редакторских правок. Мы также благодарны за редакторские правки Стивену Коуди. Д-р Кристофер Круглер и Роберт Хелви представили важные критические замечания и советы. Д-р Хейзел Макферсон и д-р Патриция Паркмен предоставили информацию по борьбе, соответственно, в Африке и Латинской Америке. Хотя настоящая работа во многом выиграла от такой щедрой помощи, ответственность за проведение анализа и выводы автор берет на себя.

Нигде в ходе анализа не утверждается, что борьба с диктатурой является легким и не требующим жертв делом. Любые формы борьбы предполагают осложнения и потери. Естественно, что противостояние диктаторам потребует жертв. Однако автор надеется, что данный анализ станет стимулом для лидеров сопротивления при выработке стратегии, способной повысить его мощь и в то же время сократить сравнительный уровень потерь.

Настоящий анализ также не следует понимать так, что при свержении конкретной диктатуры исчезнут все остальные проблемы. Падение режима не приводит к утопии. Наоборот, оно открывает возможности для упорной работы и долговременных усилий при создании более справедливых социальных, экономических и политических отношений и устранении всех других форм несправедливости и подавления. Автор надеется, что краткое ознакомление путей развала диктатуры может оказаться полезным повсюду, где народ подвергается давлению и обладает желанием освободиться.

Джин Шарп, 6 октября 1993 г.

1. РЕАЛИСТИЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДИКТАТУРЕ

За последние десятилетия под напором организованного сопротивления народов пали или зашатались многие диктаторские режимы как внутреннего, так и внешнего происхождения. Часто кажущиеся глубоко укоренившимися и непоколебимыми, такие диктатуры оказались неспособными противостоять согласованному политическому, экономическому и социальному неповиновению людей.

С 1980 г. пали диктаторские режимы, благодаря в основном ненасильственному неповиновению людей, в Эстонии, Латвии и Литве, Польше, Восточной Германии, Чехословакии и Словении, Мадагаскаре, Мали, Боливии и Филиппинах. Ненасильственное сопротивление приблизило демократизацию в Непале, Замбии, Южной Корее, Чили, Аргентине, Гаити, Бразилии, Уругвае, Малави, Тайланде, Болгарии, Венгрии, Заире, Нигерии и в различных странах бывшего Советского Союза (сыграв важную роль в победе над попыткой переворота сторонников старого режима в августе 1991 г.).

Кроме того, за последние годы массовое политическое неповиновение появилось в Чили, Бирме и Тибете. Хотя такая борьба не положила конец правящей диктатуре или оккупации, она показала зверскую природу данных репрессивных режимов мировому сообществу и дала населению ценный опыт этой разновидности борьбы.

Падение диктатуры в вышеназванных странах, естественно, не решило всех остальных проблем общества: нищета, преступность, бюрократическая волокита и разрушение окружающей среды часто являются наследием жестоких режимов. Однако свержение такой диктатуры свело к минимуму страдания жертв гнета и открыло путь к перестройке общества на основе более широкой политической демократии, личных свобод и социальной справедливости.

ПОСТОЯННАЯ ПРОБЛЕМА

За последние десятилетия появилась тенденция к расширению демократизации и свободы в мире. По данным организации «Фридом хаус», которая составляет ежегодный международный обзор положения с политическими правами и гражданскими свободами; число стран мира, внесенных в список «свободных», за последние десять лет значительно возросло:

	Свободные	Частично свободные	Не свободные
1983	55	76	64
1993	75	73	38

Однако данная тенденция уравнивается большим числом народов, все еще живущих в условиях тирании. На январь 1993 г. из 5,45 миллиардов населения земли 31% людей жили в странах и на территориях, классифицируемых в качестве «не свободных», то есть там, где политические права и гражданские свободы чрезвычайно ограничены. 38 стран и 12 территорий, внесенные в категорию «не свободных», управляются рядом военных диктатур (как в Бирме и Судане), традиционных репрессивных монархий (как в Саудовской Аравии и Бутане), доминирующими политическими партиями (как в Китае, Ираке

и Северной Кореи) или иностранными оккупантами (как в Тибете и Восточном Тиморе), или же находятся в переходном периоде.

Многие страны в настоящее время находятся в состоянии быстрых экономических, политических и социальных изменений. Хотя за последние десять лет число «свободных» стран увеличилось, остается высокая вероятность того, что многие страны перед лицом таких быстрых фундаментальных изменений двинутся в противоположном направлении и испытают новые формы диктатуры. Военные группировки, честолюбивые личности, избранные деятели, а также догматические партии постоянно пытаются навязать свою волю. Государственные перевороты останутся привычными. Основные права человека и политические права останутся недоступными для огромного числа народов.

К сожалению, прошлое остается с нами. Проблема диктатуры является глубокой проблемой. Народы многих стран испытывали десятилетия или даже столетия гнета, внутреннего происхождения или извне. Зачастую требовалось беспрекословное подчинение государственным лицам и правителям. В экстремальных случаях социальные, политические, экономические и даже религиозные институты общества, независимые от государства, преднамеренно ослаблялись, подчинялись или даже заменялись новыми, послушными режиму, институтами и использовались государством или правящей партией для управления обществом. Люди часто подвергались разобщению (превращались в массу изолированных индивидуумов) и становились не способными совместно добиваться свободы, доверять друг другу или даже совершать поступки по собственной инициативе.

Результат можно предсказать заранее: население становится слабым, теряет уверенность в себе и становится не способным к сопротивлению. Люди часто слишком запуганы, чтобы делиться своей ненавистью к диктатуре и стремлением к свободе даже в семье и с друзьями. Часто люди слишком боятся даже серьезно думать о публичном сопротивлении. В любом случае, какая от этого польза? Вместо этого они бесцельно страдают и имеют безнадежное будущее.

Положение в современных диктатурах может оказаться гораздо хуже, чем ранее. В прошлом некоторые люди могли пытаться оказывать сопротивление. Случались короткие массовые протесты и демонстрации. Появлялись всплески эмоций. В других случаях отдельные лица и небольшие группы могли совершать бессильные поступки, утверждая какой-либо принцип или просто свое неповиновение. Несмотря на благородные мотивы, такие акты сопротивления в прошлом были недостаточными, чтобы преодолеть боязнь людей и их привычку подчиняться, что является необходимым условием разрушения дик-

СВОБОДА ЧЕРЕЗ НАСИЛИЕ?

Что же делать в таких обстоятельствах? Наиболее очевидные возможности представляются бесполезными. Конституционные и законодательные барьеры, решения суда и общественное мнение обычно игнорируются диктаторами. Понятно, что в ответ на жестокости, пытки, исчезновения и убийства люди часто приходят к выводу, что положить конец диктатуре может только насилие. Разъяренные жертвы иногда объединялись для борьбы с диктатурой с помощью любых имеющихся средств насилия или войны, несмотря на то, что все шансы были против них. Такие люди часто храбро сражались, ценой страданий и жизни. Они иногда добивались значительных результатов, но редко завоевывали свободу. Яростные восстания могут вызвать жестокие репрессии, которые делают население еще более беспомощным, чем ранее.

Каковы бы ни были достоинства методов насилия, ясно одно. Полагаясь на средства насилия, такие люди выбирают тип борьбы, в котором угнетатели почти всегда имеют преимущество. Диктаторы прекрасно подготовлены к применению насилия. Независимо от продолжительности действий таких сторонников демократии, в конце концов, жестокая военная реальность становится неизбежной. Диктаторы почти всегда имеют преимущество в военной технике, вооружениях, транспорте и вооруженных силах. Несмотря на свою смелость, демократам (почти всегда) противопоставить нечего.

Если обычное вооруженное восстание признается нереальным, некоторые диссиденты склоняются в пользу партизанской войны. Однако партизанская война редко приносит или не приносит никогда пользу угнетенному населению и не обеспечивает демократию. Партизанское движение не является бесспорным решением, в особенности благодаря сильнейшей тенденции огромных потерь среди собственного народа. Данный подход не гарантирует от поражения, несмотря на соответствующую теорию и стратегические анализы, а иногда и на международную поддержку. Партизанская борьба часто длится весьма долго. Часто при этом правящие круги переселяют массы гражданского населения ценой громадных страданий и социальных разрушений.

Даже в случае победы партизанская борьба часто имеет значительные и долговременные отрицательные последствия. Атакуемый режим, благодаря принимаемым мерам противодействия, немедленно становится еще более диктаторским. Если партизаны в конце концов побеждают, новый режим часто еще более диктаторский, чем его предшественник, благодаря централизованному влиянию возросших

вооруженных сил и ослаблению или разрушению в ходе борьбы независимых групп и институтов общества, органов, которые являются жизненно важными при построении и поддержании деятельности демократического общества. Противники диктатуры должны рассмотреть другие возможности.

ПЕРЕВОРОТЫ, ВЫБОРЫ, СПАСИТЕЛИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА?

Военный переворот против диктатуры может показаться сравнительно наиболее легким и быстрым способом устранить особенно отвратительный режим. Однако у такого способа имеются серьезные недостатки. Самое важное то, что он оставляет существующее несправедливое распределение власти между населением и элитой, управляющей правительством и вооруженными силами. Устранение одних лиц и клик с правящих позиций просто дает возможность другой группе занять их место. Теоретически, такая группа может оказаться более терпимой и открытой для ограниченных демократических реформ. Однако может случиться и противоположное.

После укрепления своего положения новая клика может оказаться более беспощадной и более честолюбивой, чем старая. Соответственно, новая клика, на которую возлагаются все надежды, сможет проводить любые действия, не заботясь о демократии и правах человека. Это не является приемлемым решением проблемы диктатуры.

Выборы в качестве инструмента значительных политических изменений при диктатуре непригодны. Некоторые диктаторские режимы, например, в странах восточного блока под господством Советского Союза, разрешали выдвижение кандидатов, чтобы создать впечатление демократичности. Однако такие выборы являлись лишь строго контролируемым плебисцитом, обеспечивающим одобрение народом кандидатов, уже отобранных диктаторами. Под давлением диктаторы могут согласиться на новые выборы, но, манипулируя ими, усаживают гражданских марионеток в правительственные кабинеты. Если кандидаты от оппозиции получают возможность участвовать в выборах и одерживают победу, как это случилось в Бирме в 1990 г. и Нигерии в 1993 г., результаты просто игнорируются, а «победители» подвергаются запугиванию, аресту или даже казни. Диктаторы не для того захватывают власть, чтобы позволить выборы, которые могут сбросить их с трона.

Многие люди, в настоящее время страдающие от жестокой диктатуры или отправившиеся в ссылку, чтобы избежать немедленной расправы, не верят, что угнетенные могут освободиться самостоятельно. Они считают, что их народ можно спасти действиями кого-то другого. Такие люди делают ставку на внешние силы. Они считают, что лишь

международная помощь может оказаться достаточно мощной, чтобы свергнуть диктатора.

Мнение, что угнетенные не способны эффективно действовать, может быть верным лишь для определенного периода времени. Как отмечалось, угнетенный народ часто не желает и временно является неспособным к борьбе, так как не верит в свою силу противостоять безжалостной диктатуре и не знает путей к спасению. Поэтому понятно, что многие возлагают надежду на свое спасение на других. Такой внешней силой может быть «общественное мнение», Организация Объединенных Наций, определенная страна или же экономические и политические санкции.

Такой сценарий может показаться удобным, но надежда на спасителя извне создает серьезные проблемы. Такая надежда может оказаться совершенно напрасной. Обычно иностраннный спаситель не появляется, а если иностранное государство и осуществляет вмешательство, ему обычно не следует доверять.

Здесь уместно подчеркнуть несколько неприятных моментов, связанных со ставкой на иностранное вмешательство:

- иностранные государства зачастую терпят или даже напрямую помогают диктатуре в целях обеспечить собственные экономические или политические интересы;
- иностранные государства также могут предать угнетенный народ и не сдерживать свои обязательства по оказанию ему помощи в освобождении ради достижения другой цели;
- некоторые иностранные государства будут предпринимать действия против диктатуры лишь для того, чтобы добиться собственного экономического, политического или военного контроля над страной;
- иностранные государства могут активно вмешаться в позитивных целях только тогда, когда и если внутреннее движение сопротивления уже начало расшатывать диктатуру, привлекая внимание международной общественности к жестокой природе режима.

Диктатура в основном возникает благодаря распределению власти внутри страны. Население и общество слишком слабы, чтобы создать диктатуре серьезные проблемы, так как богатство и власть сосредоточены в руках слишком небольшого количества людей. Хотя диктатура может выгодно использовать или быть ослабленной действиями международного сообщества, ее падение в основном зависит от внутренних факторов.

Однако давление международного сообщества может оказаться весьма полезным, когда оно поддерживает мощное движение сопротивления внутри страны. В таком случае, например, международный бойкот, эмбарго, разрыв дипломатических отношений, исключение

из международных организаций, осуждение со стороны органов ООН и т. д. может оказать большую помощь. Тем не менее, при отсутствии мощного внутреннего движения сопротивления такие действия едва ли будут предприняты.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ЖЕСТОКОЙ ИСТИНЫ

Вывод сделать нелегко. Эффективное свержение диктатуры с минимальными жертвами требует выполнения четырех первоочередных задач:

- необходимо укрепить решимость, уверенность в себе и навыки сопротивления угнетенного населения;
- необходимо укрепить независимые социальные группы и институты угнетенного народа;
- необходимо создать мощную силу сопротивления;
- необходимо разработать мудрый стратегический план освобождения и четко провести его в жизнь.

Борьба за освобождение требует полагаться на самих себя и на укрепление группы борцов внутри страны. Как Чарльз Стьюард Парнелл призывал во время кампании за ограниченное самоопределение Ирландии 1879-1880 гг.: «Нет смысла полагаться на правительство. Мы должны полагаться на собственную решимость. Помогайте самим себе совместными усилиями укрепляйте тех, кто слаб сплотитесь вместе, организуйте самих себя и вы должны победить. Когда вашими усилиями проблема созреет для разрешения, тогда и только тогда она может быть разрешена».

Перед лицом самостоятельной силы оппозиции, при наличии мудрой стратегии, дисциплинированных и решительных действий и реальной мощи, диктатура в конце концов рухнет. Однако для этого необходимо выполнить четыре указанных требования.

Как видно из приведенного выше, освобождение от диктатуры в конечном итоге зависит от способности народа освободиться собственными усилиями. Примеры успешного политического неповиновения, то есть ненасильственной борьбы за политические цели, приведенные выше, показывают, что для населения существуют способы добиться освобождения собственными силами, но такие способы надлежащим образом не разработаны. Эти способы мы рассмотрим подробнее в следующих главах. Однако сначала обсудим вопрос переговоров, как средства расшатывания диктатуры.

2. ОПАСНОСТЬ ПЕРЕГОВОРОВ

Перед лицом острых проблем борьбы с диктатурой (описанных в главе 1) некоторые люди впадают в пассивное повиновение. Другие,

утратив надежду добиться демократии, могут придти к выводу, что необходимо договориться с вечной, как им кажется, диктатурой в надежде путем «примирения», «компромисса» и «переговоров» сохранить какие-то позитивные элементы и положить конец жестокостям. На первый взгляд, при отсутствии реального выбора такой подход представляется привлекательным.

Серьезная борьба против жестокой диктатуры несет в себе неприятную перспективу. Почему же необходимо встать на этот путь? Разве нельзя вести себя разумно и искать пути к переговорам, находить возможности постепенно покончить с диктатурой? Разве не могут демократы призвать к чувству человечности диктаторов и убедить их постепенно сократить свою абсолютную власть и, возможно, в конечном итоге предоставить возможность установить демократическое правительство?

Иногда утверждают, что правда не всегда лишь на одной стороне. Может быть, демократы недопонимают диктаторов, которые действовали из хороших побуждений в трудной обстановке? Другие считают, что диктаторы с радостью уйдут сами в той трудной ситуации, в которой оказалась страна, если только поощрить и уговорить их. Можно также утверждать, что диктаторы могут согласиться «на ничью», когда все стороны оказываются в выигрыше. Тогда можно говорить о том, что более не будет необходимости идти на риск и страдания в дальнейшей борьбе, если демократическая оппозиция готова уладить конфликт мирным путем переговоров (может быть даже при посредничестве опытных лиц или правительства другой страны). Разве это не предпочтительно по сравнению с трудной борьбой, даже если это борьба ненасильственная и не прибегает к военным действиям?

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ПЕРЕГОВОРОВ

Переговоры являются весьма полезным инструментом при разрешении определенных типов проблем в конфликтах, их нельзя игнорировать или отвергать, если они к месту. В некоторых ситуациях, когда решаются вопросы, не имеющие принципиального значения, и поэтому компромисс приемлем, переговоры могут стать важным способом уладить конфликт. Забастовка рабочих за повышение заработной платы является хорошим примером ценной роли переговоров в конфликте: достигнутое соглашение может привести к повышению зарплаты на сумму, среднюю между величинами, изначально предлагаемыми каждой из договаривающихся сторон. Трудовые конфликты с участием официальных профсоюзов, однако, совершенно отличаются от конфликтов, в которых решаются проблемы продолжения жестокой диктатуры или установления политической свободы.

Когда ставятся вопросы фундаментального характера, затрагивающие принципы религии, проблемы прав человека или всего будущего развития общества, переговоры не являются способом достижения взаимоприемлемого решения проблемы. По некоторым принципиальным вопросам компромисса быть не может. Лишь изменение в распределении власти в пользу демократов может обеспечить адекватное решение данного вопроса. Такого изменения можно добиться только в борьбе, а не на переговорах. Это не означает, что к переговорам не следует прибегать никогда. Смысл в том, что переговоры не являются реалистичным способом устранить сильную диктатуру при отсутствии мощной демократической оппозиции.

Естественно, возможности вступить в переговоры может и не возникнуть. Надежно обосновавшиеся диктаторы, уверенные в своем положении, могут отказаться вести переговоры со своими демократическими оппонентами. Или же после начала переговоров участники с демократической стороны могут исчезнуть без следа.

СДАЧА ПОЗИЦИЙ В ХОДЕ ПЕРЕГОВОРОВ?

Отдельные лица и группы, находящиеся в оппозиции диктатуре и выступающие за переговоры, часто имеют благородные цели. Особенно, когда вооруженные столкновения с жестоким режимом продолжались годами, не достигнув решающей победы, становится понятным, что все люди любой политической ориентации хотят мира. Переговоры в особенности становятся желательными среди демократов, когда диктаторы имеют явное военное превосходство и жертвы и разрушения среди собственного народа становятся непереносимыми. В таком случае появляется сильный соблазн использовать любую другую возможность, которая способна помочь демократам достичь некоторых своих целей и при этом положить конец цепи насилия и насильственных контрмер.

Предложение «мира» путем переговоров с демократической оппозицией со стороны диктатуры, естественно, не является искренним. Насилие может быть прекращено в любой момент самими диктаторами, если только они остановят войну против собственного народа. Без всяких переговоров и по собственной инициативе они могут восстановить уважение достоинства и прав человека, освободить политических заключенных, прекратить пытки, остановить военные операции, выйти из правительства и принести свои извинения народу.

Когда диктатура сильна, но существует раздражающее сопротивление, диктаторы могут решить провести переговоры с оппозицией, чтобы заставить их сдаться под предлогом заключения «мира». Призыв к переговорам может казаться привлекательным, но в ходе переговоров может возникнуть серьезная опасность.

С другой стороны, если оппозиция исключительно сильна и представляет истинную угрозу диктатуре, диктаторы могут предложить переговоры, чтобы сохранить за собой как можно большую часть власти или богатства. В любом из этих случаев демократы не должны помогать диктаторам достичь своих целей.

Демократам необходимо остерегаться ловушек, намеренно поставленных диктаторами в ходе переговоров. Призыв к переговорам, когда ставкой являются вопросы политических свобод, может оказаться попыткой диктаторов заставить демократов мирно сдать позиции при сохранении насилия со стороны диктатуры. В такого рода конфликтах переговоры могут сыграть единственную роль в конце решительной борьбы, в ходе которой власть диктаторов уничтожена и они ищут доступа в международный аэропорт.

ВОПРОСЫ ВЛАСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПЕРЕГОВОРАХ

Если данный тезис представляется слишком жестким для обсуждения темы переговоров, необходимо умерить романтическое представление о них. Требуется четкое понимание того, как проводятся переговоры.

«Переговоры» не означают, что две стороны садятся за стол и на основе равенства обсуждают и разрешают противоречия, которые вызвали конфликт между ними. Необходимо помнить о двух фактах. Во-первых, в ходе переговоров содержание возможного соглашения определяется не сравнительной справедливостью конфликтных взглядов и целей. Во-вторых, содержание возможного соглашения во многом определяется реальной силой каждой из сторон.

Необходимо учитывать несколько трудных вопросов. Что может сделать каждая из сторон позднее для достижения своих целей, если другая сторона не пойдет на соглашение за столом переговоров? Что может сделать каждая из сторон после заключения соглашения, если другая сторона нарушит свое слово и использует наличные силы для достижения своих целей, несмотря на соглашение?

Разрешение проблемы путем переговоров не достигается оценкой справедливости обсуждаемых проблем. Хотя это и может послужить предметом интенсивных обсуждений, реальные результаты переговоров возникают из оценки абсолютной и сравнительной силы сторон в переговорах. Что могут сделать демократы, чтобы их минимальные требования не были отвергнуты? Что могут сделать диктаторы, чтобы сохранить власть и нейтрализовать демократов? Другими словами, если соглашение достигается, то в основном в результате того, что каждая из сторон сравнивает свои возможности с возможностями противной стороны и определяет, к чему может привести открытая борьба.

Необходимо также уделить внимание тому, какие уступки готова сделать каждая из сторон, чтобы достичь соглашения. В успешных переговорах присутствует компромисс, взаимные уступки. Каждая из сторон получает часть того, чего добивается, и уступает часть своих требований.

Что могут уступить диктаторам продемократические силы в случаях экстремальной диктатуры? С какими целями диктаторов могут согласиться продемократические силы? Должны ли демократы оставить диктаторам (будь то политическая партия или военная клика) конституционно закреплённую постоянную роль в будущем правительстве? В чем тут заключается демократия?

Даже предположив, что переговоры проходят успешно, необходимо задаться вопросом: какого рода мир наступит? Станет жизнь лучше или хуже, чем могла бы быть в случае начала или продолжения борьбы демократами?

«УСТУПЧИВЫЕ» ДИКТАТОРЫ

Диктаторы могут иметь различные мотивы и цели для закрепления своего владычества: власть, положение, богатство, перестройка общества и т. д. Нельзя забывать, что ни одна из этих целей не будет достигнута, если они лишатся своего доминирующего положения. В случае переговоров диктаторы будут пытаться сохранить за собой то, к чему стремились.

Какие бы обещания ни давали диктаторы в рамках соглашения, ни в коем случае нельзя забывать, что диктаторы могут обещать что угодно в целях добиться уступок со стороны демократической оппозиции, а затем грубо нарушить эти же соглашения.

Если демократы дадут согласие прекратить сопротивление в ответ на приостановку репрессий, они могут быть сильно разочарованы. Прекращение сопротивления редко приводит к сокращению репрессий. После устранения воздействия внутренней и международной оппозиции диктаторы способны сделать угнетение и насилие еще более жестоким, чем ранее. Распад народного сопротивления часто устраняет уравновешивающую силу, которая ограничивает власть и жестокость диктатуры. В таком случае тираны могут предпринимать действия против кого угодно.

«Так как тиран обладает властью ровно настолько, насколько нам не хватает силы противиться ей», — писал Кришналар Шридарани.

Там, где вопрос ставится по фундаментальным проблемам, для изменения положения в конфликте важно сопротивление, а не переговоры. Почти во всех случаях для лишения диктаторов власти сопротивление должно продолжаться. Успех в большинстве случаев определяется не

переговорами о соглашении, а компетентным использованием всех наиболее соответствующих и мощных средств сопротивления. По нашему убеждению, наиболее мощным существующим средством для борцов за свободу является политическое неповиновение, или ненасильственная борьба, о чем подробнее говорится ниже.

КАКОГО РОДА МИР?

Если диктаторы и демократы ведут переговоры о мире, необходимо чрезвычайно четко мыслить, так как это чревато опасностями. Не все, кто употребляют слово «мир», добиваются мира, предполагающего свободу и справедливость. Подчинение грубому угнетению и пассивная уступка диктаторам, которые зверски обращались с сотнями тысяч людей, не является настоящим миром. Гитлер неоднократно призывал к миру, под которым он понимал подчинение его воле. Мир для диктатора часто означает ничего более, чем мир тюрьмы или могилы.

Существуют и другие опасности. В переговорах с благородными намерениями иногда пугают цели переговоров или сам процесс ведения переговоров. Далее, демократические участники переговоров или иностранные эксперты по переговорам, приглашенные в помощь на переговорах могут одним махом обеспечить диктаторам легитимность на местном и международном уровне, в которой им до сих пор было отказано из-за захвата государственной власти, нарушений прав человека и жестокости. Без законного статуса, в котором они отчаянно нуждаются, диктаторы не могут продолжать править бесконечно. Сторонники мира не должны предоставлять им такого статуса.

ИСТОЧНИКИ НАДЕЖДЫ

Как указывалось выше, лидеры оппозиции могут быть вынужденными вступить в переговоры из-за чувства безнадежности борьбы за демократию. Однако это чувство безнадежности можно изменить. Диктатура не является вечной. Люди, живущие под гнетом диктатуры, не становятся слабыми, диктаторам нельзя позволять оставаться у власти бесконечно. Аристотель давно отмечал: «Жизнь олигархии и тирании более коротка, чем у другого государственного устройства. Нигде тирания не существовала долго». Современные диктатуры также уязвимы. Их слабости можно усугубить и таким образом расшатать власть диктатора. (Такие слабости более подробно рассматриваются в главе 4).

Современная история выявляет уязвимость диктатур и показывает, что они могут пасть в сравнительно короткий срок: в то время как десять лет, с 1980 по 1990 г.г., понадобилось для свержения коммунистической диктатуры в Польше, в Восточной Германии и Чехословакии в 1989 г. это произошло в течение считанных недель. В Сальвадоре

и Гватемале в 1944 г. понадобилось примерно две недели борьбы в каждой из стран, чтобы покончить с прочно укоренившимися жестокими военными диктаторами. Мощный милитаризованный режим шаха Ирана был подорван в течение нескольких месяцев. Диктатор Маркос на Филиппинах в 1986 г. был свергнут народной властью в течение нескольких недель, а правительство США быстро перестало поддерживать президента Маркоса, когда мощь оппозиции стала очевидной. Попытка переворота в Советском Союзе сторонниками старого режима в августе 1991 г. с помощью политического неповиновения была заблокирована в течение нескольких дней. Впоследствии, многие из народов, долгие годы находившихся под его властью, вернули себе независимость в течение дней, недель и месяцев.

Старое мнение, что силовые действия всегда срабатывают быстро, в то время как ненасильственные средства требуют значительного времени, явно перестало быть справедливым. Хотя может потребоваться немало времени, чтобы изменить глубинную ситуацию и общество, сама борьба против диктатуры с помощью ненасильственных методов иногда протекает сравнительно быстро.

Переговоры не являются единственной альтернативой продолжительной войне на уничтожение, с одной стороны, и капитуляцией, с другой. Приведенные здесь примеры, а также примеры из главы 1, показывают, что существует еще одна возможность для тех, кто добивается мира и свободы: политическое неповиновение.

3. ОТКУДА БЕРЕТСЯ СИЛА?

Добиться свободы мирным путем, конечно, не простая задача. Она требует большого стратегического умения, организации и планирования. Что важнее всего, она требует силы. Демократы не могут надеяться свергнуть диктатуру и добиться политической свободы без способности эффективно применить собственную силу.

Как это можно осуществить? Какую силу может мобилизовать демократическая оппозиция, чтобы она оказалась достаточной для разрушения диктатуры и ее широкой военной и полицейской системы? Ответ заключается в часто игнорируемом понимании политической силы. Изучить ее сущность не так трудно. Некоторые основные понятия довольно просты.

СКАЗКА О «ПОВЕЛИТЕЛЕ ОБЕЗЬЯН»

Притча Лю Джи, китайского сказителя четырнадцатого века, например, весьма четко характеризует забытое понимание политической власти: «В феодальном государстве Чу жил старик, который держал

в качестве прислуги обезьян. Население Чу называло его „Джи гонг“ (повелитель обезьян).

Каждое утро старик собирал обезьян в своем дворе и приказывал старейшей обезьяне вести остальных в горы собирать фрукты с деревьев и кустов. По правилу, каждая обезьяна должна была отдавать одну десятую собранного старику. Тех, кто не делал этого, безжалостно пороли. Все обезьяны жестоко страдали, но не рещались жаловаться.

Однажды маленькая обезьянка спросила остальных: „Сжал ли старик эти фруктовые деревья и кустарники?“ Остальные ответили: „Нет, они сами выросли“. Тогда маленькая обезьяна опять спросила: „Разве мы не можем собирать фрукты без разрешения старика?“ Остальные ответили: „Да, можем“. Маленькая обезьяна продолжала: „Тогда, почему мы должны зависеть от старика, почему мы все должны служить ему?“

Еще не кончила говорить маленькая обезьяна, как все обезьяны внезапно поняли и пробудились.

Той же ночью, увидев, что старик уснул, обезьяны разрушили барьеры, за которыми их держали и полностью разрушили частокол. Они также забрали фрукты, которые старик держал в хранилище, унесли их в лес и больше не возвращались. Вскоре после этого старик умер от голода.

А маленькая обезьянка была не права подбивая всех на бунт против старика. Когда они сбежали, своровав бананы, большие обезьяны отняли у нее все бананы. И продолжали отнимать, пока она не умерла с голоду. Перед смертью она поняла, что старик исполнял полезную функцию справедливого распределения доходов, за что не грех и заплатить».

Ю-ли-зи говорил: «Некоторые правят своими народами с помощью трюков, а не справедливых принципов. Разве они не похожи на повелителя обезьян? Они не подозревают о своей глупости. Как только их народ образумится, их трюки больше не срабатывают».

НЕОБХОДИМЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Принцип прост. Диктаторы нуждаются в помощи людей, которыми они правят, без этого они не в состоянии обеспечить и сохранить источники политической власти. Такие источники политической власти включают:

- авторитет, уверенность людей, что власть является законной и что их моральный долг подчиняться ей;
- человеческие ресурсы, число и значение лиц и групп, которые подчиняются, сотрудничают или предоставляют помощь правителям;

- умения и знания, необходимые для режима, чтобы выполнять конкретные действия и предоставляемые сотрудничающими лицами и группами;
- нематериальные факторы, психологические и идеологические факторы, заставляющие людей подчиняться и оказывать помощь правителям;
- материальные ресурсы, степень контроля или доступа правителей к богатству, природные ресурсы, финансовые ресурсы, экономическая система, а также средства связи и транспорта;
- санкции, наказания, грозящие или применяемые против непослушных или отказывающихся сотрудничать, чтобы заставить их подчиниться и сотрудничать, необходимые для существования режима и проведения его политики.

Все данные источники, однако, зависят от принятия режима, от подчинения и послушания населения, от сотрудничества многочисленных людей и многих институтов общества. Их присутствие не может быть гарантировано.

Полное сотрудничество, послушание и поддержка увеличивают число необходимых источников силы и, соответственно, расширяют возможности власти любого правительства.

С другой стороны, с сокращением сотрудничества с агрессорами и диктаторами со стороны народа и институтов может истощить источники силы, от которых зависят все правители. Без таких источников власть правителей ослабляется и в конечном итоге растворяется.

Естественно, диктаторы чувствительны к действиям и идеям, которые угрожают их возможностям поступать, как им хочется. Поэтому диктаторы предпочитают угрожать и наказывать тех, кто не подчиняется, бастует или отказывается сотрудничать. Однако это еще не все. Репрессии, даже жестокость, не всегда обеспечивают возврат к необходимому уровню подчинения и сотрудничества, позволяющему режиму функционировать.

Если, несмотря на репрессии, источники силы могут быть ослаблены или перекрыты на достаточное время, первоначальным результатом для диктатуры станут неуверенность и замешательство. Затем может последовать явное ослабление власти диктатуры. Со временем исчезновение источников силы может вызвать паралич и бессилие режима и, в серьезных случаях, его развал. Власть диктатуры, постепенно или быстро, исчезнет от политического истощения.

Из этого следует, что свободолюбие или тирания любого правительства в большой степени являются отражением решимости народа оставаться свободным и его желания и способности противостоять попыткам поработить его.

В противоположность распространенному мнению, даже тоталитарные диктатуры зависят от населения и общества, которым они правят. Как отметил политолог Карл В. Дойч в 1953 г.: «Тоталитарная власть сильна только тогда, когда ее не нужно слишком часто употреблять. Если тоталитарную власть приходится использовать постоянно против всего населения, она едва ли останется сильной в течение длительного времени. Поскольку тоталитарные режимы требуют больше власти для управления своими подданными, чем другие формы правления, таким режимам требуется более широкая и надежная привычка к подчинению среди людей; более того, им приходится при необходимости полагаться на активную поддержку, по крайней мере, значительной части населения».

Английский теоретик права девятнадцатого века Джон Остин описал положение диктатуры перед лицом разочарованного народа. Остин утверждал, что если большинство населения полно решимости ликвидировать правительство и для этого готово терпеть репрессии, тогда мощь правительства, включая тех, кто его поддерживает, не спасет ненавистное правительство, даже при иностранной поддержке. Остин заключает, что борющийся народ невозможно вернуть к постоянному подчинению и покорности.

Никколо Макиавелли еще ранее утверждал, что правитель, «для которого все общество является врагом, не может чувствовать себя в безопасности; чем шире жестокость, тем слабее становится его режим».

Политическое применение на практике данных положений продемонстрировано героическими борцами сопротивления в Норвегии против нацистской оккупации и, как упоминалось в главе 1, мужественными поляками, немцами, чехами, словаками и многими другими, которые оказали сопротивление коммунистической агрессии и диктатуре и в конце концов способствовали крушению коммунистического правления в Европе. Это, конечно, не новое явление: случаи ненасильственного сопротивления известны еще примерно с 494 г. до н. э., когда плебеи лишили своей поддержки своих римских хозяев-патрициев. Ненасильственная борьба применялась в различные эпохи народами не только Европы, но и Азии, Африки, обеих Америк, Австралии и островов Тихого океана.

Таким образом, три важнейших фактора, определяющие, до какой степени власть правительства будет контролироваться или оставаться бесконтрольной, включают: (1) относительное стремление населения устанавливать границы власти правительства; (2) сравнительная способность независимых организаций и институтов подданных коллективно перекрывать источники силы; (3) относительная способность населения отказывать в согласии и поддержке.

ЦЕНТРЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Одной из характеристик демократического общества является существование множества неправительственных групп и институтов, независимых от государства. Например, сюда входят семьи, религиозные организации, культурные ассоциации, спортивные клубы, экономические институты, профсоюзы, ассоциации студентов, политические партии, деревни, ассоциации по месту жительства, кружки садоводов, правозащитные организации, музыкальные группы, литературные общества и др. Такие органы важны преследованием собственных целей, а также помощью в достижении социальных целей.

Кроме того, данные органы имеют большое политическое значение. Они обеспечивают групповую и институциональную основу, с помощью которой люди могут оказывать влияние на управление обществом или препятствовать другим группам или правительству, когда те несправедливо ущемляют их интересы, препятствуют деятельности или достижению целей. Отдельные лица, не являющиеся членами таких групп, обычно не могут оказать значительное влияние на остальную часть общества, не говоря уже о правительстве, и, конечно же, о диктатуре.

Соответственно, если автономия и свобода таких органов отбирается диктатурой, население становится сравнительно беспомощным. Кроме того, если подобные институты сами могут находиться под диктаторским контролем центрального режима или заменяться новыми подконтрольными организациями, их можно использовать для господства как над отдельными членами, так и над слоями общества.

Однако если можно сохранить или возратить автономию и свободу таких независимых гражданских институтов (от контроля правительства), они становятся весьма важными для применения политического неповиновения. Общей чертой приведенных примеров разрушения или ослабления диктатуры является решительное массовое применение политического неповиновения со стороны населения и его институтов.

Как говорилось выше, данные центры силы обеспечивают институциональную основу, с помощью которой население может оказывать давление или сопротивление диктаторскому правлению. В будущем они станут частью важнейшей структурной основы свободного общества. Таким образом, сохранение их независимости и развитие часто является обязательным условием успеха освободительной борьбы.

Если же диктатура с успехом разрушила или поставила под контроль независимые органы общества, важно, чтобы борцы создали новые независимые социальные группы и институты или вернули демократическое управление оставшимися или частично контроли-

руемыми органами. Во время венгерской революции 1956-1957 гг. возникло множество истинно демократических советов, которые даже объединялись друг с другом, образовав на несколько недель целую объединенную систему институтов и органов самоуправления. В Польше в конце 1980 г. рабочие создали подпольные профсоюзы «Солидарность» и в некоторых случаях брали под контроль официальные профсоюзы, находящиеся под коммунистическим управлением. Такие институциональные изменения могут иметь весьма важные политические последствия.

Естественно, сказанное не означает, что ослабление и разрушение диктатуры — легкая задача, или что каждая попытка увенчается успехом. Конечно, это не означает, что борьба не приведет к жертвам, так как служители диктаторов будут давать отпор в попытке заставить население возобновить сотрудничество и послушание.

Однако приведенный выше анализ власти означает, что преднамеренное разрушение диктатуры возможно. Диктатура обладает характерными особенностями, которые делают ее весьма чувствительной к умело применяемому политическому неповиновению. Рассмотрим данные особенности более подробно.

4. СЛАБОСТИ ДИКТАТУРЫ

Диктатура часто представляется неуязвимой. Служба разведки, полиция, вооруженные силы, тюрьмы, концентрационные лагеря и карательные отряды подконтрольны нескольким представителям власти. Финансы страны, ее природные ресурсы и производственные мощности часто произвольно разоряются диктаторами для осуществления своей диктаторской воли.

Напротив, демократические оппозиционные силы часто представляются чрезвычайно слабыми, неэффективными и безвластными. Такое восприятие неуязвимости в сравнении с беспомощностью делает эффективную борьбу маловероятной.

НАХОЖДЕНИЕ АХИЛЛЕСОВОЙ ПЯТЫ

Миф из греческой классики хорошо иллюстрирует уязвимость якобы неуязвимых. Ахиллеса невозможно было ранить, меч не проникал в его тело. По преданию, еще в детском возрасте мать Ахиллеса купала его в водах волшебной реки Стикс, что предохранило его тело от всех опасностей. Однако оставалась одна проблема. Поскольку ребенка держали за пятку, чтобы его не унесло течением, волшебная вода не омыла данную часть его тела. Когда Ахиллес вырос, все считали его неуязвимым для вражеского оружия. Однако в битве против Трои, вражеский солдат, по инструкции тех, кто знал слабость Ахиллеса, на-

целил стрелу на его незащищенную пятку, единственное место, в которое его можно было ранить. Рана оказалась смертельной. Сегодня фраза «ахиллесова пята» означает уязвимое место человека, плана или учреждения, которое не защищено в случае нападения.

Тот же принцип относится и к безжалостным диктатурам. Они также могут быть разгромлены, быстро и при минимальных потерях, если их слабости определены и атака концентрируется именно на них.

СЛАБОСТИ ДИКТАТУР

Слабости диктатур включают:

1. Сотрудничество множества людей, групп или институтов, необходимых для управления системой, может быть ограничено или прекращено.
2. Требования и результаты прошлой политики режима несколько ограничивают его способность вырабатывать и проводить в жизнь конфликтную политику в настоящее время.
3. Система в своем функционировании может стать инертной, менее способной быстро адаптироваться к новой ситуации.
4. Люди и ресурсы, уже выделенные для выполнения существующих задач, не могут быть легко перенацелены на выполнение новых требований.
5. Подчиненные, боясь вызвать недовольство начальства, могут давать неточную или неполную информацию, необходимую для принятия решений диктаторами.
6. Идеология может стать расплывчатой, а мифы и символы системы шаткими.
7. Если существует сильная идеология, влияющая на восприятие реальности, строгая приверженность ей может вызвать невнимание к действительным условиям и потребностям.
8. Снижение эффективности и компетентности бюрократического аппарата или чрезмерный контроль и регулирование могут сделать неэффективными политику и функционирование системы.
9. Внутренние институциональные конфликты и личное соперничество и вражда могут повредить или даже разложить функционирование диктатуры.
10. Интеллигенция и студенты могут проявлять беспокойство в ответ на складывающиеся условия, ограничения, доктринерство и репрессии.
11. Общество в целом со временем может стать апатичным, скептическим или даже враждебным по отношению к режиму.
12. Могут обостриться региональные, классовые, культурные или национальные конфликты.

13. Иерархия власти диктатуры всегда до некоторой степени нестабильна, а временами чрезвычайно нестабильна. Отдельные лица не только сохраняют свое положение в системе, они продвигаются в должности или переводятся на другие позиции, или же устраняются и заменяются другими лицами.

14. Отдельные круги полицейских или вооруженных сил могут действовать в собственных интересах, даже против воли авторитетных диктаторов, включая переворот.

15. Для новой диктатуры требуется время, чтобы укрепить свое положение.

16. Поскольку решения в рамках диктатуры принимаются весьма немногими людьми, вероятны ошибки в суждениях, политике или действиях.

17. Если режим в попытках избежать таких ошибок прибегает к децентрализации контроля и принятия решений, его контроль над центральным уровнем власти может быть еще более ослаблен.

АТАКА НА СЛАБОСТИ ДИКТАТУРЫ

Зная о таких естественных слабостях, демократическая оппозиция может попытаться намеренно усугубить «ахиллесову пяту» в целях добиться коренных изменений системы или разрушить ее.

В таком случае, вывод ясен: несмотря на кажущуюся мощь, все диктатуры имеют слабости, внутреннюю неэффективность, личную вражду, институциональную неэффективность, конфликты между организациями и ведомствами. Такие слабости со временем имеют тенденцию снижать эффективность режима и делать его уязвимым к изменению условий и решительному сопротивлению. Не все, что режим планирует, исполняется. Временами, например, даже прямые приказы Гитлера не выполнялись, так как его подчиненные в иерархии оказывались их выполнять. Иногда диктаторский режим даже может быстро развалиться, как было отмечено выше.

Это не означает, что диктатуры могут разрушаться без риска и жертв. Любой курс борьбы за освобождение предполагает риск и потенциальные страдания и требует времени для осуществления. Кроме того, естественно, что никакие действия не гарантируют быстрый успех в любой ситуации. Однако борьба, направленная на определенные слабости диктатуры, имеет больше шансов на успех, чем та, которая нацелена на наиболее сильные стороны диктатуры. Вопрос в том, каким образом такая борьба ведется.

5. СУЩЕСТВУЮЩАЯ ВЛАСТЬ

В главе 1 мы отмечали, что вооруженное сопротивление диктатуре бьет не по самому слабому месту, а наоборот, по наиболее сильному. Избрав соперничество в области вооруженных сил, снабжения боеприпасами, технологии изготовления оружия и т. д., движение сопротивления ставит себя в весьма невыгодное положение. Диктатура почти всегда в этих областях имеет подавляющее преимущество. Опасность полагаться на спасение со стороны иностранных государств также обсуждалась. В главе 2 мы рассмотрели проблемы выбора переговоров в качестве способа ликвидации диктатуры.

В таком случае, какие пути существуют для демократической оппозиции, которые дали бы ей значительное преимущество и усугубили обнаруженные слабости диктатуры? Какой способ действий может основываться на теории политической власти, обсуждаемой в главе 3? Альтернативным выбором является политическое неповиновение.

Политическое неповиновение обладает следующими характеристиками:

- Оно не признает, что исход борьбы будет решаться средствами, избранными диктатурой.
- Диктатуре трудно бороться с ним.
- Оно может значительно усугубить слабости диктатуры и перекрыть ее источники силы.
- Оно на деле может распространяться широко или концентрироваться на конкретной цели.
- Оно приводит к ошибкам в суждении или действиях диктаторов.
- Оно может эффективно вовлекать население в целом или общественные группы и институты в борьбу за ликвидацию жестокой власти отдельных лиц.
- Оно помогает распределить реальную власть в обществе, расширяя возможности построения и поддержания демократического общества.

ВЕДЕНИЕ НЕНАСИЛЬСТВЕННОЙ БОРЬБЫ

Подобно вооруженным силам, политическое неповиновение может быть использовано в различных целях, от оказания влияния на противников с целью вызвать определенные действия или создания условий для мирного разрешения конфликта до разрушения ненавистного режима. Однако политическое неповиновение проводится способами, отличными от насилия. Несмотря на то, что оба способа являются средствами ведения борьбы, они предполагают различные методы и вызывают различные последствия. Способы проведения и результаты вооруженного конфликта хорошо известны. В целях запугивания, поражения, уничтожения и разрушения используется физическое оружие.

Ненасильственная борьба намного более сложное и разнообразное средство борьбы, чем насилие. Вместо насилия, борьба ведется психологическим, социальным, экономическим и политическим оружием, применяемым населением и общественными институтами. Такое оружие известно под различными именами протестов, забастовок, отказа в сотрудничестве, бойкотов, выражения недовольства и народного самоуправления. Как указывалось выше, любое правительство может править постольку, поскольку оно способно пополнять необходимые источники силы путем сотрудничества, подчинения и послушания со стороны населения и общественных институтов. В отличие от насилия, политическое неповиновение обладает уникальной способностью перекрывать такие источники власти.

НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ ОРУЖИЕ И ДИСЦИПЛИНА

Распространенной ошибкой прошлых кампаний политического неповиновения являлась ставка всего на один или два метода, например, забастовки и массовые демонстрации. На деле же существует множество методов, позволяющих стратегам сопротивления по мере необходимости концентрировать борьбу или распылять ее.

Известно примерно двести конкретных методов ненасильственных действий, на деле их наверняка намного больше. Такие методы разбиваются на три общих категории: протест и убеждение, отказ от сотрудничества и вмешательство. Методы ненасильственного протеста и убеждения в основном включают символические демонстрации, в том числе процессии, марши и пикеты (54 метода). Отказ от сотрудничества разделяется на четыре подкатегории: (а) отказ в социальном сотрудничестве (16 методов), (б) отказ в экономическом сотрудничестве, в том числе, бойкоты (26 методов) и забастовки (23 метода), и отказ в политическом сотрудничестве (38 методов). Ненасильственное вмешательство с использованием психологических, физических, социальных, экономических или политических средств, таких как голодовка, ненасильственная оккупация и параллельное самоуправление (41 метод), образует последнюю группу. Список 198 методов включен в настоящую публикацию в качестве Приложения (список опущен нами – прим. Aesthetoscope).

Использование значительного числа методов, тщательно отобранных, последовательно и широко применяемых, включенных в контекст мудрой стратегии и соответствующей тактики, осуществляемых обученными гражданами, может создать серьезные проблемы для любого незаконного режима. Это относится ко всем диктатурам.

В отличие от средств вооруженной борьбы, методы ненасильственной борьбы могут концентрироваться непосредственно на фундамен-

тальных вопросах. Например, поскольку проблема диктатуры лежит в основном в политической плоскости, совершенно необходимо использовать политические формы ненасильственной борьбы. Они должны включать в себя непризнание легитимности диктаторов и отказ от сотрудничества с их режимом. Отказ от сотрудничества может также быть направленным против определенной политики. Время от времени можно незаметно или даже секретно практиковать намеренные задержки и отсрочки, в то же время открытое неповиновение и оппозиционные публичные демонстрации и забастовки могут проводиться у всех на виду.

С другой стороны, если диктатура уязвима для экономического давления или многие жалобы населения являются экономическими, в таком случае наиболее подходящими методами сопротивления могут оказаться экономические действия, такие как бойкоты или забастовки. Попытки диктаторов использовать экономическую систему можно встретить общими забастовками ограниченного масштаба, замедленной работой и отказом работать (или исчезновением) незаменимых экспертов. Селективное использование различных типов забастовок можно использовать в ключевые моменты производства, транспортировки, поставок сырья и распределения продукции.

Некоторые методы ненасильственной борьбы требуют от людей совершать поступки, не связанные с их повседневной жизнью, например, раздавать листовки, издавать подпольную прессу, объявлять голодовку и устраивать сидячую забастовку на улице. Такие методы для некоторых людей могут оказаться трудными, кроме исключительных ситуаций.

Другие методы ненасильственной борьбы, наоборот, требуют, чтобы люди продолжали жить своей нормальной жизнью, хотя и на другой манер. Например, люди приходят на работу вместо забастовки, но намеренно работают медленнее и менее эффективно, чем обычно. Более часто возникают намеренные «ошибки». Кто-то в определенный момент «заболел» или «не может работать». Или же можно просто отказаться работать. Кто-то может участвовать в религиозной церемонии, когда данное действие выражает не только религиозные, но и политические убеждения. Люди могут совершать действия по защите детей от пропаганды путем обучения на дому или на подпольных курсах обучения. Некоторые могут отказаться вступить в определенные «рекомендуемые» или требуемые организации, в которые не было свободного приема в прошлом. Подобие таких типов действий обычной деятельности людей и ограниченное отклонение от их нормальной жизни может намного облегчить людям участие в национальной освободительной борьбе.

Поскольку ненасильственная борьба и насилие осуществляются принципиально различными способами, даже ограниченное насильственное сопротивление в ходе кампании политического неповиновения будет вредным, так как сдвинет борьбу в область, в которой диктаторы имеют подавляющее преимущество (вооружения). Дисциплина ненасильственных действий является ключом к успеху и должна поддерживаться, несмотря на провокации и жестокости диктаторов и их агентов.

Соблюдение дисциплины ненасильственных действий против противников, применяющих насилие, способствует работе четырех механизмов изменения ненасильственной борьбы (описаны ниже). Дисциплина ненасильственных действий также чрезвычайно важна в процессе политического джиу-джитсу. В данном процессе откровенная жестокость режима против явно ненасильственных действий оппозиции наносит политический удар по позиции диктаторов, вызывая недовольство в их собственных рядах, а также укрепляя поддержку участников сопротивления среди населения вообще, обычных сторонников режима и третьих лиц.

Однако в некоторых случаях ограниченное насилие против диктатуры может оказаться неизбежным. Гнев и ненависть к режиму может привести к взрыву насилия. Кроме того, некоторые группы могут не согласиться остановить насильственные действия, хотя и признают важную роль ненасильственной борьбы. В таких случаях нет необходимости отказываться от политического неповиновения. Однако требуется как можно дальше развести насильственные действия и ненасильственные. Это необходимо сделать в отношении географического нахождения, групп населения, времени и целей проведения. В противном случае насилие может оказать губительный эффект на потенциально гораздо более мощное и успешное использование политического неповиновения.

Исторические данные показывают, что, хотя в ходе политического неповиновения можно ожидать жертв и пострадавших, их число будет гораздо меньше, чем число жертв при вооруженных действиях. Кроме того, данный тип борьбы не продлевает бесконечный цикл убийств и жестокости.

Ненасильственная борьба предполагает и имеет тенденцию утраты боязни правительства или его репрессий (или приобретение контроля над ней). Такая утеря боязни или контроль над ней является ключевым элементом разрушения власти диктаторов над всем населением.

ОТКРЫТОСТЬ, СЕКРЕТНОСТЬ И ВЫСОКИЕ СТАНДАРТЫ

Секретность, обман и подпольная деятельность представляют собой весьма трудную проблему для движения, использующего ненасильственные действия. Часто невозможно скрыть от политической полиции и секретных служб свои намерения и планы. С точки зрения перспектив движения, секретность не только связана со страхом, она способствует возникновению чувства страха, что гасит дух сопротивления и сокращает число людей, которые могут участвовать в данной акции. Секретность также способна вызвать подозрения и обвинения, часто несправедливые, внутри движения, в отношении того, кто является информатором или агентом противника. Секретность также может повлиять на способность движения оставаться ненасильственным. В отличие от нее, открытость намерений и планов не только оказывает противоположное действие, но и помогает создать впечатление, что движение сопротивления является весьма мощным. Конечно, проблема более сложна, чем представляется на первый взгляд, и в действиях сопротивления имеются важные аспекты, требующие секретности. В конкретной ситуации для тех, кто посвящен в динамику ненасильственной борьбы и знает о средствах наблюдения диктатуры, требуется оценка, основанная на надежной информации.

Редактирование, печатание и распространение подпольных публикаций, использование нелегальных передач радио внутри страны и сбор разведывательной информации об операциях диктатуры являются специальными действиями ограниченного масштаба, требующими высокой степени секретности.

Поддержание высокой дисциплины в ненасильственных акциях требуется на всех стадиях конфликта. Такие факторы, как бесстрашие и поддержание дисциплины ненасильственных действий, требуются всегда. Важно помнить, что для осуществления конкретных изменений часто требуется участие большого количества людей. В то же время, такое количество людей в качестве надежных участников можно обеспечить, лишь поддерживая высокие стандарты организации движения.

ИЗМЕНЕНИЕ СООТНОШЕНИЯ СИЛ

Стратегам необходимо помнить, что конфликт с применением политического неповиновения является постоянно меняющимся полем борьбы с непрерывным взаимодействием действий и противодействий. Нет ничего статичного. Соотношение сил может постоянно и быстро меняться. Это становится возможным, если участники сопротивления упорно продолжают ненасильственные действия, несмотря на репрессии.

Вариантов соотношений сил участвующих сторон в такого рода конфликтной ситуации значительно больше, чем в конфликтах с применением насилия, они возникают быстрее и имеют гораздо более разнообразные политически значимые последствия. Благодаря такому разнообразию, конкретные акции участников сопротивления могут иметь последствия, далеко выходящие за рамки определенного времени или места проведения. Такие последствия будут отзываться эхом и способствовать усилению или ослаблению той или иной группы.

Кроме того, группа, применяющая ненасильственные действия, может оказывать влияние, увеличивающее или уменьшающее относительную силу группы противника в значительно большей степени, чем в вооруженных конфликтах. Например, дисциплинированное мужественное ненасильственное сопротивление перед лицом жестокости диктаторов может вызвать беспокойность, недовольство, неуверенность или, в экстремальных ситуациях, даже восстание среди собственных солдат диктаторов и населения. Данное сопротивление также может привести к широкому международному осуждению диктатуры. Кроме того, умелое, дисциплинированное и последовательное использование политического неповиновения может привести ко все более широкому участию в сопротивлении людей, которые обычно оказывают пассивную поддержку диктатуре или, как правило, остаются нейтральными в конфликте.

ЧЕТЫРЕ МЕХАНИЗМА ИЗМЕНЕНИЙ

Ненасильственная борьба вызывает изменения четырьмя способами. Первый механизм наименее вероятен, хотя были случаи его проявления. Если члены группы противника эмоционально тронуты страданиями от репрессий против мужественных участников ненасильственного сопротивления или рационально убеждаются в справедливости дела движения сопротивления, они могут принять цели участников сопротивления. Данный механизм называется переменной убеждений. Хотя случаи перемены убеждений в ходе ненасильственных акций случаются, это происходит редко и в большинстве конфликтов не наблюдается или встречается не в широких масштабах.

Гораздо чаще ненасильственная борьба приводит к такому изменению конфликтной ситуации и общества, что противник просто не может поступать так, как хотел бы. Именно такое изменение вызывают остальные три механизма: приспособление, ненасильственное принуждение и разрушение. Который из них возникает, зависит от той степени, в которой относительное и абсолютное соотношение сил меняется в пользу демократов.

Если на повестке дня стоят вопросы, не имеющие фундаментального характера, требования оппозиции в ходе ограниченной кампании не рассматриваются, как угрожающие, а противостояние в некоторой степени изменило соотношение сил, данный конфликт может привести к заключению соглашения, сделке или компромиссу. Например, многие забастовки заканчиваются таким способом, когда каждая из сторон добивается некоторых из своих целей, но ни одна не получает всего. Правительство может рассматривать такое соглашение в качестве позитивного, например, для ослабления напряженности, создания впечатления «справедливости» или укрепления международной репутации режима. Поэтому важно тщательно отбирать проблемы, по которым можно заключать соглашения путем механизма приспособления. Борьба за свержение диктатуры к таким проблемам не принадлежит.

Ненасильственная борьба может оказаться гораздо более мощной, чем представляется из рассмотрения механизмов перемены убеждений или приспособления. Массовый отказ в сотрудничестве и неповиновение могут настолько изменить социальную и политическую обстановку, особенно соотношение сил, что способность диктатуры контролировать экономический, социальный и политический процесс управления обществом на деле исчезает. Вооруженные силы противника могут стать настолько ненадежными, что они просто не могут подчиняться приказам, касающимся репрессий против участников сопротивления. Хотя лидеры противника остаются у власти и по-прежнему преследуют свои изначальные цели, они потеряли способность к эффективным действиям. Это называется ненасильственным принуждением.

В некоторых экстремальных ситуациях условия, вызывающие ненасильственное принуждение, приводят к еще более значительным результатам. Руководство противника теряет способность к действиям и его собственная структура власти распадается. Самоуправление, отказ сотрудничать и неповиновение участников сопротивления становится настолько широким, что у противника не остается даже видимости контроля над ними. Бюрократический аппарат отказывается подчиняться своему руководству. Войска и полиция противника поднимают мятеж. Традиционные последователи противника и население откальваются от бывшего руководства, отказывая ему в праве управлять. Поэтому их поддержка и подчинение прекращаются. Четвертый механизм изменений, развал системы противника настолько полон, что у него нет даже необходимой силы сдаться. Режим просто разваливается на части.

При планировании стратегии освобождения необходимо учитывать данные четыре механизма. Иногда они срабатывают случайно. Однако выбор одного или более из таких механизмов изменения в ходе конфликта дает возможность сформулировать конкретные

взаимодополняющие элементы стратегии. Выбор механизма (или механизмов) зависит от множества факторов, в том числе, от абсолютного и относительного соотношения сил противоборствующих групп, а также подходов и целей группы, ведущей ненасильственную борьбу.

ЭФФЕКТ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕПОВИНОЕНИЯ

В отличие от централизованного воздействия силовых санкций, использование методов ненасильственной борьбы способствует демократизации политического общества по нескольким направлениям.

Одна из сторон демократического воздействия является отрицательной. В отличие от средств вооруженной борьбы, данный метод не включает репрессивных мер под руководством правящей элиты, которые можно было бы направить против населения с целью установить или поддержать диктатуру. Лидеры движения политического неповиновения могут оказывать влияние или давление на своих сторонников, но они не могут бросить их в тюрьму или казнить их за то, что те не согласны с ними или перешли к другим лидерам.

Другая сторона эффекта демократизации является положительной. Ненасильственная борьба дает населению средства сопротивления, которые можно использовать для достижения и защиты своих свобод против существующих или потенциальных диктаторов. Ниже приводятся некоторые из положительных элементов эффекта демократизации, связанных с ненасильственной борьбой:

- Опыт ведения ненасильственной борьбы может повысить уверенность в себе населения в противостоянии угрозам режима и его способности противостоять репрессиям, связанным с насилием.
- Ненасильственная борьба предоставляет средства отказа от сотрудничества и неповиновения, с помощью которых население может оказать сопротивление недемократическому правлению любой диктаторской группы.
- Ненасильственная борьба может использоваться для утверждения практики демократических свобод, например, свободы слова, свободы прессы, независимых организаций и свободы собраний перед лицом репрессивного управления.
- Ненасильственная борьба весьма способствует выживанию, возрождению и укреплению независимых групп и институтов общества, описываемых выше. Они являются важными для демократии, так как способны мобилизовать силу населения и ограничить реальную мощь любого потенциального диктатора.

- Ненасильственная борьба дает средства, при помощи которых население может оказывать воздействие на репрессивные акции полиции и вооруженных сил, принадлежащих диктаторскому правительству.
- Ненасильственная борьба дает методы, с помощью которых население и независимые институты могут в интересах демократии ограничить или перекрыть источники силы правящей элиты, создав угрозу ее способности продолжать властвовать.

СЛОЖНОСТЬ НЕНАСИЛЬСТВЕННОЙ БОРЬБЫ

Как можно заметить из данного обсуждения, ненасильственная борьба является сложным инструментом социальных действий, включающим множество методов, ряд механизмов изменений, а также имеющим конкретные требования к поведению. Для того чтобы стать эффективным, в особенности против диктатуры, политическое неповиновение требует тщательного планирования и подготовки. Будущие участники должны понимать, что от них требуется. Необходимо найти требуемые ресурсы. Стратегам необходимо заранее проанализировать, каким образом наиболее эффективно применить ненасильственную борьбу. Переключим наше внимание на этот жизненно важный элемент: необходимость в стратегическом планировании.

6. НЕОБХОДИМОСТЬ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ

Кампании политического неповиновения против диктатуры можно начинать различными способами. В прошлом такая борьба почти всегда была незапланированной и во многом случайной. Конкретные обиды, с которых начинались акции в прошлом, весьма разнообразны, но часто включали новые жестокости, арест или убийство уважаемой личности, новую репрессивную политику или приказ, нехватку продовольствия, неуважение религиозных верований или годовщины связанного с этим события. Иногда определенный акт диктатуры настолько приводил в ярость население, что оно начинало акции, совершенно не представляя, чем они могут закончиться. В других случаях мужественная личность или небольшая группа начинала акцию, которая приводила к поддержке. Конкретная обида может быть воспринята другими как то, что они также испытали на себе, и они также могут присоединиться к борьбе. Иногда отдельный призыв к сопротивлению от небольшой группы или отдельной личности может вызвать неожиданно широкий отклик.

Хотя спонтанность несет в себе некоторые положительные качества, она также имеет и недостатки. Часто участники демократического движения не ожидали жестокости диктатуры, не выдерживали страданий

и сопротивление терпело поражение. Временами отсутствие планирования приводило к случайным решениям со стороны демократов, с гибельными результатами. Даже если система угнетения бывала свергнута, отсутствие планирования в организации перехода к демократической системе способствовало возникновению новой диктатуры.

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Незапланированные народные выступления, несомненно, будут играть большую роль в борьбе против диктатуры в будущем. Однако в настоящем существует возможность определить наиболее эффективные способы свержения диктатуры, определить момент, когда политическая ситуация и настроение народа благоприятны и выбрать метод начала кампании. В таких обстоятельствах для выбора эффективных путей завоевания свободы требуется весьма тщательный анализ, основанный на реалистичной оценке ситуации и возможностей населения.

При наличии желания чего-то достичь, полезно спланировать, как это сделать. Чем важнее цель или чем серьезнее последствия неудачи, тем важнее становится планирование. Стратегическое планирование повышает вероятность того, что будут мобилизованы и эффективно использованы все ресурсы. Это в особенности относится к демократическому движению, которое обладает ограниченными ресурсами и последователи которого подвергаются опасности, но которое при этом пытается свергнуть мощную диктатуру. В отличие от него, диктатура обычно имеет доступ к обширным материальным ресурсам, обладает организационной мощью и способностью предпринимать жестокие действия.

«Планировать стратегию» — означает рассчитать последовательность действий, которые с большой вероятностью приведут от существующего положения к желаемому положению в будущем. Применительно к данной теме, это должно привести от диктатуры к будущей демократической системе. План достижения такой цели обычно состоит из последовательности кампаний и других организованных акций, направленных на поддержку угнетенного населения и общества и ослабление диктатуры. Отметим, что целью является не просто свержение существующей диктатуры, но создание демократической системы. Генеральная стратегия, которая ограничивает свои цели просто свержением существующей диктатуры, рискует создать еще одного тирана.

ТРУДНОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ

Некоторые сторонники свободы в различных частях мира не будут о том, чтобы тщательно продумать проблему путей завоевания свободы. Лишь иногда такие энтузиасты признают чрезвычайную

важность тщательного стратегического планирования еще до начала действий. В результате планирование почти всегда отсутствует.

Почему так происходит, что люди, которые мечтают обеспечить политическую свободу своему народу, так редко готовят всеобъемлющий стратегический план достижения данной цели? К сожалению, часто большинство членов групп демократической оппозиции не понимают необходимости стратегического планирования, не привыкли или не обучены стратегическому мышлению. Это нелегкая задача. Постоянно преследуемые диктатурой, чрезвычайно загруженные текущими делами, лидеры сопротивления часто недостаточно защищены и не имеют времени для выработки навыков стратегического мышления.

Вместо этого распространенной схемой является простая реакция на инициативы диктатуры. Таким образом, оппозиция всегда защищается, стремится сохранить ограниченные свободы или бастионы свободы, в лучшем случае замедляя установление диктаторского контроля или создавая некоторые проблемы для новой политики режима.

Конечно, некоторые личности или группы не видят необходимости в широком долгосрочном планировании освободительного движения. Вместо этого они наивно считают, что если они просто будут настойчиво, твердо и достаточно долго провозглашать свою цель, она каким-то образом осуществится. Другие предполагают, что если они перед лицом существующих проблем просто живут и наблюдают в соответствии со своими принципами и идеалами, то они делают все, что могут, для их осуществления. Поддержка гуманитарных целей и приверженность идеалам — это великолепно, но совершенно недостаточно для свержения диктатуры и достижения свободы.

Другие противники диктатуры могут наивно считать, что если они будут использовать достаточно насилия, то наступит свобода. Но, как отмечалось выше, насилие не дает гарантии успеха. Вместо освобождения оно может привести к поражению, массовым страданиям или к тому и другому. В большинстве случаев диктатура лучше подготовлена к насильственной борьбе, а военные редко сочувствуют демократам, если вообще такое случается.

Существуют активисты, которые «чувствуют», что они должны делать, и на этом основывают свои действия. Такой подход является не только эгоцентричным, он не может дать никакого руководства для создания генеральной стратегии освобождения.

Действия, основанные на «блестящей идее», пришедшей кому-то в голову, также имеют свои недостатки. Вместо этого требуется действие, основанное на тщательном просчете «следующего шага» на пути к свержению диктатуры. Без стратегического анализа лидеры сопротивления часто не могут знать, каков должен быть этот «следующий

шаг», так как они не продумали тщательно последовательность конкретных шагов, требуемых для одержания победы. Творчество и блестящие идеи весьма важны, но их необходимо использовать для улучшения стратегического положения демократических сил.

Прекрасно зная о множестве действий, которые можно предпринять против диктатуры, но не представляя, с чего начинать, некоторые советуют: «Делайте все одновременно». Это может оказаться полезным, но, конечно, это невозможно, особенно для сравнительно слабых движений. Более того, такой подход не дает подсказки, с чего начать, на чем сконцентрировать усилия и как использовать ограниченные ресурсы.

Другие личности и группы могут признавать необходимость какого-то планирования, но способны делать это лишь на краткосрочной или тактической основе. Они могут не понимать, что долгосрочное планирование необходимо или возможно. Иногда они не способны мыслить и анализировать стратегически, позволяя себе постоянно отвлекаться на сравнительно мелкие вопросы, часто отвечая на действия противника вместо того, чтобы захватить инициативу в руки демократического движения. Посвящая много усилий краткосрочным действиям, такие руководители часто не продумывают несколько альтернативных путей борьбы, которые бы направляли общие усилия, постоянно приближая их к достижению цели.

Некоторые демократические движения не разрабатывают всеобъемлющую стратегию свержения диктатуры и концентрируют усилия на текущих проблемах по другой важной причине. У них нет внутреннего убеждения в том, что диктатура может быть свергнута их собственными усилиями. Поэтому планирование таких действий рассматривается ими, как романтическая трата времени или занятие бесполезным делом. Люди, ведущие борьбу за свободу против могущественных жестоких диктатур, часто противостоят настолько огромной военной и полицейской мощи, что по их представлениям диктатура способна сделать все по своей воле. Но даже без реальной надежды такие люди противостоят диктатуре по причине своей честности и, возможно, для истории. Хотя они никогда этого не признают и, возможно, даже сами не сознательно не думают об этом, их действия представляются им безнадежными. Поэтому для них долговременное стратегическое планирование не имеет значения.

Результаты такого отсутствия стратегического планирования часто плачевны: силы движения расплываются, действия не эффективны, энергия тратится на мелкие проблемы, преимущества не используются, а жертвы бесполезны. Если демократы не будут разрабатывать стратегических планов, они едва ли добьются своей цели. Плохой план,

случайное сочетание акций не продвинут вперед широкое движение сопротивления. Вместо этого вполне вероятно расширение контроля и власти диктатуры.

К сожалению, поскольку всеобъемлющие стратегические планы освобождения редко или никогда не разрабатываются, диктатуры представляются гораздо более стабильными, чем они на деле являются. Они живут годами или десятилетиями дольше, чем необходимо.

ЧЕТЫРЕ ВАЖНЫХ ТЕРМИНА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Для целей стратегического мышления необходимо внести ясность в значение четырех основных терминов.

Генеральная стратегия является концепцией, которая используется для координации и непосредственного применения всех соответствующих и имеющихся ресурсов (экономических, человеческих, моральных, политических, организационных и т. д.) группы, которая стремится достичь своих целей в конфликте.

Генеральная стратегия, обращая главное внимание на цели группы и ресурсы в конфликте, определяет наиболее подходящие методы действий (например, обычные вооруженные действия или ненасильственная борьба), осуществляемых в ходе конфликта. При разработке стратегического плана лидерам движения необходимо оценить и спланировать, какие виды давления и влияния должны быть оказаны на противника. Далее, генеральная стратегия должна включать решения по условиям и временным рамкам, в которых требуется проводить начальную и последующие кампании сопротивления.

Генеральная стратегия создает основные рамки для выбора более узкой стратегии ведения борьбы. Генеральная стратегия также определяет постановку общих задач конкретным группам и распределение ресурсов между ними для использования в борьбе.

Стратегия является концепцией того, как наилучшим образом добиться конкретных целей в конфликте, действуя в рамках генеральной стратегии. Стратегия отвечает на вопрос, вступать ли в борьбу, когда и как ее вести, а также как добиться максимальной эффективности в борьбе за достижение определенных целей. Стратегия иногда сравнивается с замыслом художника, в то время как стратегический план — с архитектурными чертежами.

Стратегия может также включать усилия по созданию настолько благоприятной стратегической ситуации, что противник убедится в своем неизбежном поражении в случае открытого конфликта, и поэтому капитулирует без открытой борьбы. В противном же случае, если не капитулирует, благоприятная стратегическая ситуация обеспечит

победу демократов. Стратегия также включает действия по использованию одержанных побед.

Применительно к ходу самой борьбы, стратегический план дает общее представление, как должна развиваться кампания и как ее различные компоненты должны сочетаться, чтобы наиболее способствовать достижению ее целей. Это предполагает умелое использование конкретных боевых групп в операциях более малого масштаба. Планирование мудрой стратегии должно принимать во внимание требования к успешному применению различных избранных форм борьбы в ходе операции. Различные формы борьбы предполагают различные требования. Естественно, просто выполнение «требований» не достаточно для достижения успеха. Могут потребоваться и дополнительные факторы.

При разработке стратегии демократы обязаны четко сформулировать свои цели и определить методы оценки эффективности усилий, предпринимаемых для их достижения. Такое определение и анализ позволяют стратегам составить точные требования для достижения каждой из поставленных целей. Необходимость ясности точно также касается и тактического планирования.

Тактика и методы действий используются для осуществления стратегии. Тактика означает умелое использование имеющихся в наличии сил с наибольшей выгодой в невыгодной ситуации. Тактикой является действие ограниченного масштаба, предпринятое для достижения ограниченной цели. Выбор тактики основывается на концепции того, каким образом на определенной фазе конфликта использовать имеющиеся средства борьбы для проведения в жизнь стратегии. Для повышения эффективности следует с постоянным вниманием выбирать и применять тактику и методы, которые способствуют достижению стратегических целей. Тактические победы, которые не ускоряют достижение стратегических целей, могут в конечном итоге оказаться бесполезной тратой энергии.

Таким образом, тактика занимается действиями ограниченного масштаба, предпринимаемыми в рамках широкой стратегии, точно так же, как стратегия является частью генеральной стратегии. Тактика всегда связана с борьбой, в то время как стратегия предполагает более широкие действия. Конкретная тактика может быть понята лишь как часть общей стратегии битвы или кампании. Тактика применяется в более коротких периодах времени, чем стратегия, в более узких областях (географических, институциональных и др.), более ограниченным числом людей или с более ограниченными целями. При ненасильственных акциях различие между тактической целью и стратегической целью частично зависит от того, является ли цель акции мелкой или важной.

Для достижения стратегических целей выбираются наступательные тактические действия. Тактические бои являются средствами создания условий, благоприятных для нанесения решающего удара по противнику. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы те, кто отвечает за планирование и проведение тактических операций, могли умело оценить ситуацию, используя для этого наиболее подходящие методы. Потенциальные участники должны быть обучены использованию избранных способов и конкретных методов действий.

Метод означает конкретное оружие или средство действия. В рамках способа ненасильственной борьбы такие средства включают десятки определенных форм борьбы (например, многочисленные виды забастовок, бойкотов, отказа от политического сотрудничества и т. п.), перечисленных в главе 5.

Разработка ответственного и эффективного стратегического плана для ненасильственной борьбы зависит от тщательной формулировки и выбора генеральной стратегии, стратегии, тактики и методов.

Основной мыслью данной дискуссии является то, что при тщательном стратегическом планировании свержения диктатуры требуется широко использовать интеллект. Неудача в планировании может привести к катастрофе, в то время как эффективное использование интеллектуальных способностей может создать стратегический курс, в котором будут правильно использоваться имеющиеся ресурсы, продвигая общество вперед к целям свободы и демократии.

7. ПЛАНИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ

Для повышения вероятности успеха лидерам сопротивления необходимо составить всеобъемлющий план действий по объединению страдающих людей, ослаблению и последующему уничтожению диктатуры и созданию крепкой демократии. Для составления такого плана необходимо тщательное исследование ситуации и путей эффективного действия. Такой тщательный анализ может стать базой для разработки как генеральной стратегии борьбы за свободу, так и стратегий отдельных акций. Кстати, разработка генеральной стратегии и стратегий отдельных акций являются различными процессами. Стратегии отдельных кампаний могут быть детально разработаны только после выработки генеральной стратегии. Стратегии отдельных кампаний должны разрабатываться для достижения и укрепления целей генеральной стратегии.

Разработка стратегии сопротивления требует учета множества вопросов и задач. Здесь мы назовем несколько важных факторов, которые должны учитываться как на уровне генеральной стратегии, так и на уровне стратегии отдельной акции. Однако любое стратегическое пла-

нирование требует от разработчиков сопротивления глубокого понимания всей ситуации конфликта, включая рассмотрение физических, исторических, правительственных, военных, культурных, социальных, политических, психологических, экономических и международных факторов. Стратегии могут разрабатываться только в контексте конкретной борьбы и ее подоплеки.

Прежде всего, демократическим лидерам и разработчикам стратегии требуется оценить цели и важность дела. Стоят ли цели того, чтобы за них бороться и почему? Необходимо определить действительные цели борьбы. Мы уже утверждали, что одного свержения диктатуры или устранения существующих диктаторов недостаточно. Целью данных конфликтов должно служить создание свободного общества с демократической системой управления. Четкость понимания данного вопроса будет влиять на разработку генеральной стратегии и вытекающих из нее частных стратегий.

В частности, в стратегиях должны содержаться ответы на множество фундаментальных вопросов, подобных следующим:

- Какие основные препятствия стоят на пути свободы?
- Какие факторы будут способствовать достижению свободы?
- На какие основные силы опирается диктатура?
- Какие слабости имеет диктатура?
- Насколько уязвимы источники силы диктатуры?
- Какие силы на стороне демократов и основного населения?
- Какие слабости имеются у демократических сил и основного населения и как они могут быть преодолены?
- Каков статус сторон, непосредственно не вовлеченных в конфликт, кто оказывает помощь или может ее оказать как диктатуре, так и демократическому движению, а также какими способами?

ВЫБОР СРЕДСТВ

На уровне генеральной стратегии, разработчикам необходимо выбрать основные средства борьбы, которые будут использоваться в текущем конфликте. Необходимо оценить преимущества и ограничения, присущие альтернативным приемам борьбы, таким как обычные военные действия, партизанская война, политическое неповиновение и др.

Делая такой выбор, стратегам необходимо принять во внимание следующие вопросы: Соответствует ли избранный тип борьбы возможностям демократических сил? Используют ли выбранные приемы борьбы сильные стороны угнетенного населения? На что нацелены данные приемы борьбы — на слабости диктатуры или они атакуют ее сильные точки? Помогают ли избранные средства демократам стать более уверенными в своих силах, или же данные средства требуют за-

висимости от третьих сторон или внешних поставщиков? Какой вклад в свержение диктатуры внесут избранные средства? Уменьшают или же ограничивают они число жертв и масштабы разрушений, которые могут возникнуть в результате развития конфликта? Как повлияют выбранные средства на тип правительства, возникшего в результате предположительного свержения диктатуры? Способы действий, признанные неэффективными, должны быть исключены из разработанной генеральной стратегии.

В предыдущих главах мы утверждали, что политическое неповиновение имеет значительные преимущества по сравнению с другими методами борьбы. Стратегам необходимо исследовать конкретную ситуацию и определить, может ли политическое неповиновение положительно ответить на вышеприведенные вопросы.

ПЛАНИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Необходимо помнить, что основной целью генеральной стратегии борьбы с диктатурой является не простое свержение диктаторов, а установление демократической системы, в которой невозможно появление новой диктатуры. Для соответствия данным целям, выбранные средства борьбы должны внести вклад в распределение эффективной власти в обществе. В условиях диктатуры население и гражданские организации весьма слабы, правительство же слишком сильно. Без исправления данного дисбаланса, новые правители могут, при желании, стать такими же диктаторами. Поэтому «дворцовые» и государственные перевороты нежелательны.

Политическое неповиновение вносит вклад в более равномерное распределение эффективной силы путем мобилизации общества против диктатуры, как это описано в пятой главе. Данный процесс может протекать различными путями. Разработка ненасильственных возможностей борьбы предполагает, что насильственные репрессии диктатуры более не вызывают страх и подчинение населения. Население будет иметь в своем распоряжении мощные средства для противодействия, а иногда и блокирования власти диктатора. Более того, мобилизация народных сил через политическое неповиновение усилит независимые организации общества. Опыт единожды примененной эффективной силы быстро не забывается. Знания и опыт, приобретенные в борьбе, снижают вероятность легкого подчинения общества потенциальным диктаторам. Данный сдвиг в соотношении сил, в конечном счете, намного повысит вероятность установления прочного демократического общества.

В процессе подготовки генеральной стратегии необходимо оценить относительные роли внутреннего сопротивления и внешнего давления при разрушении диктатуры. В данном анализе мы утверждали, что основные силы борьбы должны действовать в самой стране. Степень и само наличие международной помощи стимулируется внутренней борьбой.

В качестве скромного дополнения можно приложить усилия на создание негативного по отношению к диктатуре мирового общественного мнения на гуманитарных, этических и религиозных основаниях. Усилия могут быть направлены на принятие правительственными и международными организациями дипломатических, политических и экономических санкций против диктатуры. Санкции могут принимать формы экономических эмбарго и эмбарго на поставку вооружений, снижения уровня дипломатических отношений и разрыва дипломатических связей, запрета экономической помощи и инвестиций в страну с диктаторским правлением, исключения диктаторского правительства из различных международных организаций и органов Объединенных Наций. Более того, непосредственно демократическим силам может предоставляться международная помощь, такая как финансовая поддержка и обеспечение средствами связи.

РАЗРАБОТКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

В соответствии с оценкой ситуации, выбором средств и определением роли внешней помощи, разработчики генеральной стратегии должны создать общий набросок возможностей развития конфликта. Такой общий план должен охватывать период от текущей ситуации до будущего освобождения и установления демократической системы. При создании генеральной стратегии разработчики должны ответить на множество вопросов. Следующие вопросы представляют собой типы факторов (более конкретные по сравнению с приведенными ранее), которые необходимо принять во внимание при разработке генеральной стратегии политического неповиновения:

- Какова общая концепция устранения диктатуры и установления демократии?
- Как лучше начать долговременную борьбу? Как угнетенное население может получить достаточную уверенность в себе и силу, чтобы бросить вызов диктатуре, сначала хотя бы в ограниченном масштабе? Как с течением времени и приобретением опыта увеличится способность населения к противодействию и борьбе? Что будет являться целями серии ограниченных кампаний за восстановление демократической власти над обществом и ограничение диктатуры?

– Существуют ли избежавшие диктатуры независимые организации, которые могут быть использованы в борьбе за свободу? Какие организации в обществе могут быть освобождены от контроля диктатуры, а также какие организации должны быть заново созданы демократами для достижения своих целей и создания демократических сфер даже в условиях продолжения диктаторского правления?

– Как укрепить организационную силу во время сопротивления? Как обучать участников? Какие ресурсы (финансы, оборудование и т. д.) потребуются в процессе борьбы? Какая символика будет наиболее эффективной при мобилизации населения?

– С помощью каких действий и на какой стадии могут быть постепенно ослаблены и истощены источники власти диктаторов? Как борющееся население будет участвовать в своей борьбе, одновременно создавая необходимый ненасильственный порядок? Как общество будет удовлетворять свои основные потребности в процессе борьбы? Как будет поддерживаться социальный порядок в процессе развития конфликта? Каким образом при достижении победы демократическое сопротивление продолжит создание институциональной базы пост-диктаторского общества, чтобы переход был возможно более мягким?

Необходимо помнить, что для всех освободительных движений против диктатуры нет и невозможно создать эталонный план разработки стратегии. Каждая борьба за свержение диктатуры и установление демократической системы будет чем-то отличаться. Нет полностью похожих ситуаций, каждая диктатура имеет несколько индивидуальных характеристик, также различаются возможности населения, борющегося за свободу. Разработчики генеральной стратегии должны иметь глубокое понимание не только данной конфликтной ситуации, но и выбранных для борьбы средств.

По окончании тщательной разработки генеральной стратегии, здравый смысл призывает сделать ее широко доступной. Большое количество сторонников, необходимых для действий, будут действовать с большим желанием, если они будут понимать как общую концепцию, так и отдельные инструкции. Такие знания потенциально могут оказать весьма положительное воздействие на их моральный дух, готовность принимать участие и правильно действовать. Основные положения общей стратегии во всяком случае станут известны диктаторам, знание основных положений потенциально может привести их к снижению жестокости репрессий, так как данные репрессии могут иметь политическую отдачу, направленную на них самих. Знание отдельных характеристик генеральной стратегии также потенциально может привести к разногласиям и измене в самом лагере диктаторов.

Приняв генеральный стратегический план свержения диктатуры и установления демократической системы, про-демократическим группам необходимо проявить настойчивость в его воплощении. Отклонения от начальной общей стратегии должны происходить только в самых редких случаях. Необходимость в изменении генеральной стратегии может возникнуть у разработчиков только при полной уверенности, что избранная генеральная стратегия составлена неправильно, либо обстоятельства борьбы претерпели фундаментальные изменения. И даже в этом случае, это должно делаться только после повторного фундаментального исследования и разработки и утверждения нового, более адекватного стратегического плана.

ПЛАНИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ КАМПАНИЙ

Однако как бы разумна и многообещающа ни была разработанная генеральная стратегия свержения диктатуры и установления демократии, она не реализуется сама собой. Необходимо разработать отдельные стратегии проведения кампаний, нацеленных на подрыв диктаторской власти. Такие стратегии, в свою очередь, будут включать совокупность тактических маневров, проводящих решающие удары по диктаторскому режиму. Тактика и отдельные методы действий должны тщательно выбираться таким образом, чтобы внести вклад в достижение целей каждой конкретной стратегии. Здесь же обсуждаются только вопросы стратегического уровня.

Стратеги, планирующие основные кампании, как и разработчики генеральной стратегии, должны иметь всестороннее понимание природы и характеристик выбранных способов борьбы. Подобно армейским офицерам, которым для разработки военной стратегии необходимо знать структуру сил, тактику, материально-техническое снабжение, снаряжение, географические условия и т. д., разработчики политической борьбы должны понимать природу и стратегические принципы ненасильственной борьбы. Однако ни знания ненасильственной борьбы, ни следование советам данного пособия, ни ответы на приведенные здесь вопросы сами по себе не формируют стратегии. Разработка стратегии требует подкрепленного знаниями творчества.

При планировании стратегий отдельных кампаний сопротивления, а также долгосрочных разработок освободительной борьбы, стратеги политической борьбы должны рассмотреть множество задач и проблем. Среди них:

- Определение конкретных целей кампании и их вклада в выполнение генеральной стратегии.
- Выбор конкретных методов или политического оружия, наилучшим образом подходящих для воплощения выбранных стратегий. В каж-

дом общем плане отдельной стратегической кампании необходимо определить используемые тактические планы меньшего масштаба, которые необходимо применять для давления и помех источникам власти диктатуры. Необходимо помнить, что достижение основных целей складывается из результатов правильно избранных и воплощенных отдельных мелких шагов.

– Определение того, должны ли быть связаны, или как должны быть связаны экономические вопросы с общей политической борьбой. Если экономические методы будут широко применяться в борьбе, необходимо уделить внимание устранению их последствий после свержения диктатуры. В противном случае, если в течение периода перехода к демократическому обществу не будут применены быстрые решения, возникнет разочарование и недовольство. Такое разочарование может создать предпосылки к воскрешению диктаторских сил, обещающих положить конец экономическим несчастьям.

– Заблаговременное определение наилучшей руководящей структуры и системы связи для начала борьбы сопротивления. Какие средства принятия решений и связи будут возможны в течение процесса борьбы для обеспечения непрерывного руководства участниками движения сопротивления и основным населением?

– Доведение новостей сопротивления до основного населения, до диктаторских сил и международных средств массовой информации. Заявления и репортажи всегда должны строго придерживаться фактов. Преувеличения и необоснованные заявления подрывают доверие к сопротивлению.

– Планирование основанной на собственных возможностях конструктивной социальной, просветительской, экономической и политической деятельности для удовлетворения потребностей собственного населения в процессе развития конфликта. Такие проекты могут реализовываться лицами, непосредственно не принимающими участие в конфликте.

– Определение желательного типа внешней помощи для поддержки отдельной кампании или общей освободительной борьбы. Как можно привлечь и использовать внешнюю помощь, при этом не ставя внутреннюю борьбу в зависимость от внешних факторов? Необходимо обратить внимание на те внешние группы, помощь которых наиболее вероятна и желательна, например неправительственные организации (социальные движения, религиозные или политические группы, профессиональные союзы и т. д.), правительства и/или ООН и ее различные организации.

Кроме того, разработчики стратегии сопротивления должны принять меры для сохранения порядка и удовлетворения социальных

нужд собственными силами во время массового сопротивления диктаторским властям. Это не только создаст альтернативные независимые демократические структуры и удовлетворит истинным требованиям, но и снизит доверие к призывам к безжалостным репрессиям, направленным на прекращение беспорядков и беззакония.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕИ ОТКАЗА ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА

В деле успешного сопротивления диктатуре существенным фактором является восприятие населением идеи отказа от сотрудничества. Как показано в притче «Повелитель обезьян» (см. третью главу), основная идея проста: если достаточное число подчиненных категорически отказываются сотрудничать, несмотря на репрессии, тираническая система будет ослаблена и затем рухнет.

Люди, живущие в условиях диктатуры, могут быть уже знакомы с данной концепцией из различных источников. И даже в таком случае демократические силы должны методично распространять и популяризировать идею отказа от сотрудничества. В обществе могут распространяться истории «Повелителя обезьян» или аналогичные истории. Они могут хорошо восприниматься. После принятия основной концепции отказа от сотрудничества у людей появится возможность понимания важности будущих призывов к практике отказа от сотрудничества с диктатурой. Также они смогут сами придумывать множество форм отказа от сотрудничества в новых ситуациях.

Несмотря на сложности и опасности попыток обмена идеями, новостями, руководствами по сопротивлению в условиях диктатуры, демократы часто доказывают, что все это возможно. Даже при нацистском и коммунистическом режимах члены сопротивления имели возможность общения не только с отдельными лицами, но и с крупными аудиториями путем выпуска нелегальных газет, листовок, книг, а в более поздние годы — аудио- и видеокассет.

Общие руководства по сопротивлению могут быть подготовлены и распространены с помощью заблаговременного стратегического планирования. В них могут быть описаны случаи и обстоятельства, при которых население будет протестовать и ограничивать сотрудничество, а также возможные способы проведения данных действий. Теперь, даже при отсутствии связи с демократическими лидерами и невозможности выпуска или получения конкретных инструкций, население будет знать, как действовать в некоторых важных случаях. Такие руководства также содержат способы выявления поддельных «руководств по сопротивлению», выпускаемых политической полицией в целях провокации дискредитирующих акций.

РЕПРЕССИИ И КОНТРОЛЕРЫ

Разработчикам стратегии необходимо оценить вероятные меры и репрессии — в особенности уровень насилия — производимые диктатурой в ответ на действия демократического сопротивления. Необходимо определить, как противостоять, нейтрализовывать или избегать возможных возросших репрессий без подчинения. Тактически в некоторых случаях необходимо предупреждать население и членов сопротивления, чтобы они имели представление о риске, сопутствующем участию. Если ожидаются серьезные репрессии, необходимо подготовиться к оказанию медицинской помощи раненым членам сопротивления.

Для предупреждения репрессий хорошей практикой для стратегов является использование тактики и методов, не только приводящих к достижению цели кампании, но и снижающих вероятность или возможность жестоких репрессий. Например, уличные демонстрации и процессии против диктатуры могут быть весьма эффективными, однако могут стоить жизни тысячам демонстрантов. Однако высокая цена, заплаченная демонстрантами, фактически может и не оказать большего давления на диктатуру, чем ситуация, когда все находятся дома, либо проводится забастовка, либо широкие акции отказа от сотрудничества со стороны гражданских служащих.

Если предлагается провокационная акция сопротивления с риском трагических последствий, необходимо тщательно сравнить соотношение издержек данной акции и возможных выгод от ее проведения. Будут ли участники сопротивления и население вести себя дисциплинированно и воздержатся от применения насилия в процессе борьбы? Смогут ли они не поддаваться на провокации к насилию? Разработчики планов должны указать, какие меры должны приниматься для поддержания дисциплины ненасильственных действий, а также создать защиту от жестокостей. Будут ли возможными и эффективными такие меры, как поручительство, политические заявления, листовки с призывами к дисциплине, призывы к демонстрации и бойкоту агрессивной настроенных личностей и групп? Лидеры всегда должны опасаться присутствия агентов провокаторов, чья задача сводится к подстрекательству демонстрантов к насилию.

ВЕРНОСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПЛАНУ

С момента появления подробного стратегического плана демократические силы не должны отвлекаться на незначительные меры диктаторов, которые могут создать соблазн отклониться от генеральной стратегии и стратегии конкретной кампании, что приводит к концентрации основной деятельности на незначительных проблемах. Ни-

какие мгновенные эмоции — возможно, возникшие в ответ на новые жестокости диктатуры — не должны отвлекать демократическое сопротивление от его генеральной стратегии или стратегии кампании. Данные жестокости могут быть предприняты специально, чтобы спровоцировать демократические силы к отказу от своих тщательно разработанных планов и даже к совершению акций насилия, что облегчает диктаторам уничтожение данных сил.

С момента признания правильности фундаментального исследования, задачей про-демократических сил становится постепенное продвижение вперед. Изменения в тактике и промежуточных целях, конечно же, возникнут — хорошие лидеры всегда должны быть готовы использовать новые возможности. Такие уточнения не должны входить в противоречие с целями генеральной стратегии или целями конкретной кампании. Тщательная реализация выбранной генеральной стратегии и стратегий конкретных кампаний в большой мере способствует достижению успеха.

8. ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

В ситуациях, когда население испытывает бессилие и страх, важно, чтобы первоначальные задачи представляли собой тайные действия, сопряженные с минимальным риском. Такой тип действий — например, необычная манера одеваться — может послужить публичной демонстрацией диссидентства и предоставить обществу возможность прямого участия в акциях несогласия. В других случаях относительно мелкое (внешне) неполитическое событие (например, борьба за снабжение чистой водой) может привлечь внимание к деятельности группы. Стратеги должны выбрать деятельность, которая привлекла бы широкое внимание, и которую при этом трудно было бы запретить. Успех данных ограниченных кампаний состоит не только в устранении конкретного недовольства, но и в перестройке сознания населения, которое на самом деле имеет мощный потенциал.

Большинство стратегий кампаний долговременной борьбы должны быть нацелены не на непосредственное и полное свержение диктатуры, а на достижение ограниченных целей. Не каждая кампания требует участия всех слоев населения.

При разработке последовательности конкретных кампаний, направленных на выполнение генеральной стратегии, стратеги сопротивления должны представлять, как отличаются друг от друга кампании, проводимые в начале, середине и перед самым достижением результата долговременной борьбы.

ВЫБОРОЧНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

В начальный период борьбы весьма полезными могут быть отдельные кампании с различными конкретными целями. Такие кампании могут следовать одна за другой. Иногда две или три из них могут частично совпадать по времени.

При планировании стратегии для «выборочного сопротивления» необходимо определить ограниченный круг проблем, вызывающих недовольство, символизирующих основные притеснения диктатуры. Данные проблемы могут стать подходящими целями кампаний по достижению промежуточных стратегических целей в рамках общей стратегии.

Промежуточные стратегические цели должны быть достижимы на текущем или предполагаемом уровне влияния демократических сил. Это поможет одержать серию побед, полезных для поддержания боевого духа, а также обеспечит благоприятные для долгосрочной борьбы сдвиги в соотношении сил.

Стратегии выборочного сопротивления должны в основном концентрироваться на конкретных социальных, экономических или политических проблемах. Такой выбор может быть сделан для сохранения некоторой части социальной и политической системы вне контроля диктаторов, захвата контроля над некоторой частью, находящейся под диктаторским контролем, или же для препятствования достижению диктаторами отдельных целей. Если имеется возможность, кампании выборочного сопротивления должны ударять по одной или более слабых мест диктатуры, как это уже обсуждалось выше. Таким образом демократы могут получить наибольший возможный эффект при данном уровне влияния.

В самом начале стратеги должны запланировать как минимум стратегию первой кампании. Что станет ее ограниченными целями? Как она поможет осуществлению избранной генеральной стратегии? Если имеется возможность, благоразумным действием будет выработка хотя бы набросков стратегий второй и, возможно, третьей кампаний. Все эти стратегии должны предназначаться для осуществления избранной генеральной стратегии и проводиться в рамках ее общих указаний.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

В начале новой кампании по подрыву диктатуры, первые более или менее конкретные политические действия могут быть ограничены в своих масштабах. Они должны разрабатываться частично для проверки настроения населения и влияния на него, а также для подготовки его к продолжению борьбы путем отказа от сотрудничества и политического неповиновения.

Начальные действия могут принимать форму символического протеста или могут быть акцией ограниченного или временного отказа от сотрудничества. Если число участников акции невелико, первоначальная акция может стать, к примеру, возложением цветов в месте символической значимости. С другой стороны, если в акции принимает участие весьма большое количество людей, она может принять форму приостановки всей деятельности или нескольких минут молчания. В иных ситуациях, несколько человек могут объявить голодовку, провести пикетирование места символической важности, устроить краткий бойкот занятий студентами либо сидячую забастовку в важном ведомстве. В условиях диктатуры данные более агрессивные действия вероятнее всего будут встречены жесткими репрессиями.

Некоторые символические акции, такие как занятие площади перед дворцом диктатора или штабом политической полиции, подвержены высокой степени риска и не могут быть рекомендованы для начала кампании.

Первоначальные символические акции протеста иногда притягивают широкое внимание национальной и международной общественности — например массовые уличные демонстрации в Бирме в 1988 году или собрание и голодовка студентов в 1989 году на площади Тяньаньмынь в Пекине. Большое количество жертв среди демонстрантов в обоих данных случаях указывает на то, что стратеги должны проявлять большую осторожность при планировании кампаний. Несмотря на огромное моральное и психологическое значение, такие акции сами по себе нежелательны в процессе свержения диктатуры, так как они являются в большой мере символическими и не приводят к изменениям в положении диктаторской власти.

Обычно в начальный период борьбы невозможно быстро и полностью перекрыть источники власти диктаторов. Для свержения и сопротивления режиму путем массового и решительного отказа от сотрудничества потребуется фактически все общество и практически все организации общества — которое недавно было весьма послушно. Это еще не случилось и достигнуть такого результата будет наиболее трудно. Поэтому в большинстве случаев быстрая кампания полного отказа от сотрудничества и неповиновения является нереалистичной стратегией для кампаний против диктатуры, находящихся на ранних стадиях.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В процессе выборочного сопротивления основной фронт борьбы некоторое время обеспечивается одним или несколькими слоями населения. В последующих кампаниях, преследующих иные цели, основной фронт борьбы будет сдвинут на иные слои населения. Например,

студенты могут организовать забастовки по учебным причинам, религиозные лидеры и верующие могут сосредоточиться на проблеме свободы вероисповедания, работники железных дорог могут настолько методично соблюдать правила безопасности, что это замедлит работу железнодорожной системы, журналисты могут бросить вызов цензуре, публикуя газеты с пустыми полями на месте запрещенных статей, полиция может постоянно терпеть неудачи в нахождении и аресте находящихся в розыске членов демократической оппозиции. Планирование кампаний сопротивления с привязкой к слоям населения и проблемам позволяет определенным слоям населения быть пассивными, в то время как сопротивление продолжается.

Выборочное сопротивление особенно важно при защите существования и автономии независимых социальных, экономических и политических групп и организаций, лежащих вне сферы влияния диктатуры, как было вкратце упомянуто ранее. Данные центры власти предоставляют собой организационные базы, с которых население может оказывать давление или сопротивляться контролю диктатуры. В процессе борьбы они, вероятно, окажутся среди первых целей диктатуры.

НАЦЕЛИВАНИЕ НА ВЛАСТЬ ДИКТАТОРОВ

Когда долгосрочная борьба переводит первоначальные стратегии в более амбициозную и углубленную фазу, стратегам необходимо определить пути ограничения источников власти диктаторов. Целью будет использование отказа от сотрудничества населения для создания новой, более благоприятной для демократических сил, стратегической ситуации.

По мере увеличения влияния демократических сил, стратеги должны запланировать более широкий отказ от сотрудничества и неповиновение, ограничивающее источники власти диктатуры, целью становится увеличение политического бессилия и, в конечном счете, разрушение самой диктатуры.

Необходимо тщательно планировать процесс ослабления демократическими силами сторонников диктатуры и групп, ранее подчиненных диктатуре. Будет ли их поддержка ослаблена путем разоблачения жестокостей, учиненных режимом, путем демонстрации катастрофических экономических последствий политики диктаторов, либо новым сознанием того, что диктатура может быть свергнута? Сторонников диктатуры необходимо хотя бы убедить оставаться «нейтральными» в своей деятельности («сторонние наблюдатели»), предпочтительным же является превращение их в активных сторонников демократического движения.

В процессе планирования и реализации политического неповиновения и отказа от сотрудничества весьма важным является уделять пристальное внимание всем основным сторонникам и советникам диктатора, включая их внутреннюю клику, политическую партию, полицию и чинуш, и, в особенности, их армию.

Необходимо тщательно оценить степень лояльности вооруженных сил — как солдат, так и офицеров — диктаторам, сделав вывод о возможности влияния демократических сил на военщину. Может ли множество обычных солдат быть несчастными и притесняемыми новобранцами? Может ли множество солдат и офицеров быть недовольными режимом по личным, семейным или политическим мотивам? Какие еще факторы могут заставить солдат и офицеров попасть под демократическое влияние?

В самом начале освободительной борьбы необходимо разработать отдельную стратегию общения с войсками и чиновниками диктаторов. Демократические силы могут с помощью слов, символов и действий убедить войска в том, что освободительная борьба будет энергичной, решительной и упорной. Армия должна понять, что борьба будет носить особый характер, разработанный для подрыва диктатуры, а не для угрозы их жизням. Такого рода усилия будут направлены в конечном счете на моральное разложение армии диктаторов и на переподчинение их демократическому движению. Аналогичные стратегии могут применяться в отношении полиции и государственных служащих.

Однако попытка вызвать сочувствие и, в конечном итоге, неподчинение в силовых структурах диктаторов не должно восприниматься, как подстрекательство вооруженных сил к быстрому свержению существующей диктатуры путем военного переворота. При таком сценарии едва ли возникнет жизнеспособная демократия (как уже говорилось), так как переворот не изменит баланса сил между населением и правителями. Поэтому необходимо спланировать, каким образом заставить сочувствующих офицеров армии понять, что ни военный переворот, ни гражданская война против диктатуры не являются необходимыми или желательными.

Сочувствующие офицеры могут сыграть важнейшую роль в демократической борьбе, распространяя недовольство и неподчинение в вооруженных силах, поощряя умышленную неэффективность, тайное игнорирование приказов, и поддерживая отказ от участия в репрессиях. Военные также могут применять различные способы ненасильственной помощи демократическому движению, в том числе, обеспечивая безопасность передвижения, информацию, продукты питания, медицинскую помощь и т. д.

Армия является одним из наиболее важных источников силы диктаторов, так как способна использовать дисциплинированные части и оружие для непосредственного нападения на непослушное население и наказания его. Стратеги неповиновения должны помнить, что разрушить диктатуру будет чрезвычайно трудно или невозможно, если полиция, бюрократический аппарат и вооруженные силы останутся целиком на стороне диктатуры и послушными ее приказам. Поэтому стратеги демократического движения обязаны считать стратегию подрыва лояльности силовых структур диктаторов высоко приоритетной.

Демократическим силам необходимо помнить, что недовольство и неподчинение в вооруженных силах и полиции может оказаться весьма опасным для них самих. Они могут подвергаться жестокому наказанию за любой акт неповиновения и казни за любой акт мятежа. Демократическим силам не следует призывать солдат и офицеров к немедленному мятежу. Вместо этого, если имеются связи с ними, необходимо четко разъяснить, что существует множество сравнительно безопасных форм «скрытого неподчинения», которые можно применять на начальной стадии. Например, полиция и военные могут выполнять приказы неэффективно, не находить людей, находящихся в розыске, предупреждать участников сопротивления о планируемых репрессиях, арестах или высылках, а также не представлять важную информацию вышестоящим начальникам. Недовольные офицеры могут по очереди игнорировать передачу команд по инстанции на проведение репрессий. Солдаты могут стрелять по верх голов демонстрантов. Точно также государственные служащие могут терять папки с делами и инструкциями, работать медленно, «заболеть» и сидеть дома до «выздоровления».

ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ

Стратегам политического неповиновения необходимо постоянно оценивать эффективность выполнения генеральной стратегии и стратегий конкретных кампаний. Например, возможно, что борьба проходит не так удовлетворительно, как ожидалось. В таком случае нужно рассчитать, какие требуются изменения в стратегии. Что можно предпринять, чтобы повысить силу движения и перехватить инициативу? В такой ситуации требуется выявить проблему, провести стратегическую оценку, возможно, передать задачи борьбы другой группе населения, мобилизовать дополнительный источник сил или разработать другое направление действий. После этого новый план необходимо немедленно реализовать.

С другой стороны, если борьба проходит намного успешнее, чем ожидалось, и диктатура распадается скорее, чем предполагалось ранее, как могут демократические силы использовать неожиданные победы

9. РАЗВАЛ ДИКТАТУРЫ

Совокупным эффектом организовано проведенных успешных кампаний политического неповиновения должно стать усиление сопротивления, возникновение и расширение участков общества, в которых диктатура не имеет эффективного контроля. Такие кампании также дают важный опыт того, как отказываться от сотрудничества и как организовывать политическое неповиновение. Такой опыт окажет значительную помощь, когда наступит время для отказа от сотрудничества и политического неповиновения в массовом масштабе.

Как описано в главе 3, послушание, сотрудничество и подчинение являются важнейшими факторами силы диктаторов. Без доступа к источникам политической власти сила диктаторов убывает и, в конечном итоге, растворяется. Таким образом, лишение поддержки является важнейшей необходимой акцией для разрушения диктатуры. Полезно взглянуть, как источники силы подвергаются влиянию политического неповиновения.

Среди существующих средств подрыва морального и политического авторитета режима, его легитимности, имеются акты символического отречения и неповиновения. Чем выше авторитет режима, тем шире и надежнее послушание и сотрудничество с ним. Для того, чтобы создать серьезную угрозу существованию диктатуры, необходимо действенное выражение морального неодобрения. Для ликвидации доступа к другим источникам силы режима нужно лишить его сотрудничества и послушания.

Вторым важным источником силы являются человеческие ресурсы, число и значение людей и групп, которые подчиняются, сотрудничают и помогают правителям. Если широкие слои населения отказываются сотрудничать, для режима возникнут серьезные проблемы. Например, если государственные служащие работают с пониженной эффективностью или остаются дома, административный аппарат испытает серьезные затруднения.

Аналогичным образом, если среди отказавшихся сотрудничать находятся лица или группы, которые ранее обеспечивали специализированные услуги или знания, способность диктаторов выполнять свою волю будет значительно ослаблена. Даже их способность принимать решения на основе всесторонней информации и разрабатывать эффективную политику будет серьезно ограничена.

Если психологическое и идеологическое влияние, называемое нематериальными факторами, которое обычно заставляет людей по-

виноваться и оказывать помощь правителям, будет ослаблено или потеряет силу, население станет более склонным к неповиновению и отказу сотрудничать.

Доступ диктаторов к материальным ресурсам также оказывает прямое влияние на их власть. Если контроль финансовых ресурсов, экономической системы, имущества, природных ресурсов, транспорта и средств связи находится в руках действительных или потенциальных противников режима, еще один источник его силы становится уязвимым или теряется. Забастовки, бойкоты и расширяющаяся автономия в экономике, связи и транспорте ослабляют режим.

Как упоминалось выше, способность диктаторов угрожать или применять санкции, т. е. наказание упрямых, непослушных и отказывающихся сотрудничать слоев населения, является центральным источником силы диктаторов. Данный источник силы можно ослабить двумя способами. Во-первых, если население готово, как во время войны, пойти на риск вызвать серьезные последствия в качестве цены за неповиновение, эффективность существующих санкций будет значительно снижена (в том смысле, что репрессии диктаторов не обеспечат желаемый уровень подчинения). Во-вторых, если сами полицейские и вооруженные силы испытывают недовольство, они могут на индивидуальной или коллективной основе уклоняться или прямо отказываться от выполнения приказов на аресты, избияния или расстрел участников сопротивления. Если диктаторы более не могут полагаться на полицию и вооруженные силы для проведения репрессий, диктатура стоит перед серьезной угрозой.

Суммируя сказанное, успех борьбы против укorenившейся диктатуры требует, чтобы отказ в сотрудничестве и неповиновение сократили и блокировали источники силы режима. Без постоянного возобновления необходимых источников силы власть диктатуры ослабляется и в конце концов распадается. Таким образом, умелое стратегическое планирование политического неповиновения диктатуре должно быть направлено на важнейшие источники силы диктаторов.

РАСШИРЕНИЕ СВОБОДЫ

Вместе с политическим неповиновением во время стадии выборочного сопротивления рост независимых социальных, экономических, культурных и политических институтов последовательно расширяет «демократическое пространство» общества и сокращает контроль диктатуры. По мере укрепления гражданских институтов, противостоящих диктатуре, население вопреки желанию диктаторов все быстрее строит независимое общество вне пределов их контроля. Если и когда диктатура вмешается с целью остановить «эскалацию свободы», можно при-

менить ненасильственную борьбу в защиту данного завоеванного пространства, и перед диктатурой возникнет еще один «фронт» борьбы.

С течением времени такое сочетание сопротивления и институционального строительства может привести к свободе де факто, что сделает падение диктатуры и официальное введение демократической системы неоспоримым, так как соотношение сил в обществе претерпело коренные изменения.

Польша 1970-х и 1990-х годов являет собой яркий пример перехода функций общества и институтов под контроль участников сопротивления. Католическая церковь подвергалась преследованиям, но никогда не была полностью подчинена коммунистическому контролю. В 1976 г. представители интеллигенции и рабочих образовали небольшие группы, такие как КОР (комитет защиты рабочих), для продвижения своих политических идей. Организация профсоюза «Солидарность» своим правом объявлять забастовки вынудило власти принять ее законы в 1980 г. Крестьяне, студенты и многие другие группы также образовали собственные независимые организации. Когда коммунисты поняли, что данные группы изменили соотношение сил, «Солидарность» опять была запрещена, и коммунисты прибегли к военному правлению.

Даже в условиях чрезвычайного положения, среди множества случаев тюремного заключения и жестокого преследования, новые независимые институты продолжали действовать. Например, продолжалась публикация десятков нелегальных газет и журналов. Нелегальные типографии ежегодно печатали сотни книг, в то время как известные авторы бойкотировали коммунистические издания и правительственные типографии. Аналогичная деятельность проводилась и в других слоях общества.

При военном режиме Ярузельского о военно-коммунистическом правительстве однажды сказали, что оно шагает по головам общества. Чиновники по-прежнему занимали правительственные здания и кабинеты. Режим еще был в состоянии атаковать общество наказаниями, арестами, тюремным заключением, захватом печатных изданий и т. п. Однако диктатура уже не могла контролировать общество. С этого момента полное свержение режима обществом стало лишь вопросом времени.

Даже когда режим еще занимает позиции в правительстве, иногда появляется возможность создать демократическое «параллельное правительство». Оно все больше действовало бы в качестве правительства-соперника, которое пользовалось поддержкой, одобрением населения и гражданских институтов, сотрудничающих с ним. В таком случае диктатура во все возрастающей степени теряла бы характеристики правительства. В конце концов параллельное демократическое прави-

тельство может полностью заменить диктаторский режим в качестве элемента перехода к демократической системе. Затем в должном порядке будет принята конституция и проведены выборы.

РАЗВАЛ ДИКТАТУРЫ

В ходе институциональной трансформации общества движение неповиновения и отказа в сотрудничестве может расширяться. Стратеги демократических сил должны заранее предвидеть время, когда демократические силы смогут перейти от избирательного сопротивления к массовому неповиновению. В большинстве случаев потребуется время для создания, наращивания или расширения мощности сопротивления, а развитие массового неповиновения может произойти лишь через несколько лет. Во время такого промежуточного периода необходимо проводить кампании избирательного сопротивления со все более значительными политическими целями. Вовлекать в него необходимо более широкие массы населения всех уровней общества. При условии решительного и дисциплинированного политического неповиновения в ходе такого расширения деятельности, внутренняя слабость диктатуры должна стать все более очевидной.

Сочетание сильного политического неповиновения и создание независимых институтов со временем должно привлечь широкое международное внимание на стороне демократических сил. Оно также может привести к международному осуждению со стороны дипломатических миссий, бойкотам и эмбарго в поддержку демократических сил (как это произошло в Польше).

Стратегам необходимо учитывать, что в некоторых случаях падение диктатуры может произойти чрезвычайно быстро, как в Восточной Германии в 1989 г. Это происходит, если источники силы в массовом порядке перекрываются в результате неприятия диктатуры населением. Однако такие случаи редки и лучше планировать долгосрочную борьбу (но быть готовыми к короткой борьбе).

В ходе освободительной борьбы победы, даже по малозначимым случаям, должны отмечаться. Те, кто одержал победу, заслуживают признания. Празднования с пикетами также помогают поддерживать моральный дух, необходимый для будущих этапов борьбы.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К УСПЕХУ

Составители генеральной стратегии должны заранее просчитать возможные и предпочтительные способы завершения успешной борьбы, чтобы предотвратить возникновение новой диктатуры и обеспечить постепенное установление долговременной демократической системы.

Демократам необходимо определить, как по завершении борьбы должен организовываться переход от диктатуры к временному правительству. В этот период желательно образовать новое действующее правительство. Однако это не должно быть старое правительство с новыми работниками. Нужно определить, какие отделы старой правительственной структуры (например, политическая полиция) должны быть полностью упразднены из-за их антидемократической природы, а какие отделы оставить для будущей демократической реформы. Полный правительственный вакуум может привести к хаосу или новой диктатуре.

Заранее необходимо продумать политику в отношении высших должностных лиц диктатуры после того, как ее власть падет. Например, следует ли судить диктаторов судом? Можно ли разрешить им навсегда покинуть страну? Какие другие варианты могут возникнуть, которые бы соответствовали политическому неповиновению, необходимости перестройки страны и установления демократии после победы? Следует избегать кровопролития, которое могло бы иметь трагические последствия для будущей демократической системы.

В то время, как диктатура слабеет или терпит крах, конкретные планы по переходу к демократии должны быть готовы к применению. Такие планы должны помочь предотвратить захват государственной власти путем переворота другой группой. Потребуются также планы установления демократического конституционного правления с полной политической и личных свобод. Изменения, завоеванные дорогой ценой, нельзя потерять из-за отсутствия планирования.

Перед лицом все возрастающей мощи населения и ростом независимых демократических групп и их институтов, которые диктатура уже не в состоянии контролировать, диктаторы обнаружат, что их авантюра идет к концу. Массовые закрытия учреждений, всеобщие забастовки, массовые невыходы на работу, марши неповиновения и другие акции все более будут подрывать собственную организацию диктаторов и связанные с ней учреждения. Вследствие такого неповиновения и отказа в сотрудничестве, разумно организованного и в массовом масштабе в течение длительного времени диктаторы потеряют силу, и защитники демократии отпразднуют победу без применения насилия. Перед населением, оказавшим сопротивление, диктатура падет.

Но не каждое усилие увенчается успехом, особенно легким успехом, и редко быстрым успехом. Необходимо помнить, что победителей в войнах столько же, сколько побежденных. Однако политическое неповиновение предоставляет реальную возможность победить. Как говорилось выше, данная возможность может быть значительно усилена подготовкой разумной генеральной стратегии, тщательным стра-

тегическим планированием, упорным трудом и дисциплинированной мужественной борьбой.

10. ФУНДАМЕНТ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Развал диктатуры, естественно, представляет повод для торжественного празднования. Люди, страдавшие так долго и заплатившие за победу высокую цену, заслуживают период восторга, отдыха и признания. Они должны чувствовать гордость за себя и за всех тех, кто сражался рядом с ними за победу политической свободы. Не все доживут до такого дня. Живых и мертвых будут помнить, как героев, которые помогли создать историю свободы своей страны.

К сожалению, еще рано терять бдительность. Даже в случае успешного свержения диктатуры с помощью политического неповиновения, необходимо принять все меры, чтобы не допустить возникновения нового режима угнетения в период неразберихи вслед за падением старого. Лидеры про-демократических сил должны быть заранее готовы к дисциплинированному переходу к демократии. Диктаторские структуры необходимо сломать. Потребуется построить конституционную и законодательную базу, а также критерии функционирования долговременной демократии.

Не следует считать, что после падения диктатуры немедленно будет создано идеальное общество. Развал диктатуры дает только начальную точку, при условии расширения свобод, для долговременных усилий по усовершенствованию общества и надлежащему удовлетворению потребностей людей. Серьезные политические, экономические и социальные проблемы будут решаться годами, требуя сотрудничества множества людей и групп. Новая политическая система должна предоставить людям с различными взглядами и подходами возможность продолжать конструктивную работу и разрабатывать политику разрешения проблем в будущем.

УГРОЗА НОВОЙ ДИКТАТУРЫ

Много лет назад Аристотель предупреждал, что «тирания может превратиться в тиранию». Имеются многочисленные исторические примеры Франции (якобинцы и Наполеон), России (большевики), Ирана (аятолла), Бирмы (СЮРС) и других стран, когда падение режима угнетения рассматривается некоторыми личностями или группами лишь в качестве возможности стать новыми повелителями. Их мотивы могут быть различными, но результаты всегда примерно одинаковы. Новая диктатура может оказаться еще более жестокой, чем старая.

Еще до падения диктатуры члены правительства старого режима могут попытаться опередить борьбу за демократию, инсценировав государственный переворот, чтобы перехватить победу народного сопротивления. Они могут провозгласить свержение диктатуры, но на деле будут стремиться навязать новую подкрашенную модель старого режима.

БЛОКИРОВАНИЕ ПЕРЕВОРОТОВ

Существуют способы, при помощи которых перевороты, направленные против нового освобожденного общества, могут быть предотвращены. Простое знание такой возможности защиты иногда достаточно, чтобы предотвратить саму попытку этого. Подготовленность может предотвратить переворот.

Немедленно после совершения переворота путчисты требуют признания легитимности, то есть признания их морального и политического права управлять страной. Поэтому первый основной принцип защиты от переворота — отказ в легитимности путчистам.

Путчистам также необходимо, чтобы гражданские лидеры и население оказывали им поддержку, колебались или оставались пассивными. Путчисты требуют сотрудничества от специалистов и советников, чиновников и государственных служащих, администраторов и судей, чтобы консолидировать свой контроль над ослабленным обществом. Путчистам также требуется, чтобы те люди, которые управляют политической системой, гражданскими институтами, экономикой, полицией и вооруженными силами, пассивно подчинились и выполняли свои привычные функции в соответствии с приказами и политикой путчистов.

Второй важный принцип защиты от переворота — оказать сопротивление путчистам путем отказа сотрудничать и неповиновения. В требуемом сотрудничестве и помощи следует отказать. Против новой угрозы можно использовать все те же средства борьбы, что и против диктатуры, но применять их немедленно. Если перевороту отказать в легитимности и сотрудничестве, он может погибнуть от политического истощения, и возможность построения демократического общества будет возрождена.

РАЗРАБОТКА КОНСТИТУЦИИ

Новая демократическая система потребует конституции, устанавливающей желаемые рамки демократического правления. В конституции должны быть сформулированы цели правительства, границы государственной власти, способ и сроки выборов, в ходе которых будут отобраны правительственные чиновники и законодатели, неотъемлемые

права граждан, а также отношения национального правительства с местными органами управления.

В пределах центрального правительства, если оно останется демократическим, должно устанавливаться четкое разделение власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями. Необходимо установить жесткие ограничения на деятельность полиции, службы разведки и вооруженные силы, запретив им любое вмешательство в политику.

В интересах сохранения демократической системы и предотвращения диктаторских тенденций и мер, предпочтительно, чтобы конституция устанавливала федеральную систему со значительными правами, делегируемыми региональным, районным и местным уровням управления. В некоторых случаях можно рассмотреть возможность использования швейцарской системы кантонов, в которой небольшие территории обладают основными полномочиями, оставаясь частью страны.

Если конституция, содержащая многие из этих положений, существовала ранее в истории новой свободной страны, может оказаться предпочтительным ввести ее в силу вновь, внося в нее необходимые и желательные поправки. При отсутствии пригодной старой конституции может оказаться необходимым использовать конституцию переходного периода. Но, может быть, придется разрабатывать новую конституцию. Подготовка новой конституции потребует значительно времени и размышлений. Участие народа в этом процессе является желательным и необходимым для ратификации нового текста или поправок. Необходимо весьма осторожно вводить в конституцию обязательства, которые позже может оказаться невозможно выполнить, или положения, которые потребуют высокой централизации правления, так как и то и другое может способствовать возникновению новой диктатуры.

Текст конституции должен легко понятным для большинства населения. Конституция не должна быть настолько сложной или двусмысленной, что только юристы и другие элиты способны ее понять.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ОБОРОНЫ

Освобожденная страна может оказаться перед угрозой извне, что требует оборонной мощи. Иностранные государства также могут попытаться установить экономическое, политическое или военное господство.

В интересах поддержания внутренней демократии, необходимо рассмотреть вопросы применения основных принципов политического неповиновения по отношению к требованиям национальной обороны. Отдав способность к сопротивлению непосредственно

в руки граждан, новые свободные государства смогут не прибегать к созданию мощных сил обороны, которые сами по себе способны угрожать демократии и требуют крупных экономических ресурсов, необходимых для других нужд.

Нельзя забывать, что некоторые группы проигнорируют любые положения конституции в своем стремлении стать новыми диктаторами. Поэтому население должно быть постоянно готовым сыграть свою роль и применить политическое неповиновение и отказ от сотрудничества против потенциальных диктаторов, а также сохранить демократические структуры, права и процедуры.

ПОЧЕТНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

Действие в ненасильственной борьбе заключается не только в ослаблении и устранении диктаторов, но и в наделении силой угнетенных. Данный метод позволяет людям, которые ранее чувствовали себя лишь пешками или жертвами, непосредственно применять власть, чтобы собственными усилиями завоевать свободу и справедливость. Такой опыт борьбы вызывает важные психологические последствия, укрепляя самоуважение и уверенность в себе ранее беспомощных людей.

Важным долговременным положительным последствием применения ненасильственной борьбы за установление демократического правления является то, что общество более способно решать текущие и будущие проблемы. Они могут включать злоупотребления и коррупцию в правительстве, жестокое обращение с любой группой, экономическую несправедливость, а также ограничения, накладываемые на демократические качества политической системы. Население, накопившее опыт использования политического неповиновения, менее уязвимо перед будущими диктатурами.

После освобождения знание ненасильственной борьбы предоставляет способы защиты демократии, гражданских свобод, прав меньшинств и полномочий региональных, районных и местных институтов управления. Такие способы также дают средства, с помощью которых отдельные лица или группы могут мирно выразить свое чрезвычайное недовольство по проблемам, представляющим такое значение, что оппозиционные группы из-за них прибегали к терроризму или партизанской войне.

Рассуждения при рассмотрении вопросов политического неповиновения или ненасильственной борьбы могут оказаться полезными для всех лиц и групп, которые стремятся снять диктаторский гнет со своего народа и установить долговременную демократическую систему, уважающую свободу человека, и участие народа в совершенствовании общества.

На основе идей, высказанных в настоящей работе, можно сделать следующие выводы:

- освобождение от диктатуры возможно;
- для достижения этого требуется весьма тщательный анализ и стратегическое планирование;
- потребуются бдительность, упорная работа и дисциплинированная борьба, часто с большими жертвами.

Широко цитируемое выражение «Свобода не бывает свободной» справедливо. Нет силы извне, которая дала бы угнетенному народу желаемую свободу. Людям необходимо научиться самим завоевывать ее. Это нелегкое дело.

Если люди поймут, что от них требуется для собственного освобождения, они смогут вырабатывать свои действия, которые, путем тяжелого труда, в конце концов, смогут дать им свободу. Тогда со всем усердием они смогут построить новый демократический порядок и подготовиться его защищать. Свобода, завоеванная в такого рода борьбе, может стать долговечной. Ее можно поддерживать с помощью сильных людей, приверженных ее сохранению и укреплению.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

НАДЕЖДА ТОЛОКОННИКОВА

По большому счету текущий процесс идет не над тремя вокалистками группы PussyRiot. Если бы это было так, происходящее здесь не имело бы ровно никакого значения. Это процесс над всей государственной системой Российской Федерации, которой, к несчастью для нее самой, так нравится цитировать свою жестокость по отношению к человеку, равнодушие к его чести и достоинству – все самое плохое, что когда-либо случалось в российской истории. Имитация судебного процесса приближается к стандарту сталинских «троек», к моему глубокому сожалению. Так и у нас – следователь, судья и прокурор. И еще, кроме того, выше всего этого – политический заказ на репрессии, определяющий слова, действия, решения всех троих.

Кто виноват в том, что произошло выступление в храме Христа Спасителя и последовавший за концертом процесс над нами? Виновата авторитарная политическая система. То, чем занимается группа PussyRiot, – это оппозиционное искусство, или же политика, обратившаяся к формам, разработанным искусством. В любом случае, этот род

гражданской деятельности в условиях подавления корпоративной государственной системой базовых прав человека, его гражданских и политических свобод. Многие люди, с которых с начала нулевых неумолимо и методично сдирают кожу планомерным уничтожением свобод, теперь взбунтовались. Мы искали настоящих искренности и простоты, и нашли их в юродстве панк-выступления. Страстность, откровенность, наивность выше лицемерия, лукавства и напускной благопристойности, маскирующей преступления. Первые лица государства стоят в храме с «правильными» лицами, но, лукавя, грешат куда больше нашего.

Мы делали наши политические панк-концерты, потому что в российской госсистеме царит такая закостенелость, закрытость и кастовость, а проводимая политика подчинена лишь узким корпоративным интересам настолько, что нам от одного российского воздуха больно. Нас это категорически не устраивает, заставляет действовать и жить политически. Использование принудительных силовых методов для регулирования социальных процессов. Ситуация, когда важнейшие политические институты, дисциплинарные структуры государства – силовые органы, армия, полиция, спецслужбы и соответствующее им средства обеспечения политической стабильности – тюрьмы, превентивные задержания, механизмы жесткого контроля за поведением граждан.

Нас не устраивает также вынужденная гражданская пассивность большей части населения, а также полное доминирование структур исполнительной власти над законодательной и судебной.

Кроме того, нас искренне раздражает основанный на страхе и скандално низком уровне политической культуры, который, этот уровень, сознательно поддерживается госсистемой и ее пособниками... Посмотрите, что говорит патриарх Кирилл: «Православные не ходят на митинги». Нас раздражает скандално низкая слабость горизонтальных связей внутри общества.

Нам не нравится манипулирование госсистемой общественным мнением, с легкостью осуществляемое, благодаря жесткому контролю над подавляющим большинством СМИ со стороны госструктур. И, к примеру, беспрецедентно наглая и основанная на перевирании всех фактов и слов кампания против PussyRiot, развернутая во всех российских СМИ, кроме редких в данной политической системе независимых, тому яркий пример.

Тем не менее, я сейчас констатирую то, что данная ситуация является авторитарной, данная политическая система является авторитарной. Тем не менее, я наблюдаю некоторый крах, крах этой политической системы в отношении трех участниц группы PussyRiot. Потому что то, на что рассчитывала система, не сбылось, к сожалению для нее самой.

Нас не осуждает вся Россия. И все больше людей с каждым днем все больше и больше верят нам и верят в нас, и считают, что наше место на свободе, а не за решеткой. Я вижу это по тем людям, которых я встречаю. Я встречаю людей, которые представляют эту систему, которые работают в соответствующих органах. Я вижу людей, которые сидят в местах лишения свободы. И с каждым днем тех, кто поддерживает нас, желает нам удачи, скорейшего освобождения, и говорит о том, что наше политическое выступление было оправданным, все больше и больше. Люди говорят нам: изначально мы тоже сомневались, могли ли вы это делать. Но с каждым днем все больше и больше тех, кто говорит нам: время показывает нам то, что ваш политический жест был правильным, и вы раскрыли язвы этой политической системы, вы ударили в то самое змеиное гнездо, которое потом накинuloсь на вас. Эти люди пытаются облегчить нам жизнь, как только могут, и мы им очень благодарны за это. Мы благодарны всем тем людям, которые выступают в нашу поддержку на воле. Их огромное количество. Я знаю это. И я знаю, что сейчас огромное количество православных людей выступают за нас, в частности, у суда за нас молятся, молятся за находящихся в заточении участниц группы PussyRiot. Нам показывали те маленькие книжечки, которые раздают эти православные, с содержащейся в этих книжечках молитвой о находящихся в заточении. Одно это показывает то, что нету единой социальной группы православных верующих, как пытается представить сторона обвинения. Ее не существует. И сейчас все больше верующих становится на сторону защиты группы PussyRiot. Они полагают, что то, что мы сделали, не стоит пяти месяцев в следственном изоляторе, а тем более, не стоит трех лет лишения свободы, как хочет господин прокурор.

И с каждым днем люди все больше и больше понимают, что, если политическая система так ополчилась на трех девочек, которые 30 секунд выступили в храме Христа Спасителя, это означает лишь то, что эта политическая система боится правды, боится искренности и прямоты, которые несем мы с собой. Мы не лукавили ни секунду, мы не лукавили ни в одном моменте на этом процессе. А противоположная сторона лукавит слишком много, и люди это чувствуют. Люди чувствуют правду. В правде действительно есть какое-то онтологическое, бытийное преимущество над ложью. И об этом написано в Библии. В частности, в Ветхом Завете. Пути правды всегда торжествуют в итоге над путями коварства, лукавства и лжи. И с каждым днем пути правды все больше и больше торжествуют, несмотря на то, что мы продолжаем находиться за решеткой, и, вероятно, будем находиться там еще очень длительный срок.

Вчера было выступление Мадонны, она выступала с надписью «PussyRiot» на спине... То, что мы содержимся здесь незаконно и по совершенно ложному обвинению, это видят все больше и больше людей. И меня это потрясает. Меня потрясает то, что правда действительно торжествует над ложью, несмотря на то, что физически мы здесь. Мы свободнее, чем все те люди, которые сидят напротив нас на стороне обвинения, потому что мы можем говорить все, что хотим, и мы говорим все, что хотим. А те люди, которые сидят там (указывает на стол прокурора – Ред.), они говорят лишь то, что допускает им политическая цензура. Они не могут говорить такие слова, как «панк-молебен «Богородица, Путина прогони!»», они не могут произносить те строчки из нашего панк-молебна, которые касаются политической системы. Может быть, они считают, что нас еще неплохо было бы посадить еще и за то, что мы выступаем против Путина и его системы. Но они не могут этого говорить, потому что им это запрещено. У них зашиты рты, они, к сожалению, здесь просто куклы. Я надеюсь, что они осознают это, и тоже в конце концов пойдут по пути свободы, правды, искренности, потому что все это выше статичности и напускной благопристойности и лицемерия.

Статичность и поиск истины – всегда противоположны. И в данном случае мы на этом процессе видим сторону людей, которые пытаются найти какую-то истину, найти правду, и людей, которые пытаются закрепить тех, кто хочет найти истину. Человек – это существо, которое всегда ошибается, оно несовершенно. Оно всегда стремится к мудрости, но никогда ее не имеет. Именно поэтому родилась философия. Именно поэтому философ – это тот, кто любит мудрость и стремится к ней, но никогда ей не обладает. Именно это заставляет его действовать, думать и жить, в конечном счете, так, как он живет. И именно это заставило нас пойти в храм Христа Спасителя. И я полагаю, что христианство, то, как я его поняла, изучая Ветхий Завет и, в особенности, Новый Завет, оно поддерживает именно поиск истины и постоянное преодоление себя, преодоление того, чем ты был раньше. Христос не зря был с блудницами. Он говорил: надо помогать тем, кто оступается, и я прощаю их. Но почему-то я не вижу этого на нашем процессе, который происходит под знаменем христианства. Мне кажется, что сторона обвинения попирает христианство!

Адвокаты отказываются от своих потерпевших... Я трактую это именно так. Два дня назад адвокатом Таратухиным здесь была озвучена речь о том, что все должны понимать, что адвокат не солидаризуется ни в коем случае с теми людьми, которых он представляет. Соответственно, адвокату этически неудобно представлять тех людей, которые хотят посадить трех участниц PussyRiot. Почему они хотят по-

садить, я не знаю, они имеют на это право. Но я лишь указываю на то, что, видимо, адвокату стало стыдно. И эти крики, направленные в его адрес: «Позор! Палачи!», – они затронули его все-таки. И адвокат за то, что правда и добро торжествуют всегда над ложью и злом. Также мне кажется, что какие-то высшие силы направляют речи противоположной стороны – адвокатов, когда они раз за разом оговариваются, ошибаются. Они говорят про нас «потерпевшие». Это говорят фактически все адвокаты, в том числе адвокат Павлова, которая настроена к нам очень негативно. И, тем не менее, какие-то высшие силы заставляют ее говорить «потерпевшие» – о нас, не про тех, кого она защищает – про нас.

Я бы не стала вешать ярлыки. Мне кажется, здесь нет победителей и проигравших, потерпевших, подсудимых. Просто нам нужно, наконец, найти контакт, установить диалог, и совместный поиск истины, правды... Совместно стремиться к мудрости, совместно быть философами, а не просто стигматизировать и вешать на людей ярлыки. Это самое последнее, что может сделать человек, и Христос осуждал это.

Сейчас здесь над нами в судебном процессе происходит надругательство. Кто бы мог предположить, что человек и контролируемая им государственная система, вновь и вновь способны творить абсолютное, немотивированное зло. Кто бы мог предположить, что история – в частности, еще недавний опыт страшного Большого сталинского террора – совершенно не учит. Хочется рыдать, глядя на то, как приемы средневековой инквизиции воцаряются в правоохранительной и судебной системах Российской Федерации, которая – наша страна. Но с момента ареста мы не можем больше рыдать, мы разучились плакать. Мы отчаянно кричали на наших панк-концертах, как могли и как умели, о беззакониях начальства и властей. Но вот у нас украли голос.

Весь процесс нас отказываются слышать. Именно слышать. Слышать – это значит воспринимать, думать при этом, стремиться к мудрости, быть философами. Мне кажется, каждый человек должен в глубине души к этому стремиться, а не только человек, который прошел какой-то философский факультет. Это ничто. Само по себе формальное образование – это ничто; и адвокат Павлова постоянно пытается упрекнуть нас в недостатке образования. Мне кажется, самое главное – это стремление, стремление знать и понимать. Это то, что человек может получить сам, вне стен учебного заведения. И регалии, научные степени в данном случае ничего не значат. Человек может обладать огромным количеством знаний, но не быть при этом человеком. Пифагор говорил о том, что «многознание уму не научает».

Мы здесь, к сожалению, вынуждены это констатировать. Мы лишь декорации, элементы неживой природы, тела, доставленные в зал суда.

Если наши ходатайства после многодневных просьб, уговоров и борьбы все-таки рассматриваются, то они непременно бывают отклонены. Зато суд, к несчастью, к сожалению, для нас, для этой страны, слушает прокурора, который раз за разом безнаказанно искажает все наши слова и заявления, пытаясь нивелировать их. Нарушение базового принципа состязательности сторон не скрывается и носит показательный характер.

30 июля, в первый день судебного процесса, мы представили свою реакцию на обвинительное заключение. Написанный нами текст зачитала защитник Волкова, поскольку подсудимым суд категорически отказывался тогда давать слово. Это была первая за пять месяцев тюремного заключения возможность высказаться для нас. До этого мы были в заключении, в заточении, отсюда мы не можем делать ничего: делать заявления, мы не можем снимать фильмы в СИЗО, у нас нет интернета, мы даже не можем пронести какую-то бумагу нашему адвокату, потому что и это запрещено. 30 июля мы высказались впервые. Мы призвали к контакту и диалогу, а не к борьбе и противостоянию. Мы протянули руку тем, кто зачем-то полагает нас своими врагами. В ответ над нами посмеялись, в протянутую руку плюнули. «Вы неискренни», – заявили. А зря. Не судите по себе. Мы говорили, как впрочем, и всегда, искренне, именно то, что думаем. Мы, вероятно, по-детски наивны в своей правде, но, тем не менее, ни о чем сказанном, в том числе и в тот день, мы не жалеем. И будучи злословимы, мы не собираемся злословить взаимно. Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся. Тонины, но не оставлены. Открытых людей легко унижать и уничтожать, но «когда я немощен, то силен».

Слушайте нас. Нас, а не Аркадия Мамонтова о нас. Не искажайте и не перевирайте все, нами сказанное, и позволяйте нам вступить в диалог, в контакт со страной, которая, в том числе, и наша, а не только Путина и патриарха. Я, как Солженицын, верю в то, что слово в итоге разрушит бетон. Солженицын писал: «Значит, слово – искренней бетона? Значит, слово – не пустяк? Так тронутся в рост благородные люди, и слово их разрушит бетон».

Я и Катя, и Маша сидим в тюрьме, в клетке. Но я не считаю, что мы потерпели поражение. Как и диссиденты не были проигравшими. Теряясь в психбольницах и тюрьмах, они выносили приговоры режиму. Искусство создания образа эпохи не знает победителей и проигравших. Так и поэты, обэриуты, до конца оставались художниками, по-настоящему необъяснимо и непонятно, будучи «зачищенными» в 1937 году. Введенский писал: «Нам непонятное приятно, необъяснимое нам друг». Согласно официальному свидетельству о смерти, Александр Введенский

в арестантском вагоне, то ли пуля конвоя. Место – где-то на железной дороге между Воронежем и Казанью. PussyRiot – ученики и наследники Введенского. Его принцип плохой рифмы для нас родной. Он писал: «Бывает, что приходят на ум две рифмы: хорошая и плохая. Я выбираю плохую. Именно она и будет правильной».

«Необъяснимое нам друг». Элитарные и утонченные занятия обэриутов, их поиски мысли на грани смысла воплотились окончательно ценой их жизни, унесенной бессмысленным и ничем не объяснимым Большим Террором. Ценой собственных жизней обэриуты невольно доказали, что их учение о бессмыслице и алогичности, как нервах эпохи, было верным. Возведя при этом художественное на уровень исторического. Цена соучастия в сотворении истории всегда непомерно велика для человека и для его жизни. Но именно в этом соучастии и заключается вся соль человеческого существования. «Быть нищим, но многих обогащать. Ничего не иметь, но всем обладать». Диссидентов-обэриутов считают умершими, но они живы. Их наказывают, но они не умирают.

А помните ли вы, за что был приговорен к смертной казни молодой Достоевский? Вся вина его заключалась в том, что он увлекся теориями социализма. На собрании дружественного кружка вольнодумцев, собиравшихся по пятницам на квартире Петрашевского, обсуждались сочинения Фурье и Жорж Санд. А на одной из последних пятниц он прочел вслух письмо Белинского Гоголю, наполненное, по определению суда, внимание – «дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти». После всех приготовлений к смертной казни и после десяти «ужасных, безмерно страшных минут в ожидании смерти», как характеризовал сам Достоевский, было объявлено о перемене приговора – на 4 года каторжных работ с последующим отбыванием воинской службы в армии.

Сократ был обвинен в развращении молодежи своими философскими беседами и в непризнании афинских богов. Сократ обладал связью с внутренним божественным голосом, и он не был ни в коем случае богоборцем, о чем неоднократно говорил. Но для кого это имело значение, коль скоро Сократ раздражал влиятельных жителей города своим критическим, диалектическим и свободным от предрассудков мышлением? Сократ был приговорен к смертной казни. И, отказавшись бежать, хотя ученики предлагали ему, хладнокровно выпил кубок с ядом, с цикутой, и умер.

А не забыли ли вы, при каких обстоятельствах завершил свой земной путь последователь апостолов Стефан? «Тогда научили они некоторых сказать: «Мы слышали, как он говорит хульные слова на Моисея и на Бога. И возбудили народ, и старейшин, и книжников. И на Пасху схва-

тили его и повели в Синедрион. И представили ложных свидетелей, которые говорили: «Этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон». Он был признан виновным и казнен побиванием камнями.

Также смею надеяться, что все хорошо помнят, как иудеи говорили Христу: «Не за доброе дело хотим побить тебя камнями, но за богохульство». И, наконец, стоило бы держать в уме такую характеристику Христа: «Он одержим бесом и безумствует».

Я полагаю, что если бы начальство – цари, старейшины, президенты, премьеры, народ и судьи – хорошо знали и понимали, что значит «милости хочу, а не жертвы», то не осудили бы невиновных. Наше же начальство пока спешат лишь с осуждением, но никак не с милостью. Кстати, спасибо Дмитрию Анатольевичу Медведеву за очередной замечательный афоризм! Если свой президентский срок он обозначил лозунгом «Свобода лучше, чем несвобода», то, благодаря меткому слову Медведева, у третьего срока Путина есть хорошие шансы пройти под знаком нового афоризма – «Тюрьма лучше, чем побивание камнями».

Прошу внимательно вдуматься в следующую мысль. Она выражена Монтенем в XVI веке в «Опытах». Он писал: «Надо слишком высоко ставить свои предположения, чтобы из-за них предавать сожжению живых людей». А стоит ли живых людей осуждать и сажать в тюрьму всего лишь за предположения, ни на чем фактически не основанные, со стороны обвинения? Поскольку мы реально не питали и не питаем религиозной ненависти и вражды, нашим обвинителям ничего не остается, как прибегать к помощи лжесвидетелей. Одна из них, Иващенко Мотильда, устыдилась и в суд не явилась. Остались лживые свидетельства господ Троицкого и Понкина, а также госпожи Абраменковой. И нет больше никаких доказательств наличия ненависти и вражды по материалам так называемой экспертизы, которую суд, если он честен и справедлив, должен признать доказательством недопустимым – в силу того, что это не научный, строгий и объективный текст, а грязная и лживая бумажка времен средневековой инквизиции. Других доказательств, хоть как-то подтверждающих наличие мотива, нет.

Выдержки из текстов песен PussyRiot обвинение приводят стесняется, поскольку они являются живейшим доказательством отсутствия мотива. Мне очень нравится, я приведу эту выдержку, мне кажется, она очень важна. Интервью из «Русского репортера», данное нами после концерта в храме Христа: «Мы уважительно относимся к религии, православной в частности. Именно поэтому нас возмущает, что великую светлую христианскую философию так грязно используют. Нас несет от того, что самое прекрасное сейчас ставят раком». Нас несет до сих пор от этого. И нам реально больно на все это смотреть.

Отсутствие каких-либо проявлений с нашей стороны ненависти и вражды показывают ВСЕ допрошенные свидетели защиты, даже в показаниях по нашим личностям. Кроме того, помимо всех прочих характеристик, прошу учесть результаты психолого-психиатрической экспертизы, проведенной со мной по заказу следствия в СИЗО. Эксперты показали следующее: ценности, которых я придерживаюсь в жизни, это – справедливость, взаимное уважение, гуманность, равенство и свобода». Это говорил эксперт. Это был человек, который меня не знает. И, вероятно, следователь Ранченков очень бы хотел, чтобы эксперт написал что-то другое. Но, по всей видимости, людей, которые любят и ценят правду, все-таки больше. И Библия права.

И, напоследок, мне хотелось бы процитировать песню группы PussyRiot – потому что, как ни странно, все их песни оказались пророческими. В том числе наше пророчество о том, что «глава КГБ и главный святой ведет протестующих в СИЗО под конвоем» – это относительно нас. А то, что я хочу процитировать сейчас, это следующие строчки: «Откройте все двери, снимите погоны, почувствуйте с нами запах свободы!» Все.

(аплодисменты)

Судья, раздраженно: «Уважаемая публика, мы не в театре находимся! Пожалуйста, Алехина, Вам предоставляется последнее слово.»

МАРИЯ АЛЕХИНА

Этот процесс показателен и красноречив. Не раз еще власть будет краснеть за него и стыдиться. Каждый его этап – квинтэссенция беспредела.

Как вышло, что наше выступление, будучи изначально небольшим, и несколько нелепым актом, разрослось до огромной беды? Очевидно, что в здоровом обществе такое невозможно. Что Россия как государство давно напоминает насквозь больной организм. И эта болезнь взрывается с резонансом, когда задеваешь назревшие нарывы. Эта болезнь сначала долго публично замалчивается, но позже всегда находится разрешение через разговор. Смотрите: вот она форма разговора, на которую способна наша власть! Этот суд – не просто злая гротескная маска, это лицо разговора с человеком в нашей стране.

На общественном уровне для разговора о проблеме часто нужна ситуация – импульс. И интересно, что наша ситуация уже изначально деперсонифицирована. Потому что, говоря о Путине, мы имеем в виду, прежде всего, не Владимира Владимировича Путина, но мы имеем в виду Путина, как систему, созданную им самим. Вертикаль власти, где все управление осуществляется практически вручную. И в этой

вертикали не учитывается, совершенно не учитывается мнение масс. И, что больше всего меня волнует, не учитывается мнение молодых поколений. Мы считаем, что неэффективность этого управления, она проявляется практически во всем.

И здесь в последнем слове я хочу вкратце описать мой непосредственный опыт столкновения с этой системой.

Образование, с которого начинается становление личности в социуме, фактически игнорирует особенности этой личности. Отсутствует индивидуальный подход, отсутствует изучение культуры, философии и базовых знаний о гражданском обществе. Формально эти предметы есть, но форма их преподавания наследует советский образец. И, как итог, мы имеем маргинализацию современного искусства в сознании человека, отсутствие мотивации к философскому мышлению, гендерную стереотипизацию, и отметание в дальний угол позиции человека как гражданина.

Современные институты образования учат людей с детства жить автоматически. Не ставят ключевых вопросов с учетом возраста, прививают жестокость и неприятие инакомыслия. Уже с детства человек забывает свою свободу.

У меня есть опыт посещения психиатрического стационара для несовершеннолетних. И я с уверенностью говорю, что там может оказаться любой подросток, более или менее активно проявляющий инакомыслие. Часть детей, находящихся там – из детских домов. И у нас в стране считается нормой – ребенка, пытавшегося сбежать из детдома, положить в психбольницу и осуществлять лечение сильнейшими успокоительными, такими, как, например, аминазин, который использовался еще для усмирения советских диссидентов в 70-е годы. Это особенно драматично при общем карательном уклоне и отсутствии психологической помощи, как таковой. Все общение там построено на эксплуатации чувства страха и вынужденного подчинения этих детей. И, как следствие, уровень их жестокости опять же вырастает в разы. Многие дети там безграмотны, но никто не делает попыток бороться с этим. Напротив, отбиваются последние капли мотивации к развитию. Человек замыкается, перестает доверять миру.

Хочу заметить, что подобный способ становления очевидно препятствует осознанию внутренней и, в том числе, религиозной свободы, и носит массовый характер, к сожалению. Следствием такого процесса, как я только что сказала, является онтологическое смирение, бытийное смирение в социализации. Этот переход – или перелом – примечателен тем, что, если воспринимать его в концепции христианской культуры, то мы видим, как изменяются смыслы, символы на

стианских категорий – отныне понимается в бытийном смысле не как путь очищения, укрепления, конечного освобождения человека, а, напротив, как способ его порабощения. Цитируя Николая Бердяева, можно сказать, что «онтология смирения – это онтология рабов божьих». А не сынов божьих.

Когда я занималась организацией экологического движения, у меня окончательно сформировался приоритет внутренней свободы, как основы для действия. И также важность, непосредственная важность действия, как такового. До сих пор мне удивительно, что в нашей стране требуется ресурс в несколько тысяч человек для прекращения произвола одного или горстки чиновников. Я хочу заметить, что наш процесс – очень красноречивое подтверждение тому. Требуется ресурс тысяч людей по всему миру, чтобы доказать очевидное: что мы невиновны втроем. Об этом говорит весь мир! Весь мир говорит на концертах, весь мир говорит в интернете, весь мир говорит в прессе! Об этом говорят в парламенте. Премьер-министр Англии приветствует нашего президента не словами об олимпиаде, а вопросом, почему три невиновные девушки сидят в тюрьме. Это позор!

Еще более удивительно для меня, что люди не верят в то, что могут как-либо повлиять на власть. Во время проведения пикетов и митингов, когда я собирала подписи и организовывала этот сбор подписей, многие люди меня спрашивали, притом спрашивали с искренним удивлением: какое им, собственно, может быть дело до, может быть, единственного существующего в России реликтового, может быть, но какое им дело до этого леса в Краснодарском крае, до этого небольшого пяткачка? Какое им, собственно, дело, что жена нашего премьер-министра Дмитрия Медведева собирается построить там резиденцию и уничтожить единственный можжевельный заповедник у нас в России? Вот эти люди... Еще раз находится подтверждение, что люди у нас в стране перестали ощущать принадлежность территорий нашей страны им самим, гражданам. Эти люди перестали чувствовать себя гражданами. Они чувствуют себя просто автоматическими массами. Они не чувствуют, что им принадлежит даже лес, находящийся непосредственно у них около дома. Я даже сомневаюсь в том, что они осознают принадлежность собственного дома им самим. Потому что, если какой-нибудь экскаватор подъедет к подъезду и людям скажут, что им нужно эвакуироваться, что, извините, мы сносим теперь ваш дом, здесь будет теперь резиденция чиновника – эти люди покорно соберут вещи, соберут сумки и пойдут на улицу. И будут там сидеть ровно до того момента, пока власть не скажет им, что делать дальше. Они совершенно аморфные. Это очень грустно.

Я почти полгода сижу, и я поняла, что тюрьма – это Россия в миниатюре. Начать даже можно с системы управления – это та же вертикаль власти, где решение любых вопросов происходит единственно через прямое вмешательство начальника. Отсутствует горизонтальное распределение обязанностей, которое заметно облегчило бы всем жизнь. И отсутствует личная инициатива. Процветает донос, взаимное подозрение. В СИЗО, как и у нас в стране, все работает на обезличивание человека, приравнивание его к функции: будь то функция работника или заключенного. Строгие рамки режима дня, к которому быстро привыкаешь, похожи на рамки режима жизни, в которые помещают человека с рождения. В этих рамках люди начинают дорожить малым. В тюрьме это, например, скатерть или пластиковая посуда, которую можно раздобыть только с личного разрешения начальника. А на воле это, соответственно, статусная роль в обществе, которой тоже люди очень сильно дорожат, что мне, например, всегда всю жизнь было удивительно.

Ещё один момент – это осознание этого режима, как спектакля, который на реальном уровне оказывается хаосом. Внешне режимное заведение обнаруживает дезорганизацию и неоптимизированность большинства процессов. И очевидно, что к управлению это явно не ведет. Напротив, у людей обостряется потерянности, в том числе во времени и пространстве. Человек, как и везде в стране, не знает, куда обратиться с тем или иным вопросом. Поэтому обращается к начальнику СИЗО. На воле, считай, к начальнику Путину. Мы против путинского хаоса, который только внешне называется режимом.

Выражая в тексте собирательный образ системы, в которой по нашему мнению, происходит некоторая мутация практически всех институтов, при внешней сохранности форм, и уничтожается такое дорогое нам гражданское общество, мы не совершаем в текстах прямого высказывания. Мы лишь берем форму прямого высказывания. Берем эту форму, как художественную форму. И единственное, что тождественно – это мотивация. Наша мотивация – тождественна мотивации при прямом высказывании. И она очень хорошо выражена словами Евангелия: «Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Я, и мы все, искренне верим, что нам отворят. Но, увы, пока что нас только закрыли в тюрьме. Это очень странно, что реагируя на наши действия, власти совершенно не учитывают исторический опыт проявления инакомыслия.

«Несчастлива та страна, где простая честность воспринимается в лучшем случае, как героизм, а в худшем, как психическое расстройство», – писал в 70-е годы диссидент Буковский. Прошло не так много времени,

и уже как будто не было ни Большого Террора, ни попыток противостоять ему. Я считаю, что мы обвиняемы беспамятными людьми.

«Многие из них говорили: «Он одержим бесом и безумствует. Что слухаете его»? Эти слова принадлежат иудеям, обвинившим Иисуса Христа в богохульстве. Они говорили: «Хотим побить тебя камнями за богохульство» (Иоанн 10.33). Интересно, что именно этот стих использует русская православная церковь для выражения своего мнения на богохульство. Это мнение заверено на бумаге, приложено к нашему уголовному делу. Выражая его, русская православная церковь ссылается на Евангелие как на статичную религиозную истину. Под Евангелием уже не понимается откровение, которым оно было с самого начала. Под ним понимается некий монолитный кусок, который можно разодрать на цитаты, и засунуть, куда угодно, в любой свой документ, использовать для любых целей. И русская православная церковь даже не озаботилась тем, чтобы посмотреть, в каком контексте используется слово «богохульство», что в данном случае оно было применено к Иисусу Христу.

Я считаю, что религиозная истина не должна быть статичной. Что необходимо понимание имманентных путей развития духа, испытаний человека, его раздвоенности, расщепления. Что все эти вещи необходимо переживать для становления. Что только посредством переживания этих вещей человек может к чему-то прийти, и будет приходить постоянно. Что религиозная истина – это процесс, а не результат, который можно засунуть, куда угодно. И все эти вещи, о которых я сказала, эти процессы, они осмысляются в искусстве и философии. В том числе, в современном искусстве. Художественная ситуация может и, на мой взгляд, должна содержать свой внутренний конфликт. И меня очень сильно раздражает вот эта «так называемость» в словах обвинения применительно к современному искусству.

Я хочу заметить, что во время суда над поэтом Бродским, использовалось ровно то же самое. Его стихи обозначались, как «так называемые стихи», а свидетели их не читали. Как и часть наших свидетелей не были очевидцами произошедшего, но видели в интернете клип.

Наши извинения, видимо, тоже обозначаются в собирательной обвиняющей голове, как «так называемые». Хотя это оскорбительно и наносит мне моральный вред и душевную травму. Потому что наши извинения были искренними. Мне так жаль, что произнесено было такое количество слов, но вы до сих пор их не поняли. Или вы лукавите, говоря о наших извинениях, как о неискренних извинениях? Я не понимаю, что вам ещё нужно услышать? Для меня этот процесс имеет статус «так называемого процесса». И я вас не боюсь. Я не боюсь лжи и фикции, плохо задекорированного обмана в приговоре «так назы-

ваемого» суда, потому что вы можете лишиться меня лишь «так называемой» свободы. Только такая существует в Российской Федерации. А мою внутреннюю свободу никому не отнять. Она живёт в слове, она будет жить, благодаря гласности, когда это будут читать и слышать тысячи людей. Эта свобода уже продолжается с каждым равнодушным человеком, который слышит нас в этой стране. Со всеми, кто нашел осколки процесса в себе, как когда-то нашли их Франц Кафка и Ги Дебор. Я верю, что именно честность и гласность, жажда правды сделают всех нас немного свободнее.

Мы это увидим.

(аплодисменты)

Пристав: Эмоции свои оставляем при себе! Вам говорили об этом всем!

ЕКАТЕРИНА САМУЦЕВИЧ

В последнем слове от подсудимого обычно ждут обычно либо раскаяния, либо сожаления о содеянном, либо перечисления смягчающих обстоятельств. В моем случае, как и в случае моих коллег по группе, это совершенно не нужно. Вместо этого я хочу высказать свои соображения по поводу причин произошедшего с нами.

То, что храм Христа Спасителя стал значимым символом в политической стратегии наших властей, многим думающим людям стало понятно еще с приходом на руководящий пост в Русской православной церкви бывшего коллеги Владимира Владимировича Путина Кирилла Гундяева. После чего храм Христа Спасителя начал откровенно использоваться в качестве яркого интерьерера для политики силовых структур, являющихся основным источником власти.

Почему Путину вообще понадобилось использовать православную религию, ее эстетику? Ведь он мог воспользоваться своими, куда более светскими инструментами власти – например, национальными корпорациями, или своей грозной полицейской системой, или своей послушной судебной системой? Возможно, что жесткая неудачная политика проекта Путина – инцидент с подводной лодкой «Курск», взрывы мирных граждан среди бела дня и другие неприятные моменты в его политической карьере – заставили задуматься о том, что ему уже давно пора сделать самоотвод, иначе в этом ему помогут граждане России. Видимо, именно тогда ему понадобились более убедительные, трансцендентные гарантии своего долгого пребывания на вершине власти. Здесь возникла потребность использовать эстетику православной религии, исторически связанной с лучшими имперскими временами

России, где власть шла не от таких земных проявлений, как демократические выборы и гражданское общество, а от самого Бога.

Как же ему это удалось? Ведь у нас все-таки светское государство, и любое пересечение религиозной и политической сфер должно строго пресекаться нашим бдительным и критически мыслящим обществом?

Видимо, здесь власти воспользовались определенной нехваткой православной эстетики в советское время, когда православная религия обладала ореолом утраченной истории, чего-то задавленного и поврежденного советским тоталитарным режимом, и являлась тогда оппозиционной культурой. Власти решили апроприировать этот исторический эффект утраты и представить свой новый политический проект по восстановлению утраченных духовных ценностей России, имеющий весьма отдаленное отношение к искренней заботе о сохранении истории и культуры православия. Достаточно логичным оказалось и то, что именно Русская православная церковь, давно имеющая мистические связи с властью, явилась главным медийным исполнителем этого проекта. При этом было решено, что Русская православная церковь, в отличие от советского времени, где церковь противостояла, прежде всего, грубости власти по отношению к самой истории, должна также противостоять всем пагубным проявлениям современной массовой культуры с ее концепцией разнообразия и толерантности.

Для реализации этого интересного во всех смыслах политического проекта потребовалось немалое количество многотонного профессионального светового и видео оборудования, эфирного времени на центральных каналах для прямых многочасовых трансляций и, в последующем, многочисленных подсьемок к укрепляющим мораль и нравственность новостным сюжетам, где и будут произноситься стройные речи патриарха, помогающие верующим сделать правильный политический выбор в тяжелые для Путина предвыборные времена. При этом все съемки должны проходить непрерывно, нужные образы должны врезаться в память и постоянно возобновляться, создавая впечатление чего-то естественного, постоянного и обязательного.

Наше внезапное музыкальное появление в храме Христа Спасителя с песней «Богородица, Путина прогони» нарушило цельность этого, так долго создаваемого и поддерживаемого властями медийного образа, выявило его ложность. В нашем выступлении мы осмелились без благословения патриарха совместить визуальный образ православной культуры и культуры протеста, наведя умных людей на мысль о том, что православная культура принадлежит не только Русской православной церкви, патриарху и Путину – она может оказаться и на стороне гражданского бунта и протестных настроений в России. Возможно, такой

неприятный масштабный эффект от нашего медийного вторжения в храм стал неожиданностью для самих властей. Сначала они попытались представить наше выступление как выходку бездушных воинствующих атеисток. Но сильно промахнулись, так как к этому времени мы уже были известны как антипутинская панк-феминистская группа, осуществляющая свои медианабеги на главные политические символы страны. В итоге, оценив все необратимые политические и символические потери, принесенные нашим невинным творчеством, власти все-таки решились оградить общество от нас и нашего неконформистского мышления. Так закончилось наше простое панк-приключение в храме Христа Спасителя.

У меня сейчас смешанные чувства по поводу этого судебного процесса. С одной стороны, мы сейчас ожидаем обвинительный приговор. По сравнению с судебной машиной, мы никто, мы проиграли. С другой стороны, мы победили. Сейчас весь мир видит, что заведенное против нас уголовное дело сфабриковано. Система не может скрыть репрессивный характер этого судебного процесса. Россия в очередной раз выглядит в глазах мирового сообщества не так, как пытается ее представить Владимир Путин на каждодневных международных встречах. Все обещанные им шаги на пути к правовому государству, очевидно, так и не были сделаны. А его заявление о том, что суд по нашему делу будет объективен и вынесет справедливое решение, является очередным обманом всей страны и мирового сообщества.

Все. Спасибо.

(аплодисменты, крики: «Спасибо!»)

СТАРЫЕ ЭФЕБЫ

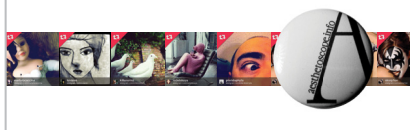
Эстетоскоп готовит к выпуску в свет полную версию визуально-поэтической композиции Рафаэля Левчина «Старые эфебы». Избранные места из этого произведения были опубликованы нами в последнем выпуске альманаха Aesthetoscope – Aesthetoscope_Поэзия.2012.

«Создание цикла было мучительным – писалось легко, перedelывалось ещё легче, но эта лёгкость оказалась обманчивой. Когда дело дошло до введения в книгу коллажей, то началась эпическая схватка: визуалки набрасывались на тексты, и автор с замиранием сердца размышлял, кто же кого поборет.

Коллаж в принципе не должен быть иллюстрацией к тексту, но и текст не должен быть погребён под коллажом. Автору и самому не всегда понятно, как им удалось в конце концов найти общий язык и согласованность.»

Рафаэль Левчин

ЭСТЕТОСКОП. 2012_ПРОЗА

Альманахи Эстетоскопа представляют результат настойчивых поисков прекрасного, плод свободных мыслей, речи и письма.

Прежде, чем попасть в альманах, работы наших авторов проходят несколько испытаний. Произведения, показавшиеся нам любопытными и перспективными в издательском плане, мы собираем в редакционном портфеле, где с ними могут ознакомиться члены редакционной коллегии и любопытные читатели. Размещение произведения в редакционном портфеле предполагает, что оно будет рассмотрено членами редколлегии и будет определена необходимость редакции текста и возможность его публикации.

Затем мы определяем способ оформления отредактированного текста, подбираем к нему иллюстрации и подготавливаем его к публикации в виде самостоятельного издания, которое размещаем на нашем сайте, в разделе [Aesthetoscope_в печать](#). Там вы можете скачать его, распечатать и прочитать.

Время от времени мы собираем лучшие из этих электронных изданий под одной обложкой и выпускаем в свет бумажный альманах.

Именно такое издание мы представляем сегодня вашему вниманию. Альманах Эстетоскоп.2012_Проза продолжает традицию альманахов [Aesthetoscope – Aesthetoscope_Поэзия](#), [Aesthetoscope_Проза](#), [Aesthetoscope_Концепция Прекрасного](#) и [Aesthetoscope_7@](#).